

ТАТЬЯНА ИВАНОВА

ПРОБЛЕМА

ДЛЯ ДРАКОНА

Черную полосу в своей жизни Мила и не думала воспринимать всерьез. Проигранные соревнования — не беда! На работе полный кавардак — справимся! Все укатили на корпоратив в Сочи, а ты красишь заборы на даче бигбосса — раз плюнуть!

Но кто бы мог подумать, что поход к гадалке обернется не просто попаданством, а проблемой.

Большой проблемой для... дракона.

Глава 1

— Мила, быстрее давай, — кричит начальство мне откуда-то слева.

— Киса, уйди с дороги! — шипит злобный голос сзади.

А я продолжаю петлять, не давая шансов конкурентам, и радостно улыбаюсь, когда впереди показывается финиш.

Бегу на пределе возможностей и золотой блеск кубка уже слепит глаза. В голове маячит обещанная премия за победу юридического отдела и куча нужных вещей, которые можно на эту премию приобрести.

Удар. Резкий, мощный, прямо в спину. Я падаю, и через меня, перемахивая, вперед несется менеджер Сашка.

— У-у-у-у, — вою, поднимаясь. Но решаю все же продолжить. Все-таки второй быть тоже не так плохо. Может, руководство сжалится и выпишет хоть кусочек от премии.

Руки горят, колени разодраны в кровь, да и лицо, будто на него камуфляжную краску нанесли успели. Но я детский дом прошла, общагу при институте, так что силы воли и упорства не занимать!

Когда добираюсь до заветного холма, Сашка уже радостно целует кубок, любовно его поглаживая.

— И не стыдно тебе, Коробцов? — говорю, подходя и нагло выхватывая драгоценный трофей из загребущих ручонок.

— А ты докажи, Кис-с-са, — противно скалится коллега и наклоняется, шепча. — Ты не тому отказала, Константинова. Будешь теперь заборы красить за копейки, пока все лучшие на корпоративе в Сочи оттягиваться будут.

Сволочь. Как есть, самая настоящая. Он мне того, что на свидание с ним не пошла и потом еще раз пять отказывала, никогда не забудет. И на что другие девчонки смотрят, когда на шею ему вешаются?

Ну внешне хорош, не спорю. Но внутри-то сплошное гнильё! Меня передернуло даже, когда его жаркое дыхание коснулось шеи.

Отошла тут же, но кубок отдавать не собиралась. Ещё чего!

— О, Мила, Сашка, молодцы.

— Мы третьи, ур-р-ра!

— Так кто на корпоратив едет, юристы?

Со всех сторон начали раздаваться голоса других участников, которые подбегали постепенно, с большим разрывом.

Я всем улыбалась лучезарно, хоть и выглядела сейчас не ахти. Но за общим ажиотажем этого и не заметил никто.

— Пс-с, Мил, — меня аккуратно за локоток подцепил непосредственный начальник, вытягивая из толпы. — Ты же первая бежала.

Да-да, все очень хотели в Сочи, и на меня, как лучшего бегуна, даже ставки делали.

— Бежала... — я замялась. Вроде и признаться во всем было бы правильно, а язык будто распух во рту, что и слова не вымолвить.

— А грязная чего? — вот теперь начальник выглядел уже обеспокоенно.

Как? Почему не видел? Он же рядом всегда был, незримый контролер, так сказать. Но последний этап соревнований проходил в лесу и характеризовался, как бег с препятствиями

и спортивное ориентирование. Вот Николай Юрьевич, видимо, на последнем километре и не сориентировался. А так, очень полезные советы всегда кричал в маленький наушник, подкрепляя их криками вживую.

Просто тут все мужики, одна я хрупкая и нежная, вот и решили немного схитрить, обменявшись наушниками.

Вообще, было весело. Мы на три дня выехали всей компанией за город. И юристы все эти дни лидировали.

Сашка, блин!

— Упала, — выдохнула устало и обиженно, чего уж скрывать. — И кубок продажникам достался не...не...

У меня опять случилось распухание языка. Даже прикусила его с непривычки.

Это было уже по меньшей мере странно, но в суматохе как-то снова позабылось.

Глава 2

Обратно добирались кто как. На своих машинах, такси, или корпоративном автобусе. И так как собственным транспортом я еще не обзавелась, ехали вместе со всем офисным планктоном.

— Голубой вагон бежит качается... — горланили с задних рядов самые веселые, которым периодически начинали подпевать и остальные. Ну как пройти мимо старых советских песенок или «увезите меня на Дип-хаус». Вот и я говорю — никак.

— Константинова, я присяду? — раздалось едва слышное.

Ничего не ответила. Отвернулась только. Вообще, около окна сидеть не любила, детская фобия, идущая со мной рука об руку всю жизнь. Вот и сейчас, я располагалась с краю, а место у окна пустовало. Многие скооперировавшись, выбрали более комфортный способ добраться до дома. Но в мою Тмутаракань, а именно — пригород Одинцово, не ехал никто. Вот и придется путешествовать, сначала на автобусе до метро, потом по метро до электрички, и, наконец, на маршрутке до любимой многоэтажки.

Но жаловаться я не привыкла. Это жизнь, и замечательно, что она у меня вообще есть!

— Кись...

Я в ответ зашипела. Кись, так кись. Сам напросился. Жаль коготков не отрастила, но обязательно этим займусь.

— Коробцов, ты правда думаешь, что я после сегодняшнего с тобой разговаривать буду? Лесом иди! А потом полем и снова лесом, ферштейн? — злая была, до чертиков перед глазами.

Саша склонился низко, опять нарушая мое личное пространство, и с угрозой в голосе процедил.

— У меня доступ к тебе уже открыт, Мила. И дальше решай сама, по-хорошему ты со мной будешь, или по-плохому.

— Что? Доступ? Говорили вам, не мешайте в кубке напитки разные. А вы: «Как хоккеисты, как хоккеисты». Дохоккеистелись? Уже глюки пошли и горячка белая, — я даже злиться перестала. Как на ущербного такого обижаться-то можно. — У меня с собой аспирин есть шипучий. Давай разведу, хоть голова прояснится.

Он вздохнул тяжело, развернулся и утопал к своему месту. Ну вот, так бы сразу. Завтра же начальнику нажалуюсь. Николай Юрьевич очень справедливый человек, он мерзость с толканием в спину не потерпит.

* * *

Домой уже буквально ползла. В прямом смысле, потому что свет отключили, и до 15 этажа я добиралась пешком по узкой лестнице и с фонариком в зубах, благо тот у меня постоянно в сумке обитает вместе с электрошокером. У нас, вообще-то, район спокойный. Но начали новый микрорайон строить, рабочих и приезжих много, всякое может быть. Тем более, что я до дома доезжаю лишь поздним вечером. Удаленность Подмосковья, чтоб её...

В квартире меня никто не встречал, и тоскливо стало, хоть вой. Я кота очень хотела, да жалко животинку. С моим графиком он скучать постоянно будет, да и командировки никто

не отменял. А с личной жизнью пока не складывалось.

Но мне же только 22. Так что впереди маячат романы, свадьбы, дети и прочий калейдоскоп радостных событий. Я улыбнулась сама себе в зеркало и отскочила тут же.

Сердце колотилось часто-часто, руки дрожали, а зубы отстукивали о металлический каркас фонарика чечётку.

Ну додумалась же я в темной квартире в зеркало смотреть! Фонарь отбрасывал на лицо причудливые тени, вот и померещилась жуть. Ничего удивительного.

Перехватила единственный объект света в руку, опасливо обходя отражающие поверхности.

Еще одна фобия? Вот уж дудки!

— Ведьма-ведьма уходи,

И дракона уводи,

Он кусается, а ты

Хороша до дурноты.

Вспомнила я детскую считалочку, тщательно проговаривая слова. Мы её наперебой в детском доме перед сном твердили. Уж очень, казались задорными куплеты.

— Забирай и петуха,

Не пройдет за жениха,

Ну а зелье пей сама,

Лето станет, как зима.

Ведьма-ведьма уходи,

До греха не доводи!

Вот и сейчас, забравшись под одеяло с головой, я шептала шутовские слова, стараясь не думать о лохматой карге, скалящейся мне из зеркала.

Глава 3

Всю ночь меня преследовали кошмары. Причем такие, из которых не выпутаться. Я бултыхалась, словно в паутине, вопила раненой птицей, но отчего-то засасывало лишь глубже.

Мне снился лес. Густой, смешанный, с шишками под ногами и раскидистыми кронами бука и липы. Кое-где среди ветвей пробивалось солнце, но ни одной поляны так и не встретилось. Тут не было ориентиров, и каждый шаг путал всё больше.

Я начала звать родителей. Паршивый показатель, если учесть, что после аварии, в которой их потеряла, от любого упоминания родственников старалась уйти. И даже в детском доме драчуны-мальчишки слезливого «мама», ни разу от меня не услышали.

Ветер шептал о разных дорогах, острая трава царапала ноги. А душа рвалась еще дальше, в одинокую избушку на холме. Там пахнет травами и сыростью, худая крыша норовит съехать, обнажив дряхлое нутро, а старый ворон своим карканьем то и дело распугивает мышей.

Все видят лишь внешнюю грязь, убогое убранство. Я же знаю, что внутри — светло.

* * *

После такой ночки, естественно, проспала, и на работу явилась с опозданием в 15 минут. Невыспавшаяся, голодная и жутко злая. Даже любимому начальнику нагрубила, когда позволил себе шпильку о том, что у меня один глаз накрашен.

Конечно, один! Потому что второй я просто не успела, иначе бы опоздала на все 30 минут. Хотела в электричке докрасить, но меня там так зажали, что чуть руки не выдернули вместе сумкой. Вытаскивать косметику в такой давке я не рискнула.

Бухнулась в кресло и нагло начала выводить стрелку. В ответ на издевательский кашель в кулак, глянула так, что все мужики испуганно вжались в кресла. Я вообще очень мирная, пока меня не разозлят.

— Милорада... — самоубийца смолк еще до того, как я встала из кресла. Не потому, что меня испугался, просто закашлялся, подавившись. Не то кофе, не то кусочком печенья, который вздумал жевать во время высокопарной речи.

Мое полное имя стало последней каплей в череде свалившихся неудач. Потому что это табу. И всем в отделе данный факт отлично известен.

Родители погибли, когда мне было три. Машина, в которой ехали, выгорела полностью. Меня же успело выбросить через лобовое стекло, после столкновения с деревом.

Меня месяц держали в больнице, потом определили в Дом малютки. Личность удалось восстановить по уцелевшим машинным номерам. Константинова Милорада Дмитриевна. Единственная дочь, родственников более не имею. Доставшуюся по наследству квартиру продала, едва выпустилась из детского дома. Жить там было выше моих сил. Вырученные деньги удалось вложить в строительство на этапе фундамента. Вот так я и оказалась в институтском общежитии без копейки за душой.

Но все испытания только закаляют характер. Делают человека сильнее. Раз дали мне второй шанс, нужно его использовать по максимуму.

А Милорада... Не для меня это имечко. Хватит и того, что вынуждена для всех быть милой, еще и радовать окружающих я не нанималась. Официальная версия, которую коллеги и однокурсники приняли легко, все как один посмеиваясь. Через смех вообще проблемы решаются в разы быстрее.

А вот настоящее куда более печально. В детстве вообще воспоминаний не было. Будто сознание намеренно блокировала все, что могло повредить неустойчивой детской психике. А вот с возрастом начали всплывать голоса, ощущения.

Мама звала меня Ладущкой. Сокращенно от Милорадушки. И услышать это ласковое прозвище из других уст, для меня было сродни кощунству.

Так я и стала Милой, милой для всех, кроме себя.

И вот сейчас Миша бил себя в грудь, не переставая, кашлял, но всё-таки сумел выговорить: «ве...д...ма».

— А ничего, что я блондинка натуральная? — спросила у него насмешливо. — А ведьмы вроде как рыжие. Или, думаешь, инквизиция неправа была?

Он рукой только на меня махнул, в туалет утопав. А я развернулась, скрестила руки на груди, и, сделав знак «глаза-в-глаза» всем притихшим, села работать.

— Мила, можно тебя? — это начальник мой, Николай Юрьевич.

Добрейшей души человек, если ты попал в его ближний круг. Я каким-то образом попала. Пришла на собеседование, на 5 курсе института. На полноценного юриста, конечно, не тянула, но Николаю Юрьевичу приглянулась. Взяли меня помощником помощника на 4 часа в день после пар. А как диплом получила, до помощника начальника повысили.

Николай Юрьевич меня за пару месяцев интенсивной нервотрепки, в специалиста превратил. И тут же засунул на пустующий участок. А я и рада стараться, доверие оправдывая, уж что-что, а внимательность у меня в крови. С ходу любые несоответствия в текстах договоров нахожу.

Так вот и началась светлая полоса в моей жизни. Красный диплом, работа в крупной компании с высоким окладом, да и ключи от квартиры полгода назад получила. И совсем ничего, что строительство 3 раза морозили и люди ждали жилье 5 лет. Получили же!

Теперь я потихоньку и с великой любовью обустраиваю свои 30 квадратов. И никакие страшили в зеркалах радости не омрачат.

— Слушаю, Николай Юрьевич! — отрапортовала, крепко сжимая папку с документами. Думала, он меня договор текущий обсудить позвал, но ошиблась.

— Мил, тут такое дело. Я не знаю, как так вышло, но в Сочи едут все, кроме тебя.

— Что? — я чуть мимо кресла не села, вовремя одной рукой схватившись за ручку.

— Ну Саньчу так наш выезд на соревнования понравился, что с барского плеча юридический, продажники и закуп на 3 дня на его виллу рвут, — Николай Юрьевич пальцами показал кавычки.

Да, там даже не вилла, а целая курортно-санаторная зона на побережье. Но я понять не могла — отчего все, кроме меня? Самая младшая? Самый новый сотрудник? Самая блондинистая? Что?

— Да не знаю я, Мил, — у меня, видимо, все на лице написано было, потому что он даже руками развел. — Так и сказал, когда к себе утром вызвал — собирайте вещи, кроме Константиновой. Её на дачу ко мне.

И так обидно стало, что слезы на глаза навернулись. Потому что на дачу к бигбоссу отправляли только проштрафившихся. Зимой внутри дома убирались и снег чистили, весной красоту на участке наводили, осенью листья с урожаем собирали, а вот летом...забор красили.

И в голове четкой картинкой промелькнула противная физиономия Коробцова Александра, который мне, угрожая, шепчет: «Ты не тому отказала, Константинова. Будешь теперь заборы красить за копейки, пока все лучшие на корпоративе в Сочи оттягиваться будут».

То есть, он каким-то образом знал, что в черный список попаду именно я. Неожиданно

открывшиеся способности в ясновидении... или, что гораздо проще, именно он этому и посодействовал.

Я злобной фурией метнулась на выход, не слушая, что шеф кричит вслед.

Значит, Коробцов и таких методов не чурается, лишь бы меня в постель затащить. Просто с дачи начальника есть лишь 2 выхода — в отдел кадров за трудовой, или в бухгалтерию за месячной зарплатой, урезанной ровно вполовину.

Саныч — вообще очень мудрый человек. За эти выходные, наполненные физическим трудом, сотрудник осознает, что, либо он будет вкалывать, как проклятый и через пару лет займет вот такую дачу, или может идти на все 4 стороны, работать так, как это делал раньше, косяча как ему вздумается.

У Саныча там камеры везде. И он прекрасно видит стремление человека и его суть. Ленивый, ни за что не станет на чужой даче горбатиться в полную силу, а вот тот, кто чувствует свою вину и понял ошибку, в качестве извинения постарается на славу.

Когда влетела в кабинет к продавникам, Коробцов сидел с кривой ухмылкой на красивом лице. А вот, едва я вlepила ему пощечину, ухмыляться перестал.

— Какой же ты черный внутри, Саша. Неужели не поняли еще окружающие, что ты удобрение сплошное? — за стеной начальник их сидел, не могла я крепкими словами выразаться. Этот и штрафануть мог, жуть какой строгий.

— Базар фильтруй свой, Мил-ла, — процедил, напрягаясь.

— А то что, еще раз подставишь меня? Так уж больше некуда. Мне и так увольнение светит. И ты ведь знаешь, как я работу свою люблю, душонка подлая! Знаешь, и все равно нагадил!

Я готова была накинуться на него с кулаками, поэтому решила уйти подальше. За драку в тот же день на выход попросят, даже шанса не будет.

Коробцов догнал в коридоре, вжимая сильным телом в каменную стену. Я испугалась, хотела закричать, но он тут же закрыл мне рот поцелуем. Глубоким, злым, погружающим душу в темную ярость.

Боковым зрением я видела, как мимо проходили сотрудники, но ни один не изъявил желания помочь. Будто в порядке вещей тут было по углам зажимать сопротивляющегося человека.

А Коробцов остановить не мог. Будто тормоза отказали, когда добрался до желаемого. Он сжимал почти до боли, да и поцелуи граничили с членовредительством. А от привкуса собственной крови стало вообще нехорошо.

Поэтому, я решила изобразить покорность. Расслабилась через силу, одной рукой обвила мощную шею, второй заскользила по напряженным мышцам спины. И как по мановению волшебной палочки, Саша переключился. Ослабил хватку рук, добавил нежности в поцелуй.

Секунды три я собиралась с силой, а потом, вложив свой максимум в толчок, отпихнула. Не ожидающий такого поворота предатель, отлетел к противоположной стене.

— Ещё хоть раз приблизишься ко мне, Коробцов, я за себя не отвечаю! — прошипела ничего непонимающему парню. А потом демонстративно вытерла рот ладонью. — Пойду, прополощу с мылом! А то, боюсь, вырвет!

Хоть я и была смелой на словах, у самой поджилки тряслись. Потому что прямо сейчас пришло осознание, что человек, не побоявшийся напасть с поцелуями в середине рабочего дня, на глазах у десятка людей, на этом не остановится. Он попробовал, и ему явно понравилось. По крайней мере на последних моих словах его глаза загорелись каким-то дьявольским азартом.

А уж чего стоит непонимание, написанное на физиономии. Явно же ждал, что я, распробовав поцелуй, сама на него вешаться стану. А тут попалась ненормальная — толкается, да еще и угрожать пробует.

Запущенный случай. И оттого — очень опасный.

В свой отдел входила, сначала посетив туалет. Рот, конечно, не мыла, но всклокоченные волосы водой пригладила, да и лицо влажными ладонями охладила. Умыться бы не помешало, но недавно наведенные стрелки было жаль.

— Мил? — с порога начал Миша. Он вообще парень неплохой, когда на полное имя переходить не начинает. — Ты в порядке?

— А что со мной статься может, ммм? Ну подумаешь, отработками на дачах наказывают, и придурки всякие к стенкам прижимают, переживем. Не в первой.

Около моего стола тут же собрались все коллеги. Так уж сложилось, что коллектив у нас в отделе был сугубо мужской, с моей скромной персоной в качестве исключения.

— Рассказывай!

— За что это тебя на дачу?

— Кто смелый такой нашу Милочку лапать?

Ох, ты ж, мои хорошие! И то ли отходняк начался после перенесенного ужаса, то ли забота всеобщая растрогала до предела, но я залилась слезами. И Николай Юрьевич, узрев такую картину, решительно направился на выход, бормоча:

— Ну, Саныч, ну берегись. Единственную ответственную девочку у меня отобрать хочет. Лучше бы оболдуев этих на дачу отправили, всё равно ни черта не работают.

Вернулся начальник быстро, разогнав наш утешительный кружок к едрене фене. И снова отозвал меня в кабинет

— Был я у Саныча. Косяк действительно есть, — он протянул мне скрепленный договор.

Я тут же его узнала. Потому что делала на прошлой неделе и прекрасно помнила, сколько нервов потрепали партнеры, придираясь к каждой моей правке. Протокол разногласий вышел толще основного договора. Но оно того стоило. Мы условия поставок выбили шикарные.

Видя мои наивно хлопающие глаза, Николай Юрьевич договор забрал, открывая на странице протокола.

— Читай.

Я сначала просто глазами пробежала, а потом уже внимательно стала вчитываться в каждый пункт. И когда дошла до штрафов за недопоставки, едва не выронила документ на пол.

Обдало ледяным холодом, слабость дикая в руки и ноги ударила.

— Я же проверяла 5 раз, Николай Юрьевич. Вы же меня знаете... — заблелась нечленораздельно.

— Знаю, Мила. Поэтому перепроверять не стал, и визу свою поставил не глядя.

Я решительно направилась к своему компьютеру, не выпуская договор. И начальник следом пошел.

Открыла документ на рабочем столе в скрытой папке с кодовым словом. И пальцем тыкнула в нужный пункт.

— Вижу, — Николай Юрьевич выпрямился, потирая чисто выбритый подбородок. — Получается страницу заменили во время путешествия договора по подписантам. Хоть и подшит был, но умельцев везде хватает, пока печать на корешке не появилась. Кто угодно мог... Есть предположения?

Предположения, безусловно были. Только вот обвинять человека, не имея доказательств, я считала неправильным. Даже просто высказанная теория заговора, могла обернуться для Коробцова плачевно. Хоть он и подставил, но я знала, что у него сестренка серьезно болеет. И семье очень нужны деньги на постоянное лечение.

Поэтому отрицательно покачала головой. А Николай Юрьевич, проговорил.

— Ты, девочка старательная. Так что забор крась от всей души, да с чувством прекрасного. Глядишь Санычу понравится, и отделаемся лишь твоим штрафом. Я из собственной премии потом тебе доложу. Ремонт же еще не закончила?

Я не выдержала, обняв. Вот прямо так, никого не стесняясь. Потому что за полтора года, начальник мне, как отец стал, и подарил понимание, что в мире не перевелись еще справедливые и добрые люди.

— Краска, вот. Кисти, форма, кепка в ящиках. Всё новое, сама разберешься. Ты тут на 3 дня одна. Ключи на стол положил, едой холодильник забит. Никого постороннего не пускать, Саныч узнает, можешь сразу выметываться, — раздавал указания главный безопасник нашей компании, который и привез меня в эту обитель.

Вообще, дом был хорош. Три этажа, общий участок соток в 20. Тут и огород размещался и деревья плодовые по всему периметру, и беседка с местом для шашлыка.

Все красивое, и если не новое, то в очень хорошем состоянии. А вот забор... Как можно было так запустить сие творение дизайнерского искусства? Облупившаяся краска, ржавчина на внутренней стороне розочек, листиков и фигурных завитушек.

Тут тремя днями не отделаешься, даже если трудиться от зари до зари. Так что приступать следовало немедленно.

Я переделалась сразу в любезно предоставленную униформу. Короткие шорты и майка на широких bretелях. Прекрасно. Еще и загорю не хуже, чем наши на черном море.

А вот с краской, честно говоря, впала в ступор. Потому что её тут было много. Причем самой разной — розовая, красная, цвета небесной лазури и морской волны. И даже так любимая мной, нежно сиреневая.

— Ну что ж, сами запросились! — прошептала, и начала перетаскивать поближе к месту деятельности понравившиеся оттенки. Может, и уволят, но выйдет очень красиво.

До обеда, пока солнце на начало заметно припекать открытые плечи, раскрасила только несколько метров. Потому что сначала нужно было снять старую краску, усердно поработав металлической щеткой и наждачной бумагой. А с учетом множества мелких деталей, уйма времени уходила.

Зато основную работу можно было смело именовать художественной росписью. Я любовно выкрашивала лепестки цветиков сиреневым, а тонкие листочки зеленым. Но особое удовольствие приносило покрывать длинные усики золотом.

На обед быстро порубила себе салат и прямо с тарелкой пошла на террасу. Идиллия, чтоб её. Которой у меня никак не получалось насладиться. Ни комфортным сидением в шезлонге, ни мирным бегом свиней и кур по ухоженной лужайке.

Свиней и кур. Кур и свиней. По идеальной лужайке...

Я даже не поняла, как оказалась на ногах и понеслась на задний двор.

Откуда они тут могли взяться? Ведь прежде, чем живность загнать, нужно понять куда. Я в панике осматривала огромные уголья, пока поросята наслаждались рытьем ямок. И ладно бы только под деревьями свинячили, пытаюсь найти упавшие фрукты, так они же и газон портили.

— Аа-а-а-а, — закричала что есть силы, чтобы на меня обратили внимание, но животинке было плевать на голосовые модуляции жалких людишек. А уж кур, прочувствовавших сладость газонной травы, теперь было и за хвосты не вытащить.

Я оббежала весь периметр участка, заглядывая во все надворные постройки. И вывод был самый печальный — живность неместная. Зато нашла открытую калитку, в которую они, видимо, и просочись.

Решила гнать по одному, выбирая сначала тех, кто приносит наибольший вред. Первым пошел здоровенный хряк, с самым грязным рылом. На наглой морде прямым текстом было

написано: «Без боя не сдамся». Но я держала в руках вилы и грабли, поэтому у него просто не оставалось шансов.

Хряк, конечно, пробовал артачиться и норовил поддеть пяточком. Но пара уколов вилами в зад решили эту проблему. С диким визгом, смешно подергивая задними ногами, он всё-таки ускакал за калитку.

Главное, чтобы не вернулся!

Когда настал черед кур, которыми руководил красавец-петух, с меня семь потов сошло. Да и падала неоднократно, чего уж скрывать. Поэтому, закрыв калитку, уселась на траву между копошащихся птиц, и решила сначала отдохнуть.

— Девушка, вам помочь? — показалась голова симпатичного парнишки с той стороны забора. Мой ровесник, может, даже помладше.

— Ваше добро? — выдохнула зло.

— Ага, — расплылось лицо в очаровательной улыбке.

— Вы зачем калитку открыли? — ну ясно же, что сама она открыться никак не могла. Тут щеколда — мама не горюй.

Парень промолчал. А я поняла, что это тоже часть испытаний.

— Так помочь? — я даже глаза прикрыла, чтобы не залипнуть на невозможной белизне его зубов.

— Калитку держите. Но сюда ни ногой! И если хоть одна кура обратно сунется, я за себя не отвечаю!

В подтверждении моих слов громыхнул гром и небо начали затягивать темные тучи. Вот только дождя мне сейчас и не хватало!

— Да Вы же не справитесь, их вон сколько... — протянул сосед, ласково улыбаясь.

Адский провокатор, блин. Но мне безопасник четкие указания дал, и я им собираюсь следовать.

— Нет уж, лучше мы к Вам, — через силу улыбнулась я, поднимаясь.

Носилась за стаей курей-лебедей битый час. А соседка надо мной еще и смеяться смел, пакость такая. Раза три порывался вмешаться, все три раза получал летящей птицей в лоб. И это не я такая меткая, это куры ко мне сочувствием прониклись.

— Фух, вроде последняя, — простонала из последних сил, располагаясь в форме звезды на помятой лужайке.

— Девушка, а, может, мы с Вами контактами обменяемся? — не терял надежды познакомиться сосед.

— Замужем я, и беременная пятым ребенком. Сколько раз повторять.

— Ну если передумаете, вот визитка, — парень воткнул картонный квадратик между железными розочками забора.

— Всенепременно, — прошептала скорее себе, с наслаждением щуря глаза. Потому что на лицо уже успели упасть тяжелые капли летнего дождя, и уходить мне отсюда совсем расхотелось.

Отдирать себя от газона не хотелось, но пришлось. Ведь дождем залило моментом. Да и земля, быстро напитавшись влагой, стала пачкать гораздо сильнее.

Так что в дом заходила уже не Мила, а карга, пострашнее той, что в зеркале видела.

От воспоминания тут же поползли мурашки и волоски на руках встали дыбом. Суеверной я не была, но поневоле начинаешь верить в случай, судьбу и тому подобные вещи, когда остаешься единственной выжившей.

Вот и сейчас об увиденном думалось поневоле, и краем глаза тянуло взглянуть во все попадающиеся на пути зеркала.

Душ порадовал и размерами, и теплой водичкой. А то я и тут ожидала подвоха. И даже когда пошла вода нужной температуры, старалась мыться быстрее, не желая потом в пене бежать смываться под дождь.

Укладываясь в кровать размера king size, утопая в мягком пуховом одеяле, я вспомнила крылатую фразу: «Что б я так жил». И даже попробовала помечтать в этом направлении, но отчего-то не получалось.

— Вот что ты за человек, Мила? — выговаривала сама себя, переваливаясь с боку на бок. — Даже позавидовать нормально не можешь! Не говоря уже о том, чтобы на Сашку кляuzu написать.

Что есть, того не отнять. И если я всё-таки решусь на стукачество, то потом предложу Коробцову компенсировать лечение его сестренки. Иначе меня совесть сожрет. Потеряю сон, с трудом набранный после общежития вес. Да и вообще...

* * *

Мне снилось море из васильков. Синее-синее как глаза моего любимого. Саша тоже был тут — наблюдал издали. Я хотела собрать букет — огромный, чтобы едва помещался в охапку. Но стебельки были настолько тонки, что работа казалась бесконечной. Один, два, три, десять...

— Ты обещаешь мне сегодня подарок, — шепчет на ухо Саша, забирая из рук собранные цветы.

— Ммм... — я кокетливо заправляю прядь волос за ухо. — Этот?

Целую в щеку, легко проведя рукой по скуле.

— Или этот? — сладко касаюсь губ.

Саша тут же притягивает к себе, начиная задирать подол красивого желтого платья. А мне вроде бы и приятно, но как-то это неправильно. Поэтому пытаюсь отстраниться. Сначала мягко, но потом все настойчивее, ведь Саша моего отпора будто не замечает.

Когда мужская рука касается бедра, я кричу. Громко, чтобы услышал хоть кто-то. Но в ответ мне лишь зажимают рот и валят на разбросанные васильки, которые совсем недавно я так старательно собирала.

* * *

Я проснулась от своего крика. На электронных часах три часа ночи, в окно заглядывает луна, намекая, что дождя больше не предвидится. А я лежу, как сова, с глазами навывкате, и даже пошевелиться боюсь.

Мое сознание выдает скрытые страхи. Что, в общем-то, после пережитого в офисном коридоре, предсказуемо. Я испугалась, а обдумать ситуацию времени не было. Вот и полезло всё через сны. Ничего хорошего, но хотя бы объяснить можно.

Но начало сна мне не понравилось вовсе. Саша и "любимый" — это антиподы. И чтобы мое подсознание их соединило, нужно вообще кукухой поехать.

— Так, Константинова, собралась и дальше забор красить. Никаких кукух, пока обратно на работу не вернут.

Вот, кстати, второй раз за сегодня сама с собой разговариваю. А это звоночек!

Снова засыпала с трудом. А проснулась от громкого пения испанского тенора. Умный дом решил, что побудка мне нужна именно такая. Ну я и не против, пусть голосит, если ему своего горла не жалко. Все равно как выключать не знаю — ЦУ на эту тему выдано не было.

Тосты с сыром и апельсиновым соком, да на веранде, которую вчера оценить не получилось — просто сказка. Семь утра. Мой друг-петух с соседнего участка надрывается, коровы вдалеке мычат наперебой...

Я прикрыла глаза, наслаждаясь деревенскими звуками. Ну и, чтобы творящегося хаоса не видеть. А то, как гляну на перекопанный поросятами газон, так сердце и останавливается.

Когда принялась за уборку заднего двора, пришло четкое понимание — первоначальный вид в одиночку вернуть не получится. А бесполезными делами пусть кто-нибудь еще занимается, у меня и других обязанностей в избытке.

Вот так я и вернулась к своему заборчику, который с каждым мазком радовал душу все больше. Работала, пока смеркаться не стало. Думала, устала, усну, как только голова подушки коснется. Но стоило начать засыпать, передо мной во всей красе являлся Александр Коробцов. И главное, манил, гад, как пирожное после месяца диеты.

Так всю ночь и промаялась, не желая более эротических видео со злодеем в качестве главного героя. А на рассвете сварила себе кофе в турке, посыпала ароматной корицей и пошла встречать солнышко, как любила делать со времен детского дома.

Правда, в детстве меня всегда отлавливали и возвращали дежурному. А тут красота такая, что слезы на глаза наворачиваются и в душе веретеном крутит. Даже встала, чтобы видеть получше.

— Доброе утро, — раздался сзади до неприличия бодрый голос. Это в четыре часа утра-то!

Оборачивалась с опаской. Я тут одна, да и настроение после навалившихся, как снежный ком проблем, мягко говоря — не очень. Но если что, готова была кричать громче петухов и коров.

— З-здрасьт-те, — выговорила, заикаясь. Уж кого-кого, а владельца дачи тут встретить точно не ожидала. — Вы же в Сочи, — выдала первое, пришедшее на ум.

— Устал, — со вздохом выговорил Максим Александрович, укладываясь на соседний шезлонг. — Дай, думаю, Милорадушку проверю.

Он очень внимательно смотрел, поэтому то, как меня передернуло, заметил прекрасно.

— Проверили? — выдала, подбоченившись. И тут же пошла в наступление. Ибо издеваться над девушками по меньшей мере неприлично.

— Ну ничего так, креативненько поработала, — он с довольной улыбкой обвел рукой открывающуюся картину, где зеленый газон зиял черными провалами. Я просто вчера решила всё-таки прибраться, и поврежденные участки газона лопаткой выкопала и в сторонку сложила. Всего-то и делов оставалось влажной землицей засыпать и зернышки травы покидать.

— Финт со зверьем — верх подлости. Не ожидала я от Вас, Максим Александрович.

— Как же, как же, кино смотрел, пока в самолете летели. Вестерны отдыхают, — он надо мной откровенно потешался.

— Это что же получается? Я вам кукла? Смешное кино, чтобы время скоротать? — держалась как могла, но нос предательски шмыгнул. — А я ведь как лучше хотела, старалась...

Отвернулась он него, рукавом вытирая катящиеся слезы. Где справедливость вообще? Мировой баланс, равновесие добра и зла, наконец? Или это какое-то проклятье на мою голову за кусочек безмятежного счастья?

— Ну, ну, — бигбосс обнял со спины мои подрагивающие плечи, разворачивая к себе.

С удовольствием замочила ему дизайнерскую рубашку. Жаль ресницы покрашены не были.

— Ты пока тут отдыхала, у нас в Сочи разбор полетов был жесткий. Так что эти проверочки ерунда, детские шалости старого дурня. Уж прости ты меня, заигрался. Хочешь, премию тебе выпишу в целый оклад, а? Или отпуск на неделю выдам?

— Какие проверочки? — перестав всхлипывать, переспросила я. Остальное, конечно, звучит вкусно, но не так интересно.

— Ну ты же умненькая девочка, должна понимать, что такой прокол в договоре не просто так вылез. А крысу нужно найти, и чем скорее, тем лучше. Вот и решил я корпоратив расширить, чтобы все заинтересованные лица в одном месте собрать. А уж твой демарш в отделе продаж и подавно все камеры засняли. Так что Коробцова проверять, безопасники стали заранее. Он с конкурентов сотни тысяч поймел. На одном только договоре, Мила. А таких, знаешь, сколько еще могло быть? — Максим Александрович более не выглядел веселым балагуром, вновь превратившись в строгого начальника. — А ты, когда Николай напрямую о подозрениях спросил, соврала, что не знаешь. Так что, свињи с курами, цветочки. Могли и коровы заглянуть.

Я зябко поежилась, хоть и была в кофте. Но крупнорогатый скот вселял в меня ужас.

— У него сестренка... — протянула, опустив глаза. — Жалко.

— Он ей на операцию и собирал. Говорят, в Израиле шансов на полное восстановление больше. Только из-за этого, Коробцов не в тюрьму идет, а на улицу с волчьим билетом. Но для меня, когда на штрафах и неустойках я могу миллионы потерять, это не оправдание.

Я кивнула. А сама в голове уже прокручивала, что обещанную премию сразу семье Коробцова переведу. И сбор в офисе повсеместный устрою.

— Что задумала? — мрачно выдал начальник, отстраняя меня на расстояние вытянутых рук.

— Ничего, — не стала сознаваться, потому что для него жизнь ребенка в сравнении с миллионными убытками — пшик. А для меня — приоритет на ближайшие месяцы.

— Ну я ж не сухарь какой-нибудь, Мила! Тем более, когда лично историю болезни и состояние семейных дел изучал. Фотографии вот этими вот глазами видел, — Максим Александрович бросил мои плечи, чтобы руками ткнуть в свои глаза. — Может и не хотел вникать, да не получилось. Так что, отставить свои альтруистические планы, от компании помощь выделим. Мы все равно с благотворительными фондами постоянно работаем. Поставим семью Коробцовых в приоритет.

И так у меня в душе защемило от благодарности, так томительно стало и трепетно, что не выдержала я, бухнувшись в обморок. А перед тем, как потемнело все, увидела, как Максим Александрович засветился в лучах восходящего солнца.

Золотой человек, наш бигбосс. Хоть с какого бока рассматривай.

— Все показатели в норме, Максим Александрович. Давление, кровь, температура. Хотите если, на томографию еще заберем.

— Неее, — я кое-как разлепила сухие губы, чтобы издать звук. — Переволновалась просто.

— Ну вот, и в себя пришла, — мне тут же поправили подушку, усаживая. — Ну что Милорада Дмитриевна, как себя чувствуете, сколько пальцев?

Доктор, мужчина лет пятидесяти, показывал мне один палец, причём не указательный. Я улыбнулась. Смеяться побоялась, вдруг голова еще больше закружится.

— Один. И пить очень хочется.

— Ну вот и славненько, вот и хорошо. Катенька, солнышко, принеси Милораде Дмитриевне воды и витамины поставь.

В палату тут же влетела миловидная молоденькая медсестричка со стаканом в одной руке и железным подносом с уколами в другой.

Уколы я не любила. Но если меня витаминами лечить будут, потерплю. Главное не лекарствами, а то иногда мне от терапии еще хуже становится.

О чем я всем и поведала слегка заплетающимся языком.

— Чистейшие витамины, — заверил доктор, улыбаясь во все 32 зуба.

Начальник с доктором вышли, давая медсестре сделать свое черное дело. А стоило ей к двери подойти, тут же обратно шагнули.

Первым начальник мой шел. Виноватый такой, что сразу его жалко стало.

— Мила, я тебе отпуск, как и обещал на неделю выдаю. С завтрашнего дня. На работе чтоб даже не показывалась. И аккуратнее, как из больницы выпишут. Коробцов предупрежден, конечно, чтобы не лез, но он уверен, что на него вышли по твоей наводке.

А вот эта новость ничего хорошего мне не сулила. Потому что Сашка даже в офисе не побоялся лапы тянуть. А что может быть, если в темном переулке зажмет...

Но разберемся. Если что, у меня баллончик есть. И курсы выживания в детском доме тоже свою лепту в образование внесли. Хук справа, хук слева, ногой между ног, и вуаля. Только с Коробцовым что-то это не действует. То ли зажимать по особому умеет, то ли врасплох умудряется брать.

Так что я начальству оптимистично кивнула и выпроводила домой. Пусть отдыхает. Намайлся, бедный с розыском виноватых, да и я еще напугала.

— И давно у Вас обмороки, Милорада Дмитриевна? — доктор смотрел внимательно, более не улыбаясь. — А, может, еще и голова болит временами?

— Да первый раз, честное слово! — я и перекреститься готова была и зуб, если надо на кон поставить. — А про голову вообще не вспоминаю, будто её и нет.

— Сразу видно, из больницы побыстрее убраться хотите. У нас же тут, как в санатории. Питание трехразовое, процедуры на аппаратах заграничных, телевизор со смартфоном... — с удовольствием перечислял доктор преимущества. — Но заставить, конечно, я Вас не могу. Хотя и посоветовал бы задержаться.

Ну что делать. Согласилась на КТ. Пусть будет, ради самоуспокоения.

Домой выписали только через два дня. Оказывается, Максим Александрович вечером распорядился полное обследование организма провести, благо страховка позволяла.

Так что теперь хоть в космонавты меня, давление только чуток понижено.

Домой ехать было боязно, и я смогла выдохнуть лишь после того, как вошла в квартиру.

Тишина, пустота, скука смертная.

Я взвыла уже назавтра. И к четырем часам вечера, аки начищенная монета, сияла в офисе за рабочим столом.

— Ну как там у босса на даче?

— Ой, Милка, что на корпоративе было...

— Ты ж говоришь в отпуске!

— Прикинь, чего Коробцов учудил...

У меня так уши развесились, что боялась, станут как у чудика из мультика «Большой Ух». Я отвечать не успевала, с какой скоростью мне вопросы поступали.

— А ну марш всем работать, олухи! — взревел Николай Юрьевич, узрев очередное столпотворение возле моего стола. — Константинова, ты даты что ли попутала? Выметайся из офиса, пока я добрый.

— Не могу я дома сидеть, мне там даже поговорить не с кем.

— Именно поэтому ты решила тут сумбур навести. Выметайся, говорю.

— Ну Николай Юрьевич, я 2 часа до вас ехала, — заканючила я, понимая, что начальник действительно домой спровадит, даже глазом не моргнет.

— Милк, а представляешь, Саныч в лотерею выиграл, — раздалось неожиданное с соседнего стола.

— Да, Мил, вчера!

— Больше миллиона деревянных.

Никогда не думала, что начальство тоже на лотереи падкое, но деньги к деньгам, как говорится. Тем более, он заслужил.

* * *

С работы меня не выгнали. А потом мы всем отделом в кафе пошли. Весело было, и очень душевно. Домой возвращалась поздно. И в маршрутке думала о том, как бы мне выспаться нормально? Снотворных что ли прикупить? Потому что паразит Коробцов, продолжал проникать в мои сны. И если в больнице это все притупилось, то в домашних стенах — хоть вой.

Никаких больше васильковых полей и летящих желтых платьев. Только его наглая физиономия, да глаза эти синие, от которых кровь стынет.

У входной двери замешкалась, ища ключи в маленькой дамской сумочке, которая на деле оказалась бездонной ямой. Даже на пол содержимое высыпать пришлось.

А когда, собрав все обратно, я выпрямилась, то в панике отступила, собираясь заорать.

Но замедленность моей реакции, снова сыграла на чужую руку. Саша перехватил тут же, вырывая ключи и зажимая рот. И даже в квартире из захвата не выпустил, пока не закрыл дверь на все внутренние замки.

— Ну что, Киса, поиграем?

Меня от его тона озноб пробил. Потому что чувствовалась сейчас в Коробцове какая-то звериная жестокость. Будто и не он это.

— Са-а-а-аш, — позвала осторожно, как только он ослабил хватку. — Саш, давай поговорим по-людски.

— По-людски с тобой будут другие разговаривать. А я ж лицом не вышел, чтобы Мила на меня даже глянула, — и злость такая, будто даже и не на меня одну, а весь мир.

Он толкнул меня об стену, собираясь прямо в коридоре зажать, но я-то знала, что, если осесть немного, под попой пуфик нащупается, а там железная лопатка для обуви. Поэтому, не теряя времени, рухнула вниз, хватая нужный предмет. И с размаху, прямо по коленной чашечке Коробцову.

Сашка взвыл, хватаясь руками за ногу. А я, бочком протиснувшись, на кухню рванула за скалкой. Вообще, редко готовлю, не думала, что когда-нибудь пригодиться, и покупала только потому, что у любой женщины должна быть. И ворвавшегося следом Коробцова уже встречала не с пустыми руками.

— Не дури, Кис-са, хуже будет, — Саша начал наступать, делая все, чтобы я пятиться начала и уперлась спиной в балконную дверь.

Ага, умный нашелся.

— Тут я теперь главная, Коробцов. А ты выметайся подобру-поздорову, если жертвой стать не хочешь!

Он оскалился некрасиво, совсем теряя знакомый облик. Передо мной стоял озлобленный негодяй, мало напоминающий балагура Сашку.

Я всхлипнула от отчаянья, а он, будто почувствовав во мне слабинку, тут же кинулся в атаку. Поэтому, била не жалея. Прямо в плечевое сплетение, как научил сердобольный Витька еще в детском доме. Он потом за это неоднократно получал от своих, ведь я всем девчонкам рассказала. И мы организованной толпой как давай проверять, правда ли, что парни тоже сознание теряют.

Нам смешно, а они рыдали поголовно. Зато удар у меня был поставлен на отлично. Вот и Сашка Коробцов теперь мирно отдыхал у меня посреди кухни.

Я как положено — пульс проверила, под веки заглянула, а потом, убедившись в здоровье недруга, принялась связывать.

В себя он пришел до неприличия быстро, и пяти минут не прошло. Благо я бельевой веревкой работала споро и морские узлы вязала крепкие.

— Мил, ты чего это? — возмутился Саша, едва глаза открыл и понял, что двигаться не может.

— Жизнь свою обезопасить хочу. Вот уже 911 набрала, — я повернула телефон экраном к напряженному лицу бывшего коллеги. — Нападение на человека строго карается, знаешь ли. А уж если докажу действия сексуального характера...

— Совсем что ли сбрендила, Константинова, какого характера? Я ж поговорить просто хотел, — и главное, сам верит в сказанное. Потому что глаза честные-пречестные.

— Мне Саньч видео обещал с камер в офисе. А там ты меня к стене прижимаешь, нагло пихая язык в рот, — блефовала, потому что Максим Александрович ничего такого мне не обещал, и даже не говорил на эту тему ни слова. Про разговор в кабинете на повышенных —

было дело, а вот про зажимание в коридоре — нет.

— Мил, прости меня. Я ведь не со зла. Просто как тебя вижу, прямо идея фикс в постель затащить. И остановиться не могу. А потом раскаянье приходит, да только кому оно нужно бывает...

— Саш, ты понимаешь, что это ненормально? — я даже к нему подалась корпусом, так как сидела на стуле по-ковбойски. — Это мания называется. И раз сам не справляешься, лечить нужно. А я от каждого шороха шарахаться не хочу, тебя поджидая.

— Ты меня в психушку сдать что ли собралась? — с подозрением в голосе просипел Коробцов, бледнея сразу. — Мил, не надо, пожалуйста. Меня и так из компании выставили, теперь никуда в нормальное место не устроиться. А если еще и справка из дурки... — он сглотнул тяжело, и глаза заволокло паникой.

— А ты чего хотел, Коробцов? Преследуя меня? Я, знаешь, как сегодня испугалась! И не вырубил тебя сейчас, что было бы? В глаза мне посмотри и скажи!

Саша в глаза смотреть не стал, дырявя взглядом плитку на полу. Мы оба знали, что было бы. И произносить это вслух обоим не хотелось.

— Мил... — он замялся, не зная, стоит ли говорить. А потом вскинул взгляд и выдал страшное. — Это все началось после того, как на конкурентов работать стал. Меня их безопасник сначала проверял вдоль и поперек, положение семьи выяснял, образование мое. Похуже, чем когда в нашу контору устраивался. И не знаю, откуда узнал он о тебе, но смеяться стал, подкалывать при каждой встрече. Намеренно заводил, гад, внимание закливая. А потом, как ты мне 2 месяца назад отказала в очередной раз, предложил к проверенному человеку заглянуть. Ну я и согласился...

— И что? — кожу обдало холодом, так что я дышать перестала.

— Это гадалка оказалась. Она обряд провела какой-то на крови. Волосы твои просила и вещь личную.

От ног по телу начал взбираться страх, теребя кожу цепкими лапками. Он опутывал паутиной, слабыми шорохами. Я будто барахталась глубоко на дне, погребенная под толщей коротких звуков. Пи, ри, до, цу... Не разобрать и слова, сплошная какофония.

Я видела Сашу, открывающего и закрывающего рот. Он, должно быть, что-то мне говорил. Только вот я не слышала. Потому что снова перед глазами стоял страшный образ старухи из зеркала.

— Это что же получается? Ты меня приворожил? — хотелось услышать своими ушами, хоть ошарашенное сознание и не воспринимало действительность в полном объеме.

— Да ну... — Сашка замялся. — Ну как приворожил. Ты-то не поддалась. Я три раза ходил к ней, и она каждый раз уверяла, что все окей, и ты моя с потрохами.

— Коробцов! — не хотела рычать, оно как-то само вырвалось. Так, что связанный собеседник мигом втянул голову в плечи.

— Она перед соревнованиями сказала, что на тебе уже был приворот, все сняла и послала на подвиги. Нужно было только вызвать взрыв эмоций. Чакры там открываются в такой момент, или еще ерунда какая, неважно. Решил через злость действовать, специально толкнул. Не срослось. Потом гадалка причину озвучила, что ты в другого влюблена, якобы она поправила склонность, перекинула на меня. Я к тебе с поцелуями, а в ответ угрозы одни. И вот после того, как уволили, ходил еще раз. Куклу твою сделали с прядью волос, которую я на соревновании вырвал.

У меня аж дыхание сперло. Потому что вроде и посмеяться над ним надо, что на деньги чудака развели, и гадалки — пережиток прошлого и один сплошной блеф. Но ведь и лицо в зеркале было, и сны эти, что спать страшно.

— Выбирай, Коробцов, или полиция со всеми вытекающими, или меня к этой гадалке ведешь! — рыкнула на него, скалкой в воздухе погрозив.

— Она на окраине живет...

— Да мне хоть в лесу дремучем! Встал скорее и пошли, — я вообще командовать не особо умею, но тут грех было ситуацией не воспользоваться. Да и проучить дурака надо, а то ж так и будет по шарлатанам бегать, вместо того, чтобы своими руками стараться жизнь строить.

— Саш, а ты зачем с конкурентами связался, а? — спросила тихо, когда ехали с ним в маршрутке. Он хотел на такси, но я побоялась. Мало ли, завезет куда. — Нормальная работа же была.

— Нам сказали, что врача нашли в Израиле, который взяться готов. Но деньги, Мил... Три миллиона только лечение, и реабилитация еще, лекарства, проживание. Квартиру продавать — где жить потом? Кредит брать, а вдруг со мной что случится, как мать отдавать будет? По друзьям такую сумму тоже собрать нереально. Хотели в фонд податься, там очередь на полгода расписана уже. А тут такое предложение...

— В итоге отправил ты своих в Израиль? — спросила, дыхание затаив. Потому что босс, конечно, помочь обещал, но это тоже время.

— Вчера улетели. Если б не Саньч... — Саша руку мне сжал до хруста. И как бы я ни злилась на него, ненавидеть не могла.

— Он мне сказал на днях, что девочку не бросит. Я рада, что получилось быстро. А эти твои, на которых работал?

— Не заплатили. Ну оно и понятно, Саньч к ним ездил, перетирали там, чуть до мордобития не дошло. И пофиг им, что уволили меня, и до проблем моих тоже...

— Главное, что с сестренкой решили, Саш. А работа — дело наживное. Не одним менеджментом Москву строили. В Макдональдс пойдешь, в случае чего, там всегда персонал нужен, — улыбнулась ему ободряюще, а Сашка смотрит на меня, как на дуру набитую, и

говорит.

— Кис, ты правда такая, или в детстве головой роняли?

Отвернулась от него. Потому что и авария была, и в детском доме много чего такого, о чем потом говорить не принято. Так что, можно сказать, что роняли. Однако я, хоть что со мной сделай, на подлость не пойду. А те, кого головой не роняли, даже не идут, бегут. И даже угрызений совести после не испытывают.

* * *

Когда остановились перед двухэтажным особняком помпезного вида, я даже переспросила.

— А ты точно меня к гадалке привез? Может, удумал чего, и бежать надо?

— Отбегал я свое, Мил, — сказал обреченно, и как заорет, — Кукареку-у-у-у.

Ой-ёй, что делается... Я руку из Сашкиной лапищи вырвала и попятилась. С головой у него и правда неладно.

Прилично отошла от дома, когда ворота разъезжаться начали и вышла колоритная дама — волосы с вплетенными бусинками, глаза, подведенные черным. Ну вылитый Джек Воробей из Пиратов Карибского моря, и на ведьму из моего зеркала не похожа.

— Александр, Милорада, я Вас ждала, — грудным тягучим голосом выдал Джек, состряпав нечто, напоминающее приглашающий жест. А на деле — наполовину поясной поклон, наполовину приступ радикулита.

— Ты ей говорил, как меня зовут? — спросила, быстро подлетев к Саше.

— Конечно, это было основным условием. И фотография еще.

Заходила, опасливо оглядываясь по сторонам. Думала тут шары хрустальные на каждом шагу, лягушки сушеные, мыши летучие. А оказался — обычный дом, без каких-либо магических штучек.

Нас повели на второй этаж в кабинет Джека. Ощущение схожести с капитаном усиливала карта мира на всю стену и модели кораблей в прозрачных бутылках.

— Не подействовало? — спросила с ходу, едва мы уселись в большие кожаные кресла.

— Как видите, — пробубнил себе под нос Саша.

— Как я и думала, — улыбнулась гадалка во весь рот. — Даже ждала, когда ничего не выйдет!

— Что? — хором выдали мы с бывшим коллегой. Он — возмущенно, я — удивленно.

— Когда в первый раз не вышло, подумала сноровку теряю. На меры чрезвычайные пошла — через сознание воздействовать. Такое не рекомендуется — может и по объекту ударить, и по наложившему, — гадалка улыбнулась нам еще раз, поощряюще как-то. Только вот нам не до смеха было. — А уж когда и во второй раз приворот не сработал, поняла, что непростая девочка мне досталась. Такую только через куклу брать.

Ведьма местная, значит. И ведь действительно с силой потусторонней, раз шибануло по мне, хоть и не так, как она рассчитывала. И кукла самодельная, наверняка у нее до сих пор. А это значит, что в случае чего и иголочку в сердце воткнуть может, и ночки с ручками повыдергать.

— Не совсем меня ваша магия стороной обошла. Поэтому очень прошу, снимите. Потому что и по Саше ударило, и по мне. Он же меня и убить может, в случае обострения.

— Подействовало? — ведьма аж ко мне подалась в нетерпении. — Как? Эффект мне скажи.

— Во снах он ко мне приходит, которую ночь глаз не смыкаю, — пожаловалась, не особо веря, что меня пожалеют.

— Ох, ты ж, ёлки-моталки. Сны — это вообще пшик, считай, мимо прошло. И вывод тут только один — ты тоже из наших!

Я чуть со стула не свалилась

— Из каких это, из ваших! — выпалила возмущенно. Потому что к черному колдовству меня приплетать не стоило.

— Ну не маленькая, понимать должна, что есть обычные люди, а есть те, кто видит больше, чувствует лучше, может вглубь человеку смотреть...

И, главное, голос из обычного сна стал грудным и манящим. Располагающий такой, будто не с Джеком Воробьем беседу веду, а со старой знакомой.

— Вот такие люди и есть — наши, — продолжала гадалка, наглаживая откуда-то взявшийся черный шар. — Любые способности, которые все считают аномалией, на самом деле признак дара. Можно сидеть с ним и с ума сходить, ведь рано или поздно начинаешь себя с другими сравнивать, понимать, что ненормально это. А отклик ведь не всегда положительным бывает. И если руду на глубине чувствуешь — о тебе в книге напишут, да фильмы снимать будут. Несчастья предсказать можешь — люди потянутся, дар такой благим назовут. А если мертвых видишь, или нечисть какую по углам — то дурной ты тогда, больной на голову. Я вот, от всего понемногу могу. И людей пропавших найти, и с покойником поговорить по душам, и в сознание глубоко залезть. А ты, Милорада, будто куполом защищена — никак внутрь не прорваться.

— То есть вы мне лгали, говоря, что она другого любит? — возмутился Сашка, поняв, что его просто водили вокруг пальца, высасывая деньги.

— А что я тебе сказать должна была? Извините, девочка закрыта? У меня бы клиентов с таким подходом вообще не осталось. Это бизнес, — нагло рассмеялась ведьма, продолжая буравить меня взглядом. — А давай-ка мы снимем блок, ммм?

— Чтобы я потом сразу Коробцову сдалась? Дудки! — у меня даже глаз дергаться начал, как представила.

— Да я ж вместе с блоком и приворот сниму, и куклу тебе отдам, — мне с милой улыбкой, не вязавшейся с образом наглого пирата, протянули самодельную куколку с моей фотографией, приколотой на грудь.

Я тут же схватила. От таких подарков не отказываются. Но выдохнуть облегченно не получалось. Тело было напряжено до предела.

— Ну? — гаркнула ведьма, выдавая свое нетерпение.

И я кивнула, понимая, что по-другому она снимать приворот не будет. Пока любопытство свое не удовлетворит — не успокоится. Но мне без защиты своей оставаться было боязно. И вот ведь парадокс — никогда же не чувствовала её и жила себе спокойно. А тут поняла, что отобрать хотят, и хоть караул кричи.

— А вы пообещайте, что не будете потом на мне экспериментов ставить! — заявила твердо. — Или лучше поклянитесь на шаре своем.

— Умненькая девочка, — хмыкнула ведьма, пододвигая к себе магический атрибут, который за время нашего разговора изменил цвет и сейчас переливался серовато-синим.

— Чего это с ним? — любопытство меня погубит когда-нибудь, но не спросить было абсолютно невозможно.

— При должном настрое вспышками передает образы. Что на сердце у клиента, какая дума гложет. Не четко, но разговор начать уже с чего-то можно, а потом просто грамотный

анализ.

— А у меня что? — у меня даже рот приоткрылся, так хотелось приобщиться к подобному таинству. Я-то думала, шары лишь в качестве антуража нужны.

— У тебя серая мгла. И никаких мельтешений. Будто передо мной кусок камня, а не живой человек, пришедший с острой проблемой.

Я хмыкнула скептически, но продолжала смотреть очень внимательно. Ведьма сосредоточенно вглядывалась в шар, но потом отодвинула с явным недовольством.

— Не знаю, получится ли...

Она прошла к высокому стеллажу, на полках которого чередовались бутылки с моделями кораблей и книги. Последние выглядели достаточно потрепанными, но зато было понятно, что ими часто пользовались.

— Не то. И это не подойдет, — бубнила ведьма, перебирая издания. — О-о-о, — протянула как-то взвинчено, будто бы даже не радостно. То есть, она нашла книгу, при взгляде на которую даже блок с меня снимать перехотелось.

— Иди сюда, — поманила к себе ведьма, и тут же принялась что-то чертить на полу.

Рисунок мало напоминал пентаграммы из фильмов и книг, скорее полноценное изображение головы птицы. А вот вместо глаза была восьмиконечная звезда. Символ равновесия? Очень похоже.

Меня ведьма поставила в центр, встряхнув за обе руки, и принялась зачитывать абракадабру из книги. Причем озвученное она понимала, потому что делала ударение на нужных словах, выделяла голосом целые фразы.

А у меня мыслей в голове почти не было. Разве такое отношение к творящемуся бедламу нормально? Почему, когда Сашка закукарекал, я всё-таки не кинулась бежать, да и сейчас — где страх перед неизведанным, хоть какое-то подобие паники?

Я же темы, что поднимала ведьма, воспринимала как само собой разумеющееся. И то, что легкие эмоции всё-таки были, не давало на этом заикнуться, обратить внимание. Да и если подумать, весь негатив направлялся на ситуацию с Коробцовым, а то, что творила сама ведьма, отзывалось скорее интересом.

Мысли и далее обретали четкость, с каждой секундой вокруг развеивался флер напускного и ненужного. Я поняла вдруг, что в этом доме скорее всего используется какие-то успокаивающие благовония, а хозяйка владеет еще и гипнозом.

А еще — мне невыносимо захотелось домой. Не в душную квартиру в подмосковной многоэтажке, а туда, куда тянет моя истинная суть.

Пол под ногами провалился как-то резко, я и вскрикнуть не успела, только в панике всплеснула руками. Ведьма, уронив книгу, начала выводить резкие пасы, а Сашка кинулся меня спасать.

Я все это видела смазанными образами, будто на частично засвеченной пленке. А сама падала, падала, падала.

Меня приложило о землю с размаха. Так что вышибло и дух, и сознание. А когда приходила в себя, поняла, что у меня болит каждая клеточка тела, намекая на то, что хорошо бы еще чуть-чуть полежать.

С кряхтением, достойным столетней старухи, встала на четвереньки. Потом на колени. И только потом, держась за поясницу, я смогла подняться полностью.

Осматривая себя на предмет повреждений, отметила пятна травы и грязи на платье, изодранные колени и ладони, и самое главное — валяющуюся неподалеку ведьмину книгу.

Вокруг шумел лес. Исполинские деревья поднимались в самое небо, ветер шелестел в кронах, обрывая листья, а под ногами зеленела трава. Идиллия, ага. Только как выбираться отсюда?!

То, что ведьма сотворила нечто подобное, даже не удивилась ни разу. Она могла. Потому что сама не понимала, что делала. А я повелась, как наивная дурочка! Зачем в рисунок этот встала, спрашивается?

Подняла книгу, с тяжелым сердцем отмечая, что она похудела. А, значит, еще и листы искать нужно, вместо того, чтобы тропинку высматривать.

Едва передвигая ногами, пошла вокруг своей оси, с каждым кругом все увеличивая расстояние. Пожелтевшие от времени страницы начали попадаться на шаге пятом. Я брала их аккуратно, но складывала пока вразнобой. А вот когда устала, плюхнулась на поваленное дерево и принялась листы собирать, благо страницы пронумерованы.

Фух, все! Только одной не хватает. Но обойдя все еще раз, страницу так и не нашла, уверившись, что она отсутствовала и до моего падения. Зато, я обнаружила самодельную куклу, которую получила от ведьмы.

— Ну что, Мила № 2, показывай куда нам идти, чтобы к шоссе выйти. На подмосковный лес не похоже. Мне кажется, нас в глубинку какую-то занесло. Очень уж аутентичненько тут, будто нога человека не ступала. Ни банки консервной, ни углей от костра, — начала я разговор с тряпочным двойником, ввиду отсутствия иных собеседников.

Кукла ожидаемо молчала. А я принялась вышагивать куда глаза глядят. Никогда больше к ведьмам не пойду. Особенно к дурным таким. А Сашку выловлю и заставлю на прием к психиатру сходить. Ну мыслимое ли дело, девушку через приворот добиваться. Пусть на меня и не подействовало толком, но ведь на моем месте и другая оказаться могла. Отшибло бы мозги не только у заказчика, но и невинная жертва пострадала.

Никогда бы не подумала, что поверю в магию и реальную возможность приворотов и ментального воздействия. Да, фэнтези я читала, но отождествления у меня в сознании никогда не происходило. Я очень четко различала где реальность, а где художественная фантазия автора.

Зато теперь, шагая в неизвестность, внимательно исследовала себя изнутри. Ведь, если действительно сняли с меня блоки, как проявится скрытый дар. И какой он вообще может быть.

Я прекрасно помню, что говорила ведьма. Въелось в память, теперь не вытравить. Вдруг мертвых видеть начну? Это очень страшно. Я после морды в зеркале спать не могла, а если явится дух, можно смело меня вместе с Сашкой к психиатру отправлять.

— Кар-р-р, — раздалось с сука ближайшего дерева, когда я решила остановиться

передохнуть.

— И тебе кар-р-р, — ответила ворону число машинально.

— Кар-р-р ка-а-а-ар, — раздалось в ответ.

То есть вот так, да?

— Никакой из меня собеседник сейчас, уж поверь, — вздохнула тяжело, разводя руками. — Так что, лети подальше, найди себе ворону поговорчивее.

Только вот птица, сверкнув глазищами, полетела не куда-нибудь, а ко мне. И воспользовавшись секундным замешательством, вырвала из руки Милу № 2.

— Эй, — закричала, когда наглый ворон с куклой в клюве снова уселся на сук. — Отдай!

— К...р, — послышалось невнятное.

— Я в тебя сейчас книгой запущу, понял?

Угрозу ворон воспринял как-то уж совсем несерьезно. И мне даже показалось, что он намеренно принялся надо мной издеваться, вышагивая по толстой ветке туда-сюда и периодически делая вид, что роняет куклу.

А у меня каждый раз сердце замирало, когда ворон дурачился. Потому что шутки шутками, но кукла — это моя проекция. И что будет, если её уронить с такой высоты — неясно. Точнее, ей ничего не будет, а у меня может рука сломаться, или сотрясение мозга случится.

А уж когда ворон после очередного захода по ветке поднялся в воздух, что-то внутри оборвалось. И я, отбросив все мысли, понеслась за ним, боясь только одного — потерять наглеца из виду.

Уж не знаю, сколько я за этим пакостником по лесу гонялась, но вымоталась знатно. Поэтому, заметив, что ворон демонстративно сел в центре очередной поляны, да еще и куклу рядом положил, я облегченно выдохнула. Ну и полежать устроилась, конечно, как без этого. Меня сегодня спасло только умение распределять силы при беге на большие расстояния. Иначе выдохлась еще на первых минутах. Ворон просто темп сумасшедший задал, но и птицы устают, слава богу!

Полежав на спине, перевернулась на живот, чтобы отслеживать вора было удобнее.

— Вороны же умные птицы, важные, — начала, будто бы сама с собой разговариваю. Но черная голова тут же ко мне повернулась, подтвердив подозрения — понимает. — Так на кой черт тогда умной птице детская игрушка? Поиграть? У нее ж ни глаз блестящих, ни бусинок каких — самая обычная тряпочка.

— Кар, — будто бы в подтверждение выдал ворон.

— Ну вот. Сколько лет тебе, ведь взрослый, умудренный опытом. Поиздевался и хватит, — я примирительно вытащила руку вперед в приглашающем жесте. Мол, отдай куклу, будь хорошим мальчиком.

Но ворон лишь еще раз каркнул, и снова полетел вперед, не забыв прихватить Милу № 2.

— Догоню, все перья повыщипываю! — проворчала, поднимаясь. А когда огляделась, поймала странное дежавю. Будто бы была здесь раньше.

Но ведь точно не была! Лес — не моя стихия. А уж тем более настолько дремучий. Но чем дальше меня несло, тем устойчивее внедрялось мысль — всё знакомо. И попадающиеся липы, и то, как причудливо ломается свет, пытаюсь просочиться сквозь кроны, и даже хруст прошлогодних шишек под ногами.

А уж когда среди деревьев показался просвет, все элементы пазла встали на свои места. Сон. Тот, который я посчитала кошмаром, потому что долго блуждала по лесу. Но сейчас мне было не страшно. Ни животного ужаса, ни дико колотящего сердца. Только тоска по чему-то, давно ушедшему.

Холм был... высок. Так, что складывалось впечатление, что он отделен не только от леса, а от всего мира. А уж избушка на самом верху вообще казалась чем-то недостижимым. Но ворон упрямо летел именно туда. Да и солнце начинало клониться к горизонту, напоминая, что стоит заняться ночлегом.

Собрав волю в кулак, я начала карабкаться вверх. Ноги съезжали постоянно, а ободренные руки совсем не хотели слушаться. Уже потеряв всякую надежду, я принялась ногтями рыть углубления, за которые сначала цеплялись руки, а потом вставали и ноги. Вот с такими ухищрениями вскоре наметился ощутимый прогресс.

Когда была на середине, сдуру вниз посмотрела. Ощущения, как при первом полете на самолете — душа в пятки, сердце в горло и паника, хоть кричи. Но главное — если сейчас свалюсь, сил на то, чтобы еще раз взбираться, не будет. Придется ночевать под кусточком и ждать в гости волков с медведями. Или кому там еще моими останками полакомиться захочется...

Вцепившись дрожащими пальцами в последний выковыранный уступ, практически плакала. А когда завалилась на мягкую травушку, слезы из глаз всё-таки полились. Очередной этап этого квеста пройден. И дело осталось за малым — подготовить дом для

ночѐвки.

А уж завтра, прямо с рассветом, уйду город искать, или деревню, или хотя бы дорогу. У меня ведь с собой ничего не было — телефон с кошельком и прочей атрибутикой остались в сумке у стола ведьмы. И автостопом добираться, не имея возможности даже оплатить проезд, очень опасно. Но выбора мне не оставили.

Я посмотрела на маленький домик, напоминающий избушку Бабы-Яги, на ворона, нагло развалившегося на крыльце, и пошла отбирать у него самое ценное. Пусть только дернется, пакость такая, клюв быстро заткну!

Но птица, видя мое кровожадное настроение, быстро ретировалась, лапой подвинув куклу на самое видное место. Типа — вот, пожалуйста, мил человек, даже почти не потрепалась твоя игрушка.

— У-у-у-у, — завывла, падая на первую же ступень крыльца, прижимая к себе Милу № 2. А потом засунула её в декольте, чтобы уж точно больше не потерялась. Книга, к слову, томилась за поясом капроновых колготок, от которых теперь в области колен одни лоскуты остались.

Экипировка что надо, нечего сказать. А солнце между тем стремительно садилось, подгоняя меня хотя бы кровать в доме найти. А то ж ни фонарика любимого, ни хоть маленькой спичечки с собой.

Деревянная дверь в избу краску в своей жизни даже не нюхала, как, впрочем, и ставни. Я оглянулась, рассматривая покосившейся забор — так и есть, погрызенные кем-то штакетины были девственно чисты. То есть, меня забросило не просто в глушь, а самую настоящую глухомань!

И прежде, чем потянуть на себя дверь, три раза через плечо плюнула. Я не суеверная, просто очень мнительная.

Дверь открывалась тяжело, да еще и со скрипом. Точь-в-точь как в советских мультиках про Бабу Ягу. Ничуть не удивлюсь, если избушка прямо сейчас отрастит огромные куриные ноги и понесется вскачь по лесу.

Ух, разобрало-то меня как. От страха аж поджилки трясутся.

— Эй, ворон, — позвала я притаившуюся на поручне крыльца птицу. — Будь другом мне, что ли. Составь компанию в этом нелегком деле, м?!

Ворон в ответ лишь глазами сверкнул, отворачиваясь.

— Так и знала, что не ворон ты, а трусливая курица...

— КАР! — выдал мне в ухо смельчак, впиваясь коготками в плечо.

— Ну вот, другое дело, — я даже погладила его слегка, но руку быстро отдернула, боясь, что ущипнет из вредности.

Чтобы уместиться в проем двери, пришлось сгибаться пополам. Если тут и не Баба Яга жила раньше, то точно хоббиты. У меня рост невелик, и то не поместилась.

— Есть тут кто? — спросила, очень надеясь, что мне никто не ответит. И добавила после уже более радостно. — Ну вот и славненько.

Через порог в компании с вороном переступить было уже не так страшно, но вот противный хруст под ногами, мягко говоря, напряг. Пришли ассоциации из Гарри Поттера, когда он к василиску в логово полез.

Ё-моё, уж лучше вообще не думать, чем вот так фантазировать. Почему мне попу отшибло, когда падала, а не память?

Темно было, хоть глаз коли. Поэтому остановилась возле порожка, предпочитая подождать когда зрение адаптируется к полумраку. Из источников света — только маленькое оконце. Неудивительно, но очень обидно. Я ожидала тут хотя бы лампадку на видном месте найти.

На ощупь пошла к окну, желая хотя бы занавески раздвинуть. Тонкая хлопковая ткань, конечно, свет и так не особо поглощала, но мне после этой манипуляции полегчало. Сделала всё, что могла, и на этом моя миссия на сегодня закончена.

Пока солнце не село окончательно, мне удалось разобрать очертания стола, печки и лавки возле стены. Никакой кровати и в помине не было. Видимо, бывший владелец спал на печи, но ночью лезть туда был опасно. Так что, и лавочкой обойдемся, некоролевских кровей.

Думала — замерзну ночью, ведь хоть и лето, но изба деревянная. Она без отопления всегда прохладу держит. Но на удивление проспала глубоко и спокойно. Утром, правда, ворон напугал, каркнув на ухо так, что я с лавки свалилась. Но это мелочи, главное, отдохнула хорошо, и не сожрал никто.

— Ты чего кричишь? — недовольно буркнула, поднимаясь с пола.

Ворон в ответ бодренько поскакал к двери и снова каркнул. Вот Мила, мечтала о домашнем питомце, получай. Не кот, конечно, но на улицу проситься точно приучен. Если еще и из миски кушать будет, в Москву с собой заберу.

Выпустив птицу гулять, наконец, осмотрелась. Дом старый, но воздух спертый не казался. То ли щелей много было, то ли периодически здесь кто-то жил.

При свете дня тут не было ничего зловещего или неправильного, наоборот — как-то

очень уютно и по-домашнему. Печь с толстым слоем побелки, прислоненный к ней ухват и большой чугунок на полу. Наверху стеганное одеяло и небольшая подушка. Я даже залезла посмотреть — всё чистое и даже непыльное. То есть, дом всё же жилой, и нужно поскорее отсюда выметаться.

Но так есть хочется, что даже то, что заняла чужую жил. площадь, не смущает. Поглядывая в сторону стола, я двинулась на разведку. Свежего хлеба и круассанов, я, конечно, не ждала. Но на заваливающую банку консерв, уповала.

НИЧЕГО!

Травы одни, да ягоды сушеные в мешочках. Но такое есть я бы даже присмерти не рискнула. Потому что на биологии мыла доску и полы за худенькую четверочку. Не давался мне этот предмет, и что из всего разнообразия насушенного есть можно, категорически не знала. Тут вон даже грибы висят, дюже подозрительные, на мухоморы и поганки похожие. Так что ягоды я даже облизнуть боялась.

В полной тишине раздался настойчивый стук в окно, так что я даже подпрыгнула от неожиданности. С той стороны сидел мой ворон, продолжая долбить.

— Разобьешь же! — тук, тук, тук. — А ну, перестань! — тук, тук, тук. — Издеваешься опять?

Я с психу вылетела на крыльцо, а ворон тут же прошмыгнул обратно в избу. Это он так домой просился, а я вызверилась на умненькую птичку. Стыдно так стало, что даже прощения попросить захотелось. Хоть и понимала, что маразмом пахнет.

А вот когда в дом зашла, все свои извинения запихала подальше и приготовила ругательства позабористей. Потому что эта сволочная птица все банки, склянки и даже сушеные мухоморы, на пол покидала.

— Ах ты, чертов ворон! Иди сюда, — я схватила кочергу и начала медленно к нему приближаться. — Я сейчас тебе покажу, как безобразничать...

Но наступив на осколок балеткой, едва ногу себе не проколола. Поэтому решила отложить убивательно-мстительную миссию до поры, пока не уберусь.

Достала ведро с веником, и принялась за дело.

— Ай, — очередной осколок всё-таки упустила, и подушечку пальца обожгло резкой болью. — Всё через одно место, — забурчала я, засовывая палец в рот. Но несколько капель упали-таки на почти очищенный пол, и тут же, на моих глазах впитались. Прямо в деревянные половицы!

— Ну наконец-то, думал не дождусь, — раздалось с печи. И посмотрев туда, я позорно грохнулась в обморок.

— Ну, куда выпала, хозяйка? Пять минут тут стою, веером обмахиваю, — выговаривал кто-то весьма раздраженно.

— Голый? — поинтересовалась, не открывая глаз.

— Это ты сейчас с надеждой спрашиваешь? — я решила глянуть одним глазочком, чисто из любопытства. И сразу уткнулась взглядом в нахальную физиономию.

Парень был черноволос, молод и весьма привлекателен. Единственное, что портило внешность — слишком длинный нос. Хотя, может, и не портило. Потому что смотрелось вполне себе гармонично.

И да, он был все еще гол. По крайней мере, верхней частью тела. Так что, я снова зажмурилась.

— С надеждой, что ты оденешься! — отрезала и руки на груди сложила, по типу царевны в хрустальном гробу возлежащей.

— Так зачем мне одеваться, если скоро опять обращусь? Человеком я только в избушке быть могу.

Я простонала. Никак в банках, что ворон разбил, что-то галлюциногенное было. И меня сейчас накрыло так, что оборотни мерещатся и мужики голые.

— Ну хоть замотайся чем, — я перебрала в уме скудные пожитки, что имелись в доме, и предложила оптимальный вариант. — Или полотенцем прикройся.

— Ну и что ты там не видела? — рассмеялся наглещ. А потом вкрадчиво так прошептал. — Или не видела?

Боже, за что мне это всё? Даже глюков нормальных не выдали. К людям, после поганок и мухоморов феи приходят с крылышками, а тут язва языкастая.

— Что, правда не видела? А, хотя, чего это я. Хозяйкой избы только девица стать может. Это потом, и замуж можно, и детишек заводить. А первая кровь, тут пролитая, только девичья. Тебя изба приняла, я снова форму обрел и голос. Так что, ладно, прикроюсь.

Парень утопал в сторону стола, и сдернув с него скатерть, обернулся по типу греческого гиматия. Я честно старалась не смотреть, но интересно же.

— Ага-а-а-а, — с обличительным тыканьем, он резко повернулся ко мне, заставив залиться таким слоем краски, что век не смыть.

— А в кого ты превращаешься? — спросила, в желании перевести тему.

— О-о-о-ой, — он покачал головой, пару раз по-лошадиному цокнув. — Как всё плохо-то. А с первого взгляда такой умной казалась.

— В лошадь? — переспросила, намеренно доводя. Такой он забавный, когда злится.

— Сама ты лошадь! А я птица вольная, ни к кому, кроме хозяйки не привязанная. И угораздило же такой хозяйкой обзавестись, — он закрыл лицо ладонью. И горестно головой покачал.

— Воробушек, что ли?

В меня полетела связка сухих грибов, до того мирно висящая в уголке над столом. И уворачиваясь, я снова с лавки упала, на которую этот чудик меня уложил после обморока. Мы в детском доме частенько подушками кидались, вот рефлексy и сработали, когда не надо.

— Или соловей, а? — я уползла за печку, теперь осторожно оттуда выглядывая. — Ну в

крайнем случае цапель...

— Я сейчас покажу тебе цаплю, — взревел носатенький, наступая на меня. Но он так комично смотрелся в скатерти на одно плечо, что я не выдержала, расхохотавшись.

Он навис надо мной, подобно богу Возмездия, а я остановиться не могла, но всё-таки выдавила:

— Комплексуем из-за размеров носа?

Парень сплюнул на пол и размашистым шагом направился к двери. И даже умудрился ей хлопнуть. Нервный какой.

А я прокралась за ним, и выглянув в щелочку, успела увидеть, как из начавшей оседать скатерти вылетел ворон, напоследок зло каркнув.

Интересно даже стало, насколько эффекта галлюциногенов хватит, и что еще может померещиться. Я сама первый раз в таком состоянии, но от людей слышана. И как потом плохо бывает, тоже знаю. И веселье сразу скатывается до нулевой отметки — мало мне проблем, еще отходняка только не хватает.

Но есть-то хочется. А, значит, нужно в лес идти, малины поискать или клубники. Как выглядят популярные ягоды, я, конечно, знала. И уповала на лесные запасы, ведь когда к избушке бежала, обращать внимания на растительность было некогда.

Я снова принялась осматриваться, в поисках корзинки или холщовой сумки. Кто бы тут ни жил, по грибы и ягоды зааживал часто. Но вместо лукошка, взгляд наткнулся на одиноко лежащую Милу № 2. Видимо, выронила, когда над вороном издевалась.

— Ушиблась, маленькая, — я погладила куколку и осмотрела на предмет повреждений. Она же в ответ погладила меня. — Ты что, тоже со мной поговорить решила?

Куколка закивала головкой и указала на отсутствие у себя рта. Глазки-пуговички жалостливо сузились.

Эк меня штырит. Но что я, зверь какой, своему второму «я» рот не сделать?

Фломастеры и ручки тут вряд ли будут. А вот нитки с иголкой должны иметься. Куда без них. Я с интересом начала перебирать плетеные коробочки на полках.

— О, Мила, иди-ка сюда, — позвала куколку, пока вдевала нитку в ушко иголки. В коробочке выбора было немного. Но красная катушка ниток подходила для губ идеально.

Кукла, премиленько подсакивая, поспешила ко мне, и даже по ноге взбираться начала. Но я перехватила её в районе колена, уж очень щекотно было.

Вышивать я умела — крестиком, гладью, синелью. У нас учительница по трудам очень привязчивая была и считала, что раз о нас более позаботиться некому, мы сами должны уметь себя обслуживать. Так что хочешь-не хочешь, но готовить, шить и творить добро, мы с раннего детства были приучены.

Рот получился прекрасным. И я, в порыве творческого вдохновения, еще и реснички черным вышила и носик маленький.

— Вот теперь ты настоящая красавица! — похвалила я себя и её, складывая катушки.

— И ты, — пропищала куколка. — Также красавица.

— Вот спасибо. Как говорится, сама себя не похвалишь... — усмехнулась, но в сердце кольнуло болезненно, а глаза вдруг чесаться начали.

Никак откат собирается...

Глаза щипало все сильнее, а потом и губы начало. Сначала покалывало легко, но через минуту я уже выла от боли.

— Что это за чертовщина? — ни к кому не обращаясь, выдала я. Но мне, как ни странно, ответили.

— А ты о чем думала, когда в куклу, под завязку напичканную магией, иголками тыкала? У нее и аура похожая.

— Что? — а у самой губы распухли, будто пчелы покусали. — Ох...

— Дошло, наконец? — человек-ворон прошел к столу, нагло развалившись на стуле. И даже одетый, хоть я и сомневалась, что после нашей стычки он удосужится скатерть накинуть.

— Это фто фе фыхофит, я фама фебе гуфы накафала? — я дотронулась до саднящих губ кончиками пальцев. Очень легко, но болью все равно прострелило.

— Накафала-накафала, — передразнил этот невозможный тип, тихонько посмеиваясь. А потом встал, поковырялся в коробочках на полке и вытащил три. — На вот, смешай по щепотке, водичкой залей до состояния густой каши и на глаза с губами нанеси. Сразу полегчает.

— Уф, — выдала я, поспешив смешивать порошочки. — А фофы?

— Принесу сейчас, — буркнул парень, вытаскивая из-под стола ведро.

А я, быстро смешав по ложке порошка, поспешила к окну. Очень интересно, где ворон воду набирать будет, потому что вокруг избышки ничего, напоминающего колодец, не наблюдалось.

И то, что удалось рассмотреть из-за пелены, застилающей глаза, повергло в шок. Я даже несколько раз к окну подходила, внимательно всматриваясь. Эффект у поганок оказался уж очень долгоиграющим. По идее уже отпускать должно, а меня только больше накрывает.

Двор выглядел теперь отлично благоустроенной территорией. Тут и колодец с аистом на крыше, и грядки с клумбами, и даже качели одноместные, поскорее отдохнуть зовущие. Прямо лучше, чем на даче у бигбосса.

Но видимо, зря я об этом подумала, потому что тут же показался отряд кур, во главе с чинно вышагивающим петухом. Хоть бы прочей живности не водилось. А то я свиней после памятной истории недолюбливала.

— Фефя как зофут-то? — спросила у ворона, едва тот показался в избе.

— Прохор, — буркнул недовольно, но ведро поставил аккуратно, ни капли не пролив.

— Мила, — представилась, протягивая ему руку.

— И я, и я, — пропищала куколка, карабкаясь по скатерти-гиматии вверх. И Прохор её заметил, только когда она на плечо к нему угнездилась. Он обреченно вздохнул, принимая новую обузу, и вместе с Милой № 2 полез на печь.

— Как глаза с губами вылечишь, зови, — и голос, главное, такой сонный-сонный, что и меня сразу на полежать потянуло.

Так что я, взяв пиалу с лечебной кашницей, пошла наслаждаться сельской идиллией. Главное, чтобы петух не щипался. Хватит с меня злоключений на сегодня.

Качели оказались очень удобные. Так, что я не только присела, но даже полулегла, слегка покачиваясь.

А вообще, хорошо, что я кукле только лицо сделать решила. А то бы ума хватило и грудь вышить...

В голове сразу картинки в ряд выстроились, по типу черно-белой комедийной киноленты. Прихожу такая на работу, а у меня четверочка без пушапа. Сначала грудь за угол заворачивает, потом только я. Не сдержалась, захихикала, чуть с качелей не свалилась.

Не-е-е, мне и второго-то размера за глаза. И так вон Коробцов двинулся. Интересно, как он там. Надеюсь, полегчало. Потому что он меня своей последней выходкой напугал до заикания.

Устроившись максимально удобно, нанесла кашицу на все лицо. Для профилактики, так сказать. Лучше предупредить, чем потом по пластическим клиникам бегать губы корректировать.

Я, наверное, задремала. Потому что, когда попыталась открыть глаза, поняла — не могу. Слиплось все и засохло.

Что за день-то такой, господи? Я сползла с качелей и решила не вставать. Так хотя бы руками можно нащупать куда ползу. И это я правильно придумала, потому что через каких-то два шага нащупала куриную лапу.

— Только не ори, я тебя умоляю, — простонала я, уже готовая к голосовой атаке. Но курица вполне адекватно выдала.

— Ты не Мила, ты чудовище!

— Ты почему превратился опять? Еще и лапами раскидываешься? — решила я первая пойти в атаку.

— На разведку летал, — невозмутимо выговорил Прохор. Еще и нахохлился важно, как пить дать.

— Я ж все равно не вижу ничего, превратись в человека, отведи меня в дом, пожалуйста. Ползком, боюсь, наткнусь еще на грабли, или порежусь.

— Нет. Мне нравится, что я вижу, — хохотнул птиц. И я решила, что как только себя в порядок приведу, выгоню его из дома. А то сам меня хозяйкой называл, а теперь издевается.

А еще, я поняла, что до ночи мне отсюда не выбраться. Только вот есть хотелось уже нестерпимо. Но идти куда-то, когда перед глазами сплошные галлюцинации — не дело.

— Прощ, а поесть можно мне что-то? — взмолилась жалостливо, становясь на колени и руки в молитвенном жесте складывая.

— Прохор я! — взревел ворон и улетел. Гад. Так что пришлось ползти, надеюсь, хоть в правильном направлении.

Над головой неожиданно зашумело. Так, что захотелось зажать голову руками, пригнуться еще ниже к траве и вопить раненым зверем. Мороз прошел по коже, тело начало сотрясать в ознобе, а колени, на которых ползла — ослабели. Я рухнула, распластавшись, а потом быстро сгруппировалась в маленькую кучку.

Это был страх — жуткий, сродни первобытному. Но стоило гулу чуть стихнуть, я начала расслабляться и попробовала разобраться в ситуации.

Неужели за один день одичала совсем? Или это новая степень реакции организма на поганки? Ясно же, что шум издавал самолет или вертолет. И страх, что накрыл с головой, лишь отдача неподготовленной Милы на психотропы. Я хоть в биологии и ни бум-бум, но отлично помню, что бледная поганка и мухоморы очень ими богаты. И приступы паники отлично вписываются в обширный спектр возможных реакций.

Дождавшись, пока окончательно отпустит, поползла снова, и порожек преодолела даже нос себе не разбив. Главное в череде неудач выискать что-то позитивное, и уже становится не так горько.

— Мила, Мила, — запищало рядом, и я попросила:

— Не крутись, раздавлю же. А потом руки-ноги себе же лечить. Ты ж у меня на вес золота, дорогая.

— Золота, золота, — непонятно чему радовалось моё второе я.

— А давай тебя немного переименуем, а? Будешь Лилой, а то две Милы на десяти квадратах — это перебор. Вот как до Москвы доберемся, могу обратно переименовать, там жилплощадь побольше.

— Хорошо, — Мила ткнула мне в щеку, видимо поцеловав. Прелестная девочка, жалко неживая. Мне даже её разговорчивости не доставать будет, когда в ум приду.

— Вода! — буквально взревела, нащупав ведро. А уж умывалась с каким удовольствием, не передать. — А зеркальца в избе не видела? — обратилась я к Лиле, когда лицо более не стягивало.

Куколка развела руками, а мне немного взгрустнулось. Потому что на ощупь, губы всё-таки оставались немного раздутыми. Да и на глаза хотелось посмотреть. Вода в ведре теперь выглядела мутной, и не то, что отражения своего, дна видно не было. Я с громким вздохом понесла выливать жижу во двор. Вот наберу чистой водички, хоть на себя полюбуюсь.

Хотела за калитку вылить, но что-то меня от забора дернуло, будто сила какая не давала шага ступить, снова во двор уводила. В сердце начала закрадываться паника, сродни той, что от звука летящего самолета накатила.

Так что я, когда ведро под забор вылила, пальцы перекрестила на обеих руках и начала осматриваться, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Потому что взгляд чужой явственно чувствовала, насквозь пробирающий. Он сначала просто по телу гулял, каждый изгиб ощупывая, а потом внутрь полез.

Первый раз повернувшись, не увидела никого, второй раз — легкое колебание около калитки заметила, как в фильмах фантастических, когда невидимость временно сбой дает. А уж на третий поворот, рассмотрела мужчину в черный плащ замотанного, так что ни лица, ни сложения не разобрать.

Ужас не ушел никуда, также холодил внутри. Но сейчас я хотя бы понимала его причину

— незнакомец в опасной от меня близости, и больше ни одной живой души на многие километры.

Ну куда же Прохор запропастился? Мне бы от присутствия ворона стало легче.

— Вы что-то ищете? — обратилась к мужчине, не тронувшись с места. А вот ведро в руке сжала покрепче. Если нападет, так двину, мало не покажется.

Он вскинулся сразу, и из-под капюшона сверкнули желтым глаза. Я чуть икать от испуга не начала, и сердцем своим подавилась, которое подскочило до самого горла. Но продолжала стоять, ни шагу назад не сделала. Потому что, если хищник видит слабинку — он тут же кинется.

— Я к вам обращаюсь! — прикрикнула погромче, а то мало ли, может у него наушники в уши вставлены и музыка на всю катушку.

Мужчина, еще раз сверкнув глазами, развернулся и двинулся прочь. А у меня в сознании произошел щелчок. Домик же на холме, я это знаю совершенно точно, потому что такого вчера тут натерпелась, врагу не пожелаешь. Тогда отчего незнакомец не спускается вниз, а идет совершенно прямо?

Я маленькими шажочками, всё ещё сжимая в руке пустое ведро, подошла к забору. Калитка теперь поддалась легко, без какого-либо сопротивления. И пройдя десять шагов вперед, я поняла, что возвышенности тут и в помине нет.

— Ты зачем вышла? — я вздрогнула, но узнав Прохора, успокоилась тут же.

— Мужик приходил какой-то. Темный весь, — меня передернуло, и умастившийся на плече ворон, едва вниз не полетел, тут же вцепившись когтями покрепче.

— Темный? А ну, в дом иди быстро! На минуту оставить нельзя, тут же вляпаться успевают! — закричал Прохор, и крыльями взмахнул, задевая меня по щеке.

— Так не улетал бы! Я, знаешь, как испугалась! — пожаловалась, понимая, что очень близка к истерике.

— Я еды принес, дурья твоя башка! А то помрешь с голоду, сто лет потом новую хозяйку жди. А мне иногда поговорить хочется, и человеком обернуться тоже. А без ведьмы не могу! Хоть режь меня, хоть ешь!

— То есть, ты на меня намекаешь? — мы уже заходили в дом, и после болтовни с птицей, сердце снова стучало ровно. Я даже откровенное хамство ему спустить была готова. А уж когда увидела холщовый мешочек с краюхой хлеба и парой яблок, так вообще подобрела.

— Тут город рядом? — обрадовалась, быстро неся продукты к столу.

— Деревня... Ну как рядом. Без клюки тебе сутки идти. А она в лесу где-то потеряна. Поискать бы, как силу почувствуешь, а то и сгнила, может. Почитай полвека века ведьмы-то у нас не было...

Я от себя эти мысли гнала подальше. Но гадалка же ясно сказала, что дар у меня. Так, может, и правда всё это, а не поганки виноваты? И ворон говорящий, и кукла ожившая. Любой человек мимо пройдет, развалины только увидит, внутрь пройти побоится. А я вижу и слышу иначе.

— Прощ, а ущипни-ка меня, пожалуйста. Покрепче только, чтобы я если сплю, или под дурманом каким, очнулась сразу.

— Не веришь? Ох и беда с вами, неместными. Горе одно. И силушка спящая, и знаний почитай никаких. Тебя ж годами натаскивать нужно. Я молодой еще, у меня только одна хозяйка до тебя и была. Но дед говорил, знавал такую, пришлую из иного мира. Старая да

облезлая к калитке приползла, задыхаясь. Но признал её дом. Как в силу вошла, расцвела, помолодела. Она говорила потом, что монахиней была, родилась в монастыре, да и состарилась там же. А у нас лес без хозяйки умирает быстро, ритуал провели, вот и притянуло её. В ином мире век короток, а тут ведьма живет немерено, пока сама от места не откажется, или не убьёт кто...

— Убьёт? — я даже слова про иной мир нормально восприняла, а вот последнее мимо ушей пропустить не смогла.

— А ты думала, — проказливо ухмыльнулся Прохор, готовясь травить мне страшные байки. — Это драконий край, Мила. Хоть граница и открыта для многих рас, драконы остальных лишь терпят, за собой оставляя исключительные права. Людей привечают за безотказность, ведь они готовы к любой работе, только плати. Троллей уважают за физическую силу, а фейри за магию.

— Фейри? Погоди-погоди, — сколько мыслей сейчас кружилось в моей голове, словами не передать. — Это феи? С крыльями?

— Ну, скажешь тоже! — Прохор фырчал и смеялся. — Попробуй фейри сравнить с феей, тебя прибьют тут же. Фейри и эльфы — высшие, а феи, гоблины, брауни — низшая нечисть.

— А вампиры, оборотни, гномы?

— Эти сюда не суются, живут обособленно по своим королевствам. Хотя оборотни попадают, но их не отличить от людей, разве только более дерганые.

За интересным рассказом я как-то незаметно уплела весь хлеб и начала грызть яблоко. Надеюсь, что оно мытое.

— А драконы что?

— А что драконы? Правит император, у него три сестры есть на выданье, да не торопятся что-то замуж, важные очень, — Прохор выпятил грудь, изображая эту самую важность. Но выходило у него до того комично что я не выдержала, рассмеявшись.

— Так они пару свою ждут. Драконы же один раз любимых находят и на всю жизнь, — я вздохнула мечтательно. Вот это судьба у них, зато романтично и таинственно. Перед глазами сразу пошел хоровод образов из прочитанных книг.

— Мил, ну не позорься ты, право слово. Какие пары? У нас от такого не страдают. Может быть, когда-то давно, когда драконы еще не умели оборачиваться в человека, такое и случалось. А сейчас у них там сплошной бордель в худшем виде. Живут долго, законные мужья с женами надоедают за пару лет. Так что теперь даже жениться не принято. Взять любого дракона из лордов и любую леди, так они либо друг с другом спали, либо кто-то из ближайших родственников был в этом замечан. Если бы у них так четко не работала кровно-магическая связь, не знаю, как жили. Бастардов тогда вообще не отследить.

— Вот так запросто дети рождаются? У нас во всех книгах написано, что у драконов потомство только от истинной пары быть может.

— Дети рождаются редко, иначе бы тут такое началось... Драконы и тысячу лет прожить могут, где тогда столько места для них взять. Перенаселение королевства, войны за новые территории, да и едят же немерено, ящерицы пузатые. Так что Боги милостивы и потомство напересчет. Прошлый император, правда, плодовит был, но четыре ребенка в семье большая редкость. Обычно один или два.

— Прощ, заткнись, а? Ты сейчас мою святую веру в драконов рушишь. Как же так? — я смотрела на него, подперев руками подбородок, и хоть на улице и было еще светло, после еды клонило в сон.

— Какая вера? Знаешь, кто ведьм истребляет? Драконы! У них магия абсолютная, никто пробить щиты не может, даже если они и в человеческой ипостаси. А вот ведьмы способны. У драконов даже закон такой есть негласный: видишь ведьму — прибей!

Мне аж плохо стало, и все съеденное назад попросилось. Я же теперь из дома выйти бояться буду.

— А если они меня вычислят? Тот, кто приходил в черном балахоне, явный шпион, раз под покровом невидимости шастал. Я случайно его рассмотрела. Мы в детстве с девчонками так играли — если пальцы скрестить и обернуться успеть три раза вокруг себя, значит, невидим для всех, типа в домике.

Прохор смотрел остро, будто решив влезть ко мне в черепную коробку. А потом склонил голову вбок, как любил делать в образе ворона.

— У вас в мире тоже есть магия?

— Нет, какая магия. У нас есть машины, самолеты, телефоны с планшетами, электричество. А магии нет. Но перед тем, как сюда попасть, я обнаружила, что существуют люди, которые обладают способностями.

— А откуда тогда у вас про такой ритуал с пальцами рук знают? Это ведьмовское, такому не учат. Знания с силой приходят, только успевай в голову укладывать. Но необученная ведьма сразу всё схватить не может, путается, бояться начинает. Вот тут ворон-помощник и нужен, объяснить что к чему, успокоить.

— Я...

Ну что тут сказать. Это ведь я такие игры придумывала, считалочки страшные про ведьм и нечисть. Все подхватывали тут же, конечно, радовались новой забаве. Только откуда это брала я? Неужели сила, положенная ведьме, пробивалась во мне с детства, но на Земле, без витающей в воздухе магии, не находила выхода? Многие ведь замечали, что если со мной дружить — жизнь складывается лучше. Подружкам выпадала любовь с крутыми парнями, мальчишкам — хорошая должность и фарт.

Я будто всем раздавала блага, урезая подобное у себя. И лишь отслоившись от компании, смогла наладить существование. Нашлась работа, сдали, наконец, квартиру. Я ведь с коллегами так близко, как с ребятами из детдома и институтскими друзьями, не общалась. Да, были общие вылазки, корпоративы, но не более. И если подумать, просто так ли выиграл в лотерею наш бигбосс сразу после того, как оказал мне поддержку?

— Прощ, а ведьмы какие бывают? Плохие, хорошие, я не до конца понимаю суть.

— Да кто ж их знает. Ну вот в нашем лесу ведьма — хозяйка. На ней всё держится — урожай, численность зверья, кто зайдет, кто выйдет. Территория дома защищена от постороннего глаза, человек не найдет, но маги и одаренные существа могут. Моя прежняя хозяйка доброй была, людей с хворобой принимала, деток лечила. У нее для того домик отдельный был у самой кромки леса, к деревне и городу поближе. К ней с нуждой шли, а уходили счастливые. Кому помочь не могла, боль облегчала. А уж ты, как сама решишь. Сила придет к тебе, поймешь, что душе твоей хочется — только ли лесом владеть, или людей привечать тоже.

— И черные ведьмы тоже есть, как без этого. Коли вошла злость в душу, да растет там и множится, темнеет ведьма, начинает творить страшное. Драконы сперва от таких только избавляться принялись. Обоснование было, всё дело по делу. А потом, как поняли, что ведьмовскую силу контролировать не могут, и опасна она им, то всех подчистую истреблять принялись. Молодой император в этом плане строг, но не резок. Ведьм сначала за решетку сажает, а уж если подтвердится воздействие на драконов, то казнят сразу.

— За что? — я даже со стула вскочила, чуть Лилу не уронив, которая ко мне на колени забраться успела. — Я понимаю, черные. Но простых ведьм за что? И почему все это терпят?

Геноцид тут устроили!

— Не знаю я слов нездешних, но тебя понимаю. Ведьм мало осталось. Некому жаловаться-то, попрятались все.

— Так люди на что? Сам же говоришь, что хозяйка твоя больных привечала. Не она же одна такая. Мы, значит, добро всем творим, а нас истребляют?

Вот так, совершенно незаметно, я и причислила себя к ведьмам. Приняла свою суть, что с рождения была спрятана. Первый блок пал, когда гадалка ритуал проводить вздумала. Я пришла в чужой мир, стала тут гостьей. Когда кровь в избе пролила, меня дом принял. Лес присматривался тихо, аккуратно — птичкой в окно подглядывал, травой под ногами шелестел, а вьюном, что дом оплетать начал, согласие свое дал. И только осознала я это, хлынула в меня сила. Будто платину сорвало, что много лет стояла.

Я на колени упала, не в силах сдержать эту мощь. И полилась во все стороны благодать чистым золотом, с серебром постепенно мешаясь.

— Ой, Милка-а-а-а, — простонал Прохор, закрывая лицо руками. То ли от яркого света, то ли от безысходности. — Конец нам теперь. Такой фейерверк и в королевском дворце увидят.

Я смотрела, как общий поток распадался на мелкую пыль, оседает на поверхность предметов, тут же впитываясь. Золотой дождь сейчас поливает двор и лес, оплетает незримой паутиной владения. Чтобы хозяйка могла чувствовать каждое дерево, всякого зверя и помочь сразу, если кто-то в лесу взмолится.

— Милорадой меня зови теперь, ворон. Негоже ведьме чужим именем зваться!

— Уу-у-у, — завыл Прохор, опасливо от меня отодвигаясь. И как-то особенно нервно поправил на себе скатерть. — Ты не волнуйся, главное, Мил...орада. Вдохни поглубже, а потом до конца выдохни.

— Незачем! — мне хотелось на воздух. А лучше к деревьям поближе. Голову кружил золотой дымок и осознание собственного могущества.

Я видела все с несвойственной мне остротой. Могла различить даже маленькие песчинки на полу, незамеченные ранее осколки. То, как ёжился Прохор под моим взглядом, казалось предельно правильным. Я — ведьма, остальные лишь мусор под ногами.

От одного взмаха рукой налетел ветер, ворвался в ограниченное пространство избы и завертелся, поднимая в воздух всё с полок и стола. Даже метла, сиротливо стоящая в углу, теперь гуляла под потолком, со свистом рассекая пространство.

Мне хотелось смеяться. А легкости, поселившейся в теле, позавидовала бы и балерина. Я ведь сильна теперь, и Прохор зря пугает драконами. Что мне их император? Мигом смету с пути и не замечу даже.

Новым порывом ветра распахнуло тяжелую дверь. Метла, едва ли не с визгом, ринулась в образовавшийся проем.

— Счастливая... — легонько вздохнула я, позавидовав свободолюбивому инструменту. За что и поплатилась тут же, потому что метелка вернулась, и подхватив меня между ног, понеслась наслаждаться волей.

— А-а-а-а-а, — кричала я, крепко вцепившись в древко.

— У-и-и-и-и, — вторила мне метла.

— Ми-и-и-илка-а-а-а, — кричал сзади черный ворон, пытаясь нас нагнать. Но куда там. Похитившее меня помело, выкручивало в воздухе такие кренделя, что я принялась молиться.

Метла несла меня все выше, и пальцы начинали стыть от холода. Итак держусь из последних сил, но еще чуть-чуть и заледеневшие пальцы разожмутся, отправляя всемогущую ведьму к праотцам. Да-да, в голове прояснилось и более я не чувствовала себя властелином вселенной. Хоть какая-то от этой поганки польза.

Почувствовав, как дернулось подо мной древко, приготовилась к новому виражу. Но вместо этого мимо пронеслась волна пламени, и метла резко изменила курс.

— Никак возвращаемся? — обрадовалась я, но краем глаза уловила чешуйчатую громадину, которая нас почти догнала. Новая струя огня и прутьики метлы загорелись, норovia подпалить и меня.

— А-а, — хотела крикнуть, но сверкнувшие желтым глаза охоты голосить отбили.

Желтые, как у того мужика в балахоне! То есть, драконы узнали о ведьме раньше меня самой.

Хотя, я тогда еще силой не обзавелась, может и пронесло бы. Зато сейчас эта зверюга спалит, а потом сожрет, не жуя даже. Я ему на один зуб.

— А-а, — снова попыталась вопить, чтобы хотя бы снять напряжение, мешающее вздохнуть нормально. Но на этот раз меня прервал Прохор.

— Ты это... ведьма, али как? — ворон говорил рвано, всё время оглядываясь. — Давай...загляни вглубь себя... Милорада.

Имя он произнес так ехидненько, что я поняла — если выживу, Прохор еще долго мне

вспышку зазнайства припоминать будет.

Посмотреть вглубь себя, это он, конечно, хорошо сказал, но неприменимо в текущих обстоятельствах. Я по сторонам-то посмотреть лишний раз боялась, чтобы координации не потерять.

Однако, когда громко каркнув, ворон резко ушел вниз, а мой бок больно опалило огнем, я силу свою неожиданно нащупала. Вот разом прямо. Не зря говорят, что приток адреналина в крови, способен вскрыть резервы организма.

— Получи, чешуйчатый, — крикнула, смотря прямо в огромные глаза и запустила в него сырой ведьмовской силой. Заклинания на ум не приходили, зря Прохор притоком знаний пугал. Зато дракону природная магия явно не по душе пришлась. Он закричал пронзительно, не скрывая раздирающей боли, и камнем рухнул вниз.

И мне бы домой поворачивать и радоваться, но...

— За ним, — крикнула метле глупая жалостливая ведьма, срываясь вслед за драконом.

Глава 21. Илларион

Император Илларион Гинесский

Илларион устал. От бесконечных интриг, пакостей и настырных девиц. И ладно бы только драконицы... Ото всех воротит! Особенно от эльфиек в кружеве!

Сколько он на троне? Полвека, не больше, а пресыщения на тысячи лет вперед. Неудивительно, что отец предпочел смерть всему этому. И мать с собой прихватил. Единственную умную женщину в окружении. Теперь вот и поговорить не с кем.

— Иллар, долго еще? — Крис стояла, подперев плечом стену и демонстративно разглядывала длинные коготки. Он лишь глаза закатил, продолжая сидеть за столом и изображать активный мыслительный процесс. — Нет, ну мы тебя приедем когда-нибудь! — не выдержала сестра.

Она миг оказалась рядом, выхватывая у него из рук договор.

— Ах ты, плесень белая! — закричала взбешенная девушка, потрясая листами перед лицом брата. — Они перевернуты были! Ты специально тут от нас прячешься, а сам договор вверх ногами читаешь!

— Крис...

— Мы ждем уже час! Час, Иллар! Да за час можно было столько всего сделать. Все лавки обойти, с эльфийками чай попить, в приезжий цирк заглянуть... — она вдруг мечтательно прижала помятый договор к груди и проворковала. — Там, говорят, зоопарк привезли — котики, феньки, единорожки, и даже дакини. Да я душу продать за такое готова, а ты тут сидишь! — Крис обвинительно ткнула в брата пальчиком. — Ты сам запретил нам одним на ярмарку идти. И если через 5 минут не спустишься, мы слух по дворцу пустим, что ты на Лармиэль запал.

— ЧТО? — взревел Илларион, мигом подскакивая с места. Но Крис, хохоча, как бешеная гиена, уже скрылась за дверью.

Только воодушевленной эльфийки ему не хватало. А ведь у этих, которые его сестры, ума хватит растрезвонить. За что Боги и Великий Дракон карают его? Мало того, что родился в правящей семье, так еще и три недоразумения на его шее висят.

Нет, он сестер любил, тут без вариантов. Но три взбалмошные девицы на одного маленького императора, определенно перебор. А впереди еще ярмарка, лавки с платьями, зоопарк с котиками...

Илларион зарычал. Бывало с ним иногда такое, что звериная суть вырывалась и контролировать её становилось крайне сложно. Все-таки дракон — хищник и отпускать его не следовало. Мало ли, поохотиться на людей вздумает.

Кстати, об охоте. При отце развлечение у них было, ведьм ловить. Вот там азарт, накал страстей. Бывало, впятером на одну охотились, гнали, как дичь, а она их вокруг пальца, словно малышкой водит, и в головах каждого смеется. Все равно находили, конечно. Но перевелись истинные ведьмы, истребили всех. Те, что сейчас попадают и не ведьмы вовсе, так одно название. Для острастки в темницу сажали, держали месяцок, и под зад ногой. Потому что силы в них, чтобы на драконов влиять, не имелось.

Илларион, скрепя сердце, пошел к сестрам. Уже выругал себя сотню раз за то, что запретил им самим ехать. Погуляли бы, развеяли свои дурные головы. Но вчера донесли, что над лесом всполох видели, вот и ввели повышенные меры безопасности. Он сегодня туда

наведается, сам поглядит. По описанию — на разрыв пространства похоже. Илларион за всю свою жизнь такое всего 1 раз видел, когда ведьма с истинной силой уйти пыталась. Всех накрыло, неделю драконы слух восстанавливали, а от ведьмы только пепел остался. Сама себя перехитрила.

В холле бесновались 3 фурии. Белокурые, красивые, и жутко нервные.

— Хоть одно оскорбление в свой адрес услышу, каждую в комнате запру, — выдал император, предупреждая возможные инсинуации.

Крис заскрежетала зубами, Роза показала ему язык, а Сивилла просто отошла в сторону, демонстрируя брату самый страшный его кошмар — скромно сидящую Лармиэль. Эльфийка нежно покраснела и потупила глазки. Лицемерка. Нашлась тоже скромница, которую он вчера вечером обнаружил в своей кровати. Еле выставил, упиралась и кричала, что он любовь всей её жизни.

Драконий трон — любовь всей её жизни. Седьмой дочери эльфийского правителя устроиться в жизни вообще сложно. Вроде бы и королевской крови, да только где ж на всех принцев найти! Вон у него три таких, на выданье, жаль пристроить некуда.

— Лармиэль тоже хочет посмотреть котиков, — проворковала Сивилла, ласково поглаживая его рукав и ехидненно улыбаясь.

После ярмарки он сестер определенно выпорет. А потом на неделю по комнатам запрет и полог тишины навесит. Вот это будет жизнь! Вот это перспективы!

Илларион закрылся в своем кабинете на ключ. А потом еще и заклинание добавил. Так, на всякий случай. Потому что его сестрицы от избытка нежных чувств могут и дверь с петель вынести.

Его дворец превращается в зоопарк. Мысль эта стучала в голове глухо, но достаточно болезненно. Потому что, он это всё вроде бы и принял, но смириться не получалось.

Зоопарк...

Роза вцепилась в единорога. Потом вместе с ним висела на шее брата, умоляя. Он, конечно, не устоял. Тем более что Роза — единственная, кто не сватает ему эльфийку.

Потом подросла Сивилла. У той на каждом плече восседало по коту. Вот с Сивиллой он церемониться не собирался, решив отомстить за присутствие Лармиэль в их компании. Но она как с цепи сорвалась. Даже заклинание принуждения попыталась на нем опробовать. На императоре!

— Я тебя в измене обвиню, поняла? — зло прошипел Илларион на ухо сестры. Но Сивилла была редкостной занозой и ответила ему тем же.

— А я тебя в нарушении обещания, данного папе с мамой. Ты клялся заботиться, а сам дерешься и ущемляешь наши права. Раз купил единорога Розе, будь добр купить кого-то и нам с Крис, — Сивилла опасно сузила глаза. — Ты меня знаешь, я злопамятная.

Конечно, знает. Поэтому и купил, от неприятностей подальше. Только вот, когда расплачивался, выяснилось, что при покупке двух зверей, третий в подарок. Да и негоже семью котиков разлучать.

Великий Дракон, должно быть, сейчас смеется, наблюдая эту сцену с вершины горы. Устроил своему потомку веселую жизнь. А уж местные Боги давно испытывают императора на прочность.

Крис выбрала синего фенька. У него уши были больше головы, и смотрелось это забавно, тут не поспоришь.

— Лармиэль, ты кого-то выбрала? — смилостивился, наблюдая, какими глазами эльфийка смотрит на зверят в руках своих подруг.

Конечно, Лармиэль выбрала, и они снова попали под «величайшую щедрость» владельца зоопарка. Даже закралась мысль, что он хочет избавиться от животных не просто так. Но как бы то ни было, уходили они не с 3-мя питомцами, а с 6-ю. Одна надежда на Лармиэль, что уедет скоро и заберет с собой хотя бы одного.

Илларион открыл потайной ящик стола, доставая артефакт их рода. Древний, мощнейший, очень действенный. Это не обычный отвод глаз, и даже не мудреный артефакт невидимости. У него в руках абсолютная маскировка, даже волк, пройдя мимо, не почувствует, а о других и говорить нечего. Отец любил с этим артефактом ходить по дворцу и подслушивать. Такого иногда о себе узнавал, что лучше бы не пользовался им вовсе.

Илларион отправился в лес — бесшумная поступь, отсутствие облика и запаха. Вокруг все жило своей жизнью. Одно это, уже странно. Потому что со смертью ведьмы, лес будто впадал в спячку. Замедлялись естественные процессы, переставало активничать зверье. Значит, прав он был, заявившись сюда — пришла истинная ведьма, правда еще не хозяйка. Если бы вступила в свои права, лес чужака не пустил, какая бы идеальная маскировка на нем ни была. Тут задействованы иные материи, и важна внутренняя суть, а не внешний облик.

Значит, нужно уничтожить ведьму, пока она Хранительницей не сделалась. Руки Иллариона приятно закололо магией, а душу наполнило предвкушение охоты. Зверь внутри нетерпеливо рыкнул, готовый хоть сейчас начать слежку. Илларион подмечал всё — примятую траву, сломанные ветки, даже длинные прядки волос, оставшиеся на коре. Ведьма бежала, торопилась, совсем не заботясь об оставленном следе.

А когда закончился лес, перед ним предстала лачуга, которую хотелось обойти стороной. Мох на худой крыше, плесень, разрастающаяся по подоконнику, покосившаяся дверь, открывающая черное нутро.

Илларион повернул обратно, тут ему явно не место, да и никому не место... Он даже прошел пару метров по лесу, когда в голове промелькнуло смутное подозрение. А чем это ему мох не понравился? Мох как мох, черный правда, необычный, но ведь ничего отталкивающего. А плесень... С каких пор император фиалкой нежной заделался, которую от обычной плесени воротит?

Он снова пошел к избе. Буквально продираясь через навязчивое желание сбежать отсюда подальше. Скорее всего отвод установлен, да еще и с преломлением чужой воли. А вот пройти через калитку Илларион не смог, как бы не старался.

Даже представить нельзя заслон, способный устоять перед натиском дракона, тем более из правящей династии. Магия совершенно иного уровня, а, значит, ведьма уже вошла в дом.

Он принялся ждать. Должно же защитное поле дать трещину, если его беспрестанно рушить. Каких только заклинаний Илларион сейчас не применил. Вспомнил даже давно забытое и очень затратное. Но эффекта добился странного, и вместо снятия морока, ему послышался голос — нежный, девичий. Такой, что мурашки по спине пробежали и он невольно потянулся навстречу.

Это было неправильно! Чтобы дракон, как щенок на голос шел?! Но его позвали вновь, и зверь, что все это время тихо сидел внутри, рванулся наружу. Илларион едва успел поставить блок и поспешил уйти.

Слушаться нужно было, когда его отсюда отворачивало, а он полез любопытничать. Если зверь вырвется, что делать? Как обратно запереть? Не дай Боги, узнает кто-то, что император своего дракона не контролирует, мигом переворот устроят и за трон междоусобицу. Нельзя допускать этого.

Илларион вышел из лесу, еще раз обернувшись, и поплатился за это. Его ослепила яркая золотая вспышка. Он взвыл, падая, а зверь, воспользовавшись потерей контроля, тут же запустил цепочку оборота.

Сначала накатывает слабость, безволие, как при болезни, чтобы обмякли мышцы. Потом огонь, что горит внутри, перекидывается на тело, опалает кожу, готовит зверя к обороту. Человек слабеет, дракон обретает мощь. Так было испокон веков, так будет до гибели мира.

Илларион теперь ощущал себя песчинкой в теле хищника, неспособной повлиять даже на скорость полета. Дракон взмыл в воздух, переворачиваясь и кружась. Он истосковался по свободе, большую часть времени запертый в человеческом теле, и сейчас заунывные стенания Иллариона слушать не желал. Ему хотелось резвиться, как в детстве. Или хотя бы поиграть в догонялки вон с той метлой.

Дракон ринулся наперерез, в стремлении перехватить. Но метла сдаваться не желала. А уж как вопила девчонка, что сидела на ней наподобие всадницы. Смех, да и только!

Дракон открыл пасть, но оттуда вырвался лишь рык, да огонь. Метла загорелась, а

девчонка завопила громче. Такая игра понравилась зверю еще больше, и огонь из пасти полыхнул еще раз.

Илларион внутри дракона выругался и приготовился к худшему, сразу сформировав усыпляющее заклинание. Он-то сразу понял, что это за девушка и отчего так мастерски летает на метле. Новая ведьма. Лишь бы снова заговорить с ним не вздумала.

— Получи, чешуйчатый, — раздался чарующий голос, который вмиг лишил и его и дракона координации. А потом сознание окутала золотая дымка и заклинание, что Илларион вертел на языке, сорвалось.

Громадная драконья туша камнем рухнула вниз. А император вмиг перестал чувствовать себя песчинкой. Илларион понял, что это конец, который он организовал лично, потому что усыпляющее заклинание не ушло в сторону ведьмы, а ударило по его дракону.

Он рванулся наружу, пользуясь тем, что зверь не может сопротивляться, мгновенно принимая человеческую форму. Но земля была уже слишком близко, чтобы активировать защиту или применить заклинание левитации.

Мила

— За ним, — крикнула глупая жалостливая ведьма метле, срываясь вслед за драконом.

Полет был подобен американским гонкам. Хотя я такого взрыва адреналина даже там не испытывала. Глаза закрыла, ибо в темноте падать вниз было особенно страшно.

— Милка, не дури, — крикнул ворон, который, оказывается, тоже решил потрепать себе нервы. — Пускай падает, драконом меньше, ведьме дышится свежее. Тем более, он тебя явно раскусил. Схарчит и не подавится.

— Я спать не смогу, если он разобьется, — выговорила упрямо, даже не пытаюсь перекричать завывания ветра.

Вспышка резанула по глазам, и я попросила метлу ускориться. Она, хоть и вредная, но ведьму свою послушалась.

— Ло-о-ови-и-и, — закричала, поняв, что падает уже не дракон, а человек. И так страшно стало, от самой себя мерзко, что поняла — не спасу сейчас его, всю жизнь корить себя буду, убийцей считая.

Метла исхитрилась, поймав огромное мужское тело уже у самой земли. Он висел, перехваченный поперек туловища, и так и норовил соскользнуть. Я вцепилась в крепкую спину, кое-как подтащив поближе.

— Прощ, куда теперь? — закричала в никуда, зная, однако, что ворон где-то рядом и обязательно услышит.

— В избушку понесли, туда где прошлая ведьма людей лечила. Авось и выходим, — высказал Прохор, тут же задавая новое направление полета. — Хотя лучше бы сбросить, — пробурчал напоследок, уже смирившись с текущим положением дел.

В этот раз летели мы медленно, я бы даже сказала, натужно. Да и над землей низко очень. Метла явно маршрут знала и в направлении не нуждалась. А вот когда начались петляния на местности, я едва не взвыла, потому что еле удерживала тяжелую тушу недодркона.

— Сюда давай его, — крикнул Прохор, предусмотрительно перекинувшись в человека. Он придерживал для нас дверь в высокий терем. А уж как меня порадовала скатерть, повязанная вокруг его пояса... Ибо хватит с меня голых на сегодня, вон дракон белым задом и широкой спиной сверкает.

Метла в дверной проем влетела четко по центру и предельно аккуратно зависла над дощатым полом.

— Кхе-кхе, — кряхтя начала я слезать. Хотела ногу перекинуть, а перекинула всех, благо невысоко было. Но дракон ожидаемо придавил меня сверху.

— Прощ,ними его, пожалуйста-а, — заканючила я, когда несколько попыток отпихнуть его провалились. Да и приятного мало, быть распластанной под незнакомым голым мужиком.

— А что мне за это будет? — раздался сверху наглый голосок моего подчиненного.

— В живых оставлю, так и быть, — я оскалилась поклыкастее, но выглянуть нормально из-за дракона не получилось, так что весь эффект коту под хвост. — Ну Прощ...

Туша тут же приподнялась, открывая мне идеальный обзор на мужчину.

— Ты специально, да? — спросила у Прохора, чувствуя, как полыхают огнем щеки. Но

глаза не закрыла, уже прогресс. — Чего я там не видела, собственно? У нас в детском доме мальчишки частенько душевые «путали».

— То мальчишки, а то вон, какой образец мужской красоты, — продолжал издеваться Прохор, пока я ползла на коленках от них с драконом подальше.

— Какой-какой. Самый обыкновенный. Руки, ноги, хвост, спина накаченная... — буркнула, оглядывая дом и намеренно не смотря на то, как ворон дракона на лавку укладывает.

Мне ответом был взрыв дикого гогота с подхрюкиванием.

— Хвост... Ой, Милка, ой, наивное дитя природы, — Прохор даже за бока схватился, но смеяться не перестал.

— Сам ты наивный. Я просто выразаться не приучена. Вон дракона заколдовала, сейчас и на тебя наведу чар, будешь гоготать, гусем заделаю.

— Каких чар, тоже мне, ведьма великая. Я хозяйскую магию за версту чую и различить могу. Нет на драконе твоего колдовства. Так, легкая позолота ауры, явно твоего оттенка, но не полноценное заклинание!

Я в замешательстве посмотрела на Прохора. Но он не врал, это точно.

— Чего же тогда он падать стал, как я в себя заглянула?

— А кто ж его знает, может испугался бешеной ведьмы, побоялся что заразишь чем, — в глазах парня вновь зажглись смешливые огоньки. — Ведьминским бешенством, во!

Но мне было совсем несмешно. Ведь если собственные чары можно было и снять легко, то как лечить от неизвестного недуга?

— Что мне делать теперь? — я с надеждой посмотрела сначала на Прохора, потом на метлу. Они дружно сделали шаг назад.

— Это ты сама давай. Загляни внутрь, прочувствуй магию свою. А я уж прослежу, чтобы опять вот этого: «Милорадой зови меня, ворон», не случилось. Вообще, знания должны были хлынуть вместе с магией, но ты какая-то неправильная.

Я на него рукой махнула, опускаясь на лавку, застеленную цветастым половиком, явно ручного производства.

Заглянуть в себя очень легко, а вот вынырнуть оттуда другой — страшно. Это ведь не я там была, после того как сила в меня хлынула, а будто бы кто-то могущественный, желающий вытолкнуть душу и получить только тело. Пусть ненадолго, а лишь на какие-то доли минуты, но это было. Не знаю, как удалось справиться, но повторения я не желала. Поэтому сейчас сжала в руке подобранную на полу щепку. Она острая, и если вонзить такую в ладонь, очнусь от боли мгновенно.

Закрыла глаза, успокаиваясь. Медитации для меня были сверхуровнем в йоге, но принцип я знала. Мышцы расслаблены, мысли путешествуют по просторам вселенной.

— Эй, Мил, ты чего это? — шепотом спросил Прохор, и я злорадно ухмыльнулась. Пусть тоже чуток понервничает, а то и не как помощник себя ведет, а властелин мира, у которого ведьма на посылках.

— Уйди с глаз моих, ворон! — вывела протяжно, устраиваясь в позе лотоса поудобнее, еще и руки подняла, и пальцы скрестила как положено. — Сейчас магию творить буду!

Прохор затих, а я одним глазком подсмотрела, что делается. Чуть не рассмеялась, честное слово, потому что они с метлой вытаскивали из-под лавки ящик, причём практически бесшумно, чтобы меня не потревожить. А вот когда из ящика потянулись мотки веревок, я напряглась.

— Пошутила я, Прощ, — постаралась исправить ситуацию. А то ведь и правда свяжут, потом не докажешь, что вменяемая.

— Ага, — отозвался ворон, продолжая мотать на руку веревку.

— Я медитирую так, понятно? Это по-вашему, как в себя заглянуть, — встать бы нужно, отогнать заговорщиков от ящика, но, боюсь, в ту же позу заново не загнусь.

— Понятно, — Прохор, наконец, удосужился посмотреть на меня, но веревку так и не бросил. — Как понятно и то, что закончиться это может новым приступом зазнайства. Так что, ты мелитрируй, а мы уж сами с метлой разберемся.

Метла сразу подпрыгнула, будто бы соглашаясь. Одни предатели вокруг, как жить дальше с ними?

У меня внутри было темно и беспросветно, даже вздремнуть захотелось, но усилием воли удалось удержаться на плаву. Раз ведьма я, волею судьбы в этот мир заброшенная, то и принимать нужно свою суть и магию с благодарностью. Пустить силу свою во благо и помощь. Вон дракон там страдает лежит, а спасу я его, он гладишь и исправится, перестанет ведьм, как исчадие Ада воспринимать. Или что тут у них вместо гиены огненной.

Темноту постепенно начали прорезать золотые всполохи. Сначала неохотно, робкими лучами, а потом поувереннее, ярким заревом. Я всматривалась внимательно, старалась не просто цвет разобрать, а уловить их структуру. Теплые, ласковые, родные.

Когда открыла глаза, четко знала, что нужно делать — Прохору подзатыльник дать, метле — твердую руку продемонстрировать, над куколкой обряд провести, чтобы ауры наши слившиеся, разъединить. И переименовала я её совершенно правильно, сделав первый шаг к разделению.

А еще, я поняла, что общие знания мне действительно выдали, а вот конкретные слова заговоров, обрядов и ритуалов должно самой изучить. Потому что дармовые знания лишь во вред всегда идут, мозг расслабляется, ведьма лениться начинает. А то, что добывается с трудом, оседает на подкорке надолго, тяга появляется новое поскорее узнать.

Книг тут много, язык теперь, как родной понимаю, так что везде мне зеленый свет. Сила сама потоком нужным хлынет, стоит только чистосердечно захотеть. Я многое очень могу, оказывается — и лес к рукам прибрать, на путь истинный всех направив, и лечить, если так душеньке хочется. Даже силу на военные цели пустить, если такая необходимость встанет.

Только с драконом затык. Другие они по природе своей, лечению не поддаются. Да и не положено ведьме помощь чешуйчатым оказывать, а вот добить — оно всегда правильно. И даже заклинание нужное сразу в памяти всплыло.

— Всё! — я вскочила на ноги, испугав в очередной раз Прохора. — Раз хочется мне дракона лечить, то и вылечу!

Сказала в никуда, но в сознании тут же всплыло заклинание недержания, а следом — лишения мужской силы, а потом ещё и ещё, и все в том же духе.

— Вот вылечу сначала, а потом можно и намагичить всякого, — решила я пойти на мировую со своей ведьминской сутью, и заклинания в разуме тут же померкли. Все, кроме чесотки. — Прохор, ты тут как самый старый и всё знающий, покажи где книги древние стоят, желательно такие, чтобы давно ими не пользовались.

Прохор пошел искать, хоть и косился опасливо. А метла в угол вжалась, будто бы всегда там и стояла, да и вообще — самое обычное помело, ни капли не магическое.

— Вот, — Прохор свалил передо мной книг десять. Все рукописные, с толстыми кожаными переплетами. На какой золотая кайма, на какой узоры камнями выложены. И только одна выделялась своей простотой, маня меня выбрать именно её. Ну так я и выбрала. А как открыла, едва не бросила на пол. Потому что это сверху она была простая, а внутри выделана драконьей кожей.

И если бы у меня в сознании драконы оставались большими ящерицами, это ничего, взяла и прочитала. А так — ощущение, что книга человеческой кожей выделана.

— Прощ? — протянула жалостливо.

— Ага, как нужно чего, так — «Проща», а как безобразничать, так — «Уйди с глаз, ворон», — выдал он обиженно.

— Я не буду больше, — сделала глазки, как у кота из «Шрека». — Давай ты странички мне будешь переворачивать.

— Ты чего это? Драконьей кожи испугалась? — Прохор действительно не понимал моей брезгливости. — У них поди полбиблиотеки книгами из ведьминской кожи заставлено, а ты от одной шарахаешься.

— Не могу я. Честное слово. Гадливость такая, аж дурно становится.

Прохор на меня взглянул подозрительно, но книгу в руки взял, рядом со мной на пол сел и листать начал.

— На вот, тут про обустройство драконьего организма.

— Живут по несколько тысяч лет? — я даже присвистнула. — Даже и не знаю, позавидовать им или сочувствие проявить. Потому что тысяча хорошо, но несколько тысяч, уже перебор. Неудивительно, что они друг другу успевают надоесть.

— Читай дальше, не отвлекайся. А то дракона твоего не лечить будем, а закапывать на заднем дворе, — буркнул Прохор, переворачивая страницу.

— Тьфу на тебя, я слабая женщина, лопату в руках держать не умею, да и копать не приучена.

— Ничего, научишься. А то собратья его явятся, а у нас труп...

Я бы этому ворону в рот кляп запихала, да разобидится еще, помогать откажется.

— О, вот, смотри, устойчивы к любому виду магии. А ты говоришь, на его ауре легкая позолота имеется. Значит, мой посыл не прошел бесследно. И ведьм они уничтожают не зря... — я задумалась. — Прощ, а ты повреждения на нем какие заметил?

— Нет. Но даже если и были, у них регенерация как у оборотней. Так что, затянулось

всё.

— То есть, он просто спит, или в коме. Давай листай до проблем головного мозга.

Нужную страницу я несколько раз перечитала, но ничего такого не нашла. Будто бы драконы не только жили долго, но и здоровье у них в коррективах никогда не нуждалось.

— Не знаю тогда, но раз спит, нужно разбудить.

Я набралась храбрости и прошла к лавке. Красивый, черт! То есть, дракон. Волосы до плеч, слегка вьющиеся, темно-русые, брови темные, широкие, что даже провести пальцем по ним захотелось. Губы хорошо очерченные, мужские, хоть и пухлые на первый взгляд. Я вдруг четко представила, как он сжимает их в порыве гнева.

Нет, ну красивый. И что, я красивых мужиков никогда не видела? Коробцов живой пример того, что внешность — не отражение души.

Подумала правильно, но до бровей всё же дотронулась, провела кончиками пальцев вниз по скуле. Он перехватил мою руку мгновенно, крепко сжимая запястье.

— Ведь...ма, — прохрипел дракон, а потом и потянул на себя, не собираясь дожидаться ответа.

Я сначала опешила. Как это так, я к нему с помощью, а он ведьмой обзывает, да еще и руки распускать вздумал. А потом меня будто парализовало, не могу двинуться и всё. Вижу его губы близко-близко, ощущаю, как наглая ручища по спине к попе ползет, а даже пальцем пошевелить не могу.

Но тут Прохор на защиту чести моей девичьей встал — обернулся вороном и прямо дракону на голову, да как клюнет. Тот взвыл, но меня из хватки не выпустил. Прохор его еще раз клюнул, в темечко прямо, и метла подоспела, прутьями щекотать начала. Дракон отвлекся, и меня отпустило немного. Гад какой, магию применил, значит. Вот тут-то мне и пригодилась щепочка, что я сначала в руку зажала, а потом за широкий тканевый браслет на запястье засунула.

— Сдавайся, дракон, — прошипела, прижимая щепку к его шее. Он-то отвлекся на метлу и не видел, чем я угрожать вздумала. Кадык дернулся, смещая центр моего внимания с наглых глаз. Испугался. То-то же!

— Кому? Мелкой ведьме, дурному ворону и патлатой метле? — его рот изогнулся в улыбке, обнажая приличные клыки.

— Нормальная я! — огрызнулась. Нашел тоже мелкую. Да, не модель, но и не метр с кепкой!

— Ага, по колено мне, верно...

Я не сдержалась, вонзив острие щепки глубже, так что вниз по могучей шее покатились тонкая струйка крови. Не ожидала от себя такого, поэтому даже испугалась немного. Но в сознании уже стройным рядом шествовали заклинания, и стало понятно, кому я обязана своей жесткости. Ну и грех не воспользоваться магией, раз уж она у меня есть.

— Пираус гельнешмирт! — выдала, в точности повторив каждый звук заклинания чесотки.

— Это что? — выдал дракон уже начиная почесывать наливающиеся красным бока. — Ты меня прокляла что ли?

— Ага, — я довольно кивнула, сползая с дракона, случайно потянув за собой и скатерть, его накрывающую. — Проклятьем вечного шелудения.

— Чего? — дракон начал чесаться активнее, даже и не думая вновь прикрываться. И я заметила, что красные пятна уже и живот покрывали.

— Вечно шелудивым будешь, — поддержал меня Прохор, нависая над нами черным вороном.

— В первый раз оборотня-птицу вижу, — пробурчал дракон, отрастив на руке длинные когти, и с удовольствием почесываясь ими. — Обычно вторая ипостась гораздо мощнее первой. А тут безобразие какое-то.

— Тебе вторая ипостась не поможет, — хохотнул Прохор. — Все равно шелудивым останешься. А чешую не особо-то почешешь.

— Ведьма... как там тебя... сними ворожбу, — дракон даже и не думал просить меня, он выражался совершенно хамским приказным тоном.

— Милорадой меня зовут, — гордо сказала, подбоченившись. Грудь вперед, подбородок поднят.

Дракон даже от чесания отвлекся, взглядом по мне скользнув. Потом еще раз и еще,

пока метлой снова в бок не прилетело.

— А меня Иллар, давай разойдемся подобра. Я забуду, что видел тебя, ты ворожбу снимешь, — и улыбнулся так, что у меня дыхание сперло, вмиг преобразившись. Ни тебе оскала с клыками, ни наглости во взгляде. Сплошная провокация, причем абсолютно голая.

Теперь по боку метлой прилетело мне.

— Ты зачем к дому моему приходил? Видела я всё, хоть и не сразу рассмотрела, — меня безопасность домика, где жить предстояло, волновала более всего остального.

— Видела? — дракон на меня посмотрел странно, а потом головой тряхнул. — Хотя от ведьм чего угодно ожидать можно.

— От драконов тоже, знаешь ли. Не я первая напала, не я первая к тебе в дом явилась гостем незванным, — сложила руки под грудью. Слишком красноречивый жест, чтобы остаться незамеченным.

— Не нападал никто. Дракон просто поиграть хотел.

— Дракон? — я даже бровь вздернула. — Ты о себе во множественном числе, что ли?

— Великий дракон! — он возвёл глаза к потолку, не переставая чесываться, что выглядело несколько несерьезно. — Она еще хуже моих сестер!

Мне на плечо тут же опустился Прохор, засунув клюв в ухо и принимаясь шептать:

— Мил, отпусти его прямо сейчас. Пусть идет куда ему надо. А как к выходу подведешь, поклон поясной отвесь и скажи, чтобы зла не держал, да обещание свое исполнять изволил.

— Чего это я его отпускать буду? — возмутилась я, дернув плечом. Но Прохор вцепился еще крепче, практически рая.

— С того, что у него несколько сестер. У дракона, которых в семье всегда мало рождается. Смекаешь?

Я головой помотала. Потому что ни черта не поняла.

— Император это, Милка. Его теперь или убить по-быстрому, или отпустить еще быстрее. Но лучше второе, чтобы должником твоим стал.

Вот это, я понимаю логика! Вот это, я понимаю помощник у меня!

— Господин дракон, вон пошли из дома моего. Заклинание сниму сейчас, — сказала я, как могла корректно, чтобы и свое неуважение к нему показать, и на гнев императорский не нарваться.

Он на меня взирал насмешливо. Никак слышал всё? Хотя в книгах фэнтези про драконий слух сведения были самые впечатляющие.

— И не появляйтесь пожалуйста возле моего дома более, и не подсылайте никого. Я ведьма мирная, людей простых лечить обученная. К драконам претензий не имею.

Дракон расхохотался. Вот как стоял, голый и чесоточный, так и хохотал, голову вверх задрал.

— Из одежды могу скатерть предложить, — решила я проявить крайнюю степень гостеприимства. Целый император, как-никак. А то заболает еще, такая потеря для королевства.

— Предложи, — промурлыкал дракон и двинулся ко мне, уверенный, что мы теперь его не тронем.

Это он зря, ибо метла намерения императора раскусила быстро, встав прямо перед ним и демонстративно распушившись.

— Еще шаг в её сторону, и мы перейдем к первому варианту развития событий, — Прохор тоже распушился, превращаясь в черный перьевой шарик. Я даже глаза скосила, внимательно его разглядывая.

— Ты с кем говоришь, знаешь! — важно выговорил император.

— А землице, знаете ли, без разницы, кто ложится туда. Хоть бандитом будьте, хоть драконом, хоть императором, — продолжал запугивать ворон. — Проверить хотите? Это Милорада запросто.

Дракон замер, снова принимаясь чесаться. А я послала ему самую обворожительную улыбку.

— Заклинание снимать будем, или Прохор пойдет место во дворе выбирать?

Дракон кивнул, а я принялась копать в закромах памяти, пытаюсь отыскать нужные сведения. Память услужливо продемонстрировала мне кукиш. Я даже отошла, якобы в поисках скатерти, а сама взмолилась вредной ведьминской сути. Которая после пары заклинаний членовредительства, всё-таки выдала смысл дезактивации. Просто нужно было «Кре» перед основными словами поставить.

— Кре-пираус гелнешмирт? — вышло неуверенно, но крайне действенно. Дракона обдало золотым заревом и все красные пятна с тела сошли вмиг.

— Ух... — не сдержалась я, выдавая свой восторг от первых подвигов в магии.

Но императору было не до моих радостей. Он взирал теперь хмуро и выглядел крайне зло.

— Все-таки ведьма. Истинная! Сильная!

Я как раз развлекала себя выуживанием из стопки белья скатерти, которую дракон бесцеремонно отобрал, тут же подпоясавшись.

— Мы таких всегда истребляли, понятно тебе? — он стоял близко-близко. — А сейчас я с ведьмой связан не только словом, но и позволил воздействие.

— И спасенную жизнь ко всему прочему, приплюсуйте, — вставил Прохор, который успел принять человеческую ипостась и теперь стоял по левую руку от меня. — Я против был, но Милорада, ведьма молодая, жалостливая, непонятно отчего к дракону симпатией проникшаяся.

— А с чего вы вообще ведьм истреблять начали? — решила и я вмешаться. — Потому что драконы иной магии неподвластны, и привыкли к безнаказанности! А тут нашлись те, кто на них великих воздействовать смог. Так это же естественно. Магия на то и дается. Вот вы сегодня меня обездвижили, думаете, приятно было? — я заглянула Иллару в глаза. — Да только плевать дракону на то, что ведьме неудобно! А вот когда на вас самого навели чесотку, то сразу стало неприятно. Так это просто закон бумеранга в действии, Ваше императорское величество! Зло всегда возвращается, а иногда, и со сторицей!

— Что? Драконов с ведьмами сравнивать? — взревел Иллар, вмиг становясь как-то больше и страшнее. Я даже за Прохора спряталась, хоть тот и сам явно трусил.

— А вы что же, пуп земли? — пропищала я, хоть и не следовало злить дракона еще больше. Но жажда справедливости не отпускала.

Но дракон неожиданно успокоился, и ответил мне уже совершенно другим тоном:

— Как минимум, я император! А ты — простая ведьма, ютящаяся в маленькой хижине. Поэтому попридержи язык.

Ух, пробрало меня сейчас. Потому что такой громкий и хорошо поставленный голос мог принадлежать только руководителю. У нашего бигбосса Саныча очень похожий был.

Поэтому я умолкла быстренько, жестом показав, что закрываю свой рот на замок, и подойдя к двери, отвесила поясной поклон, как и учил Прохор.

— Отпускаю вас с миром, обещание свое не забудьте.

Я что-то так устала за сегодня, что даже императора нормально выпроводить сил не было. Ушел бы он уже поскорее, и балагурить перестал.

— Я завтра загляну сюда, ведьма. Проверю, как дела обстоят. Предупреждаю заранее, чтобы не выдала ты меня словом неосторожным.

— Под личиной будете? — поняла я.

— Не знаю пока, но в любом случае, раз ты меня даже под мощнейшим артефактом разглядела, то и за иллюзией рассмотришь. Ахать-охать начнешь. А народу тут, чувствую, будет немерено.

Я кивнула, тяжело прислонившись к дверному косяку. А дракон, мимо проходя, пальцами по запястью моему провел. Будто бы невзначай, легко очень. Но я заметила, зыркнув на него исподлобья.

— Счастливо оставаться, — напоследок кинул Иллар, более не оборачиваясь.

— И вам не хворать, — поддержал его Прохор.

А я, добредя до лавки и поправив цветной половик, с наслаждением вытянулась.

— Все, Прош, до утра не кантовать. И если ты не устал, сложи мне книги с заклинаниями лечебными в отдельную стопочку, пожалуйста. Я как проснусь, изучать начну, — сказала уже неразборчиво, постоянно зевая.

— Ага, надейся, — Прохор зашуршал чем-то. Но как бы мне ни хотелось посмотреть, сил на то, чтобы глаза приоткрыть, уже не осталось.

* * *

—Ведьма-ведьма уходи,

И дракона уводи,

Он кусается, а ты

Хороша до дурноты.

Дети в пестрых деревенских одеждах прыгали вокруг импровизированного костра. Его имитировала картонка с нарисованным огнем и сложенное кучкой сено. На сене сидела девочка в рваном платье. Её грязное личико и измазанные сажей ручки производили устрашающее впечатление.

—Да будьте вы прокляты! — кричала она. — Да будут драконы гнить в собственных телах!

— А ну цыц! — вперед вышел мальчик в черной накидке. Он изображал священника, а вырезанные из картона крылья, кое-как приделанные на спину, красноречиво указывали на

его принадлежность к драконьему племени. — Заигралась, ведьмовское отродье! На костер её!

Он гаркнул грозно и зло, и тут же к костру начали подбегать мальчишки с деревянными палками в руках, а пестрая толпа снова затянула куплет считалки:

— Забирай и петуха,
Не пройдет за жениха,
Ну а зелье пей сама,
Лето станет, как зима.
Ведьма-ведьма уходи,
До греха не доводи!

* * *

Я вскочила в поту, когда только начало светать. Сон как рукой сняло. Жуткий кошмар. Дети эти так правдоподобно играли в казнь, что и настоящей не нужно. И как живое все было.

— Мил, что стряслось? — Прохор, будто почувствовав неладное, заглянул в приоткрытую дверь избы.

— Сон страшный, — у меня стучали зубы, и озноб бил такой, что согреться, даже обхватив себя руками, не получалось.

— Так тебе сейчас и не такое привидится. Воспоминания предыдущих хозяек волнами находить будут. Когда во сне, когда наяву. Если разом все, никакой мозг не выдержит, порциями только, очень дозировано, — он замялся, а потом твердо так заявил. — Одевайся, на втором этаже вещи найдешь. Народ стягиваться начинает, да и дракон еще этот...

— Справимся, Прощ, — я улыбнулась ему, едва двигая ледяными губами. — Если с ума не сведут.

На втором этаже было 2 комнаты. Обе маленькие, но уютные. Одна для гостей, безликое там все какое-то было, как в гостинице. А вот вторая, явно ранее ведьме принадлежала. На полке куча пузырьков всяких, в углу травы сушатся. Я так поняла, что редкие, иначе висели бы вместе со всеми в общем зале. На кровати подушечек много, и все с интересным орнаментом ручной вышивки, будто бы обереги какие...

В голове тут же вспыхнули многочисленные схемы — заговор на любовь, здоровье, достаток стабильный.

Вот это да, неужели действуют все? Хотя, о чем это я, тут магия в воздухе витает и любое сказанное слово может оказаться действенным, а уж о схемах, вышиваемых с применением магии, вообще молчать нужно.

Кстати, о вышивке. Я подошла к шкафу, где на внутренней стороне дверцы ожидаемо висело зеркало.

— Твою ж за ногу! — выругалась, наконец оценив свою внешность. Новую, ага. Потому что губы у меня стали больше, а нос тоньше. Про глаза и говорить не хотелось, ибо сразу песня на ум пришла, где ресницами хлопают, а потом себе летают птицами всякими. Остается надеяться, что, когда я связь с куклой разорву, внешность обратно вернется.

Нет ну, хорошо получилось, тут не поспоришь, я теперь утончённее как-то стала, как леди с обложки дорогого журнала. Но своё все же было роднее. Единственное что, нос этот мне больше нравился.

В шкафу нашлась длинная юбка в мелкий рубчик и белая рубашка с расшитыми рукавами. Одевшись, я даже покрутилась несколько раз, новую себя разглядывая. Просто все, но с истинным вкусом. Грудь тут и без глубокого декольте смотрелась соблазнительно, а юбка, наоборот, умело скрывала вторые девяносто, так что и не поймешь, 42 я размера, или 50.

Поддавшись вдохновению, заплела колосок, пустив в косу синюю ленту. Вот теперь полный порядок, в таком виде и народ простой принимать можно, и перед императором в грязь лицом не упадешь.

Вот зачем я о нем вспомнила? Не заслужила эта ящерица внимания такого. Наглый же, вредный, будто и не император, которому за сотню лет перевалило, а десятиклассник с замашками мажора. Давно ему видно в глаза никто правду не говорил, так мы это исправим. Да и договор у нас, так что вреда физического он мне не причинит, а к моральному я с детского дома стойкая.

С лестницы сошла, полководцем себя ощущая, который вскоре избавит земли русские от монголо-татарского ига. Но уверенность уплыла тут же, когда я увидела на лавке ребенка лет семи, который ни жив-ни мертв был.

— Что с ним? — спросила у женщины, что рядом стояла. Явно мать, или родственница, потому что навзрыд плакала, еще большую панику наводя.

— Живот! С вечера болит, думали, съел не то чего, к утру полегчает, а на него жар напал и рвет постоянно.

Симптомы на наш ротавирус похожи. Капельницу бы ему, а то обезвоживанием чревато. Но вдруг тут болезни иные и с земными сравнивать их совсем нельзя.

— Прощ, разведи на кувшин ложку сахара, соли и соды, если такая у вас есть и ребенку

в рот вливать нужно, пока я в книге лечение поищу, — сказала помощнику, тут же направляясь к стопкам книг, аккуратно им же и разложенных. Вроде и понятно все — по ранам лечение, внутренние хвори, кожные поражения, магическое воздействие, сглаз и так далее. Но по внутренним хворям только книг 10 было, а ребенка жалко.

Я снова погрузилась в себя, моля помочь хотя бы на первых порах. Ведьминская суть заворочалась недовольно, но вышла из положения, показав мне разворот нужной книги. И на том спасибо.

Нашла я нужную болезнь очень быстро, благо справочник был посимптомный. А вот заклинание произнести получилось лишь с третьего раза. Зато как эффективно! Мальчишка на глазах розовел, да и терзающие его спазмы сразу прекратились.

Я подошла к нему, погладив по длинным кудрявым волосам.

— Полегче? — славный мальчик, не пожаловался ни разу, пока тут лежал, только стонал иногда глухо.

— Спасибо! — он перехватил мою руку, целуя, а я отшатнулась даже. Такая благодарность была в новинку. В России такое только в высшем обществе принято, к которому я не относилась.

— Не стоит, — я обернулась к его родственнице, которая тут же кинулась мне на шею, причитая.

— Как же мы рады все, что ведьма лесная явилась, как рады. От докторов столичных помощи никакой, все ж за деньги, да и пока доедешь, помереть можно. А знахарки не все лечить могут. Как же рады мы!

Она взялась за холщовый мешочек, на пояс привязанный, но я сразу её перебила.

— Я денег не беру. Если помочь хотите, продуктами можно мне принести что-то. Но не усердствуйте только, холодильников тут не водится.

— Что?

— Говорю, все подряд нести не нужно, мы с Прохором много не съедим.

Она закивала, из моих объятий перетекая в объятия к сыну, а Прохор демонстративно положил руку на лицо.

— А за что ты предлагаешь мне деньги брать, а? — зашипела на него, подбираясь поближе. — Просто за то, что из книги заклинание нужное прочитала? Я так бизнес делать не согласна.

— Мил, тебе же элементарно на ярмарку захочется, в лавку книжную заглянуть или еще куда, а платить чем собираешься? — увещевал ворон, втолковывая старую, как мир истину: хочешь жить, умей вертеться.

— Не могу я так. Пока так перебьемся, а потом, если богатого кого лечить придется, вот и деньгами разживемся.

— Вот, значит, как, — раздалось раскатистое от двери. — Истинные ведьмы теперь обдиранием кошелев промышляют!

Обернувшись, я увидела Иллара, занимающего собой весь дверной проем. Как он и предрекал, личину рассмотреть я не могла, сразу проникая в суть. Но хотя бы одет теперь, и то хлеб.

Пациент с матерью успели благополучно скрыться, и я смогла достойно ответить правителю.

— А вам, я смотрю, заняться совсем нечем. Дел государственных в недостатке, раз вернулись так быстро.

— Убедиться хотел, что ты действительно лечишь, а не кровь из людей пьешь, — насмешливо протянул император, прошествовав до стола. Он снял плащ, широкополую шляпу и с протяжным выдохом развалился на лавке.

— Убедились? Тогда вам пора и честь знать, — выдала, скрестив руки на груди. Но дракон язык жестов понимать отказывался.

— Нет еще. Пока вижу лишь холодный расчет и попытки нажиться на богатых клиентах.

— Р-р-р-р, — это, кажется, я не сдержалась.

— Угр-р-р, — это Прохор голос подал.

— О, у вас тут пение дуэтом. Отвратительно получается, — он над нами потешался. Сидел, важный такой, ногу на ногу закинув, спиной к стене привалившись, и нагло смеялся.

Наверное, хочет вывести меня из себя, чтобы иметь право расторгнуть договор.

Дыхательная гимнастика — наше все. А еще новые посетители, на которых я тут же переключила внимание. А дракон — пусть смотрит, если это ему так важно, лишь бы не отвлекал.

— Мил, там еще человек пять, — потрепал меня по плечу Прохор, ибо я присела закладку в книгу положить и уснула ненароком. Устала, как тот бессмертный пони.

— Ночь на дворе, какие пять, — пробурчала, но заставила-таки себя подняться. Людям плохо, они ведьму столько лет ждали, а я только о себе и думаю.

— Да там ерунда, Мил. Сыпь у младенца, баба на сносях, побои у двоих и мужик с трип... хм... с болезнью детородного органа, в общем.

— А как я этого мужика лечить-то буду? — возмутилась, окончательно просыпаясь. — Его ж сначала осмотреть надо!

— Ну осмотришь, тебе ж с ним не спать, руки только потом помыть не забудь.

— Прохор! — натурально взревела, потому что этот вредный ворон опять надо мной издевался. Это знала я, знал он, но совершенно не понимал дракон, который за каким-то лешим продолжал восседать на стуле в углу, прикрываясь энциклопедией по растениеводству.

— Я, пожалуй, пойду воздухом подышать, а вы продолжайте прием, — очень сдержанно проговорил высокий гость, вальяжно направляясь к выходу.

— Мил, он, мне кажется, того, — прошептал Прохор, склоняясь к самому моему уху. — Целый день же истуканом сидит, глаз с тебя не сводит.

— Я все слышу, вообще-то, — раздалось раскатистое с улицы, заставив нас мигом умолкнуть.

— Ой-ой, что делается, — запричитала глубоко-беременная девица, буквально вкатываясь в дверной проем.

— А что делается? — мы с Прохором переглянулись, но решили с места не сходить.

— Мужики опять вздорят, мало им синяков.

— А-а-а, так пусть вздорят, все равно их лечить, — отмахнулась я, готовая вникать в трудности очередной пациентки.

— Я чего пришла-то, — начала она, с характерным причитанием присаживаясь на скамейку. — Скоро рожать мне, а ребеночек крупноват. Боязно что-то, спать не могу, снится всякое...

— Так приходите заранее, мы вас на второй этаж в гостевую комнату определим, — предложила оптимальный вариант я. Проще мне переночевать тут будет, рядышком, чем на вызов из дома нестись. А то мало ли, ночью глубокой приспичит.

— Ой, спасибо, госпожа ведьма, — просияла девица, тяжело поднимаясь. И у меня мыслишка мелькнула вообще ее не выпускать сейчас. Уж больно живот опущен был.

В дверях показался дракон, скалясь во все 32 зуба. У меня аж сердце с ритма сбилось, от испуга, наверное.

— Иллар, позовите следующего, будьте добры, — решила я приобщить дракона к общественной деятельности, раз уж он все равно тут ошивается.

— А нет никого, — и довольный такой, что подозрения сразу в его честности закрались.

— А куда делись? — я руки в боки уперла и пошла сама посмотреть. На улице и правда никого не было. Оно, конечно, хорошо, организм отдыха требовал, но ведь люди мучиться будут.

— Иллар? — я обернулась, тут же уткнувшись в твердую мужскую грудь. Даже пахло от

дракона замечательно — солнцем, летом и терпкими луговыми травами.

— Что Иллар? — он снова мурлыкнул, больше напоминая кота. Большой, теплый, удобный. Я незаметно для себя перекочевала в его объятия, и даже глаза прикрыла, готовая прямо так, стоя заснуть. — Они сами разбежались. Сказали, сами себя вылечат. Особенно быстро бежал тот, у которого орган мужской болезненный.

— Да? — я зевнула, утыкаясь носом в драконью рубашку. — Ну и слава Богу.

— Какому Богу? У нас же их несколько, — решил подоставать меня император, приятно глядя по спине. Но я ответить ему уже была не в состоянии. Оставалось надеяться, что Прохор проследит, чтобы дракон меня до места отдыха довел.

— А-а-а-а, — вдруг раздалось с улицы, заставив меня встрепенуться и открыть глаза. Должно быть, прошло всего несколько секунд с тех пор, как я их закрыла, потому что наше местоположение не изменилось. Тот же дракон, те же руки его наглые, всю меня ощупывающие.

Я отстранилась быстро, поспешив на крик. Иллар кинулся за мной следом.

Сбылись мои худшие предположения, девица прямо на траве сидела, рыдая в голос.

— Рожая я, рожая-а-а-аю...

— Ну, я, пожалуй, пойду, — решил под шумок ретироваться император, но я цепко ухватила его за рукав.

— Куда?! А помогать мне кто будет? — отпускать его в любом случае не собиралась. Я такого не делала ни разу, а на Прохора надежды мало. Поддержать он, конечно, всегда горазд, а вот в принятии родов, очень в нем сомневаюсь.

— Меня дома ждут. Дела, дети... то есть, сестры некормленные. И вообще, у меня там зоопарк теперь, проведать надо!

— Ну, знаете! — я хотела его пристыдить, мол женщина рождает, а он в кусты, а потом поняла, что ни к чему это. Император мне помогать не обязан. У него и правда дел по горло, и так со своей подозрительностью и слезжкой целый день потерял.

Поэтому разжала пальцы, устало махнула рукой и опустилась перед страдальницей на колени.

— Вы первый раз рожаете?

— Не-е-ет, — выкрикнула она, многократно выдыхая воздух.

— Вот и славненько, поможете мне, в случае чего. А то первый раз я, тут магией разве что облегчить боль можно, а остальное все равно руками делать придется.

— Как это первый раз!

— Первый раз?

Синхронно воскликнули роженица и дракон, опасливо на меня поглядывая. А я что, виноватая, что роды только по телевизору видела и представляю себе этот процесс очень приблизительно? И не трушу ведь, готова помочь, к ведьминской сути воззвать, если надо будет.

— Первый раз. Я — ведьма молодая, нечему тут удивляться, — а потом, видя приближение панической атаки в глазах пациентки, по плечу её погладила, приговаривая. — Ну чего вы испугались. У меня опыт прошлых поколений есть, книги умные, магия, в конце концов. Прорвемся! Всяко лучше, чем в бане рожать! Я сейчас Прохора позову, он вам дойти поможет.

Развернулась, чтобы помощника крикнуть, но возня сзади заставила остановиться. Император очень аккуратно поднимал девушку, бубня себе под нос что-то о бестолковых

ведьмах и его бесценной помощи.

А я улыбнулась себе под нос, и поспешила воду на огонь ставить. И на душе отчего-то было светло-светло, будто бы я, наконец, дома.

— Прощ, куда роженицу класть будем? — задала я насущный вопрос, едва переступив порог. Мой помощник нагло пользовался отсутствием пациентов, прохладаясь. Он возлежал на лавке, закинув ногу на ногу и потягивал через соломинку какой-то напиток. — Это что у тебя, кстати?

— Да прям сюда и положим, — он даже глаз не открыл, жмурясь от удовольствия.

— Куда сюда? — я начинала злиться. — Иллар её уже несет, а ты тут пьянствуешь!

Расслабленность с парня тут же слетела, он поднялся быстро и как-то излишне резко. Я даже следить за ним не успевала, у меня перед глазами Прохор мелькал смазанной тенью. Аж затошнило, ей богу, после полета на метле и то было проще.

Когда же мельтешение прекратилось, я с удивлением обнаружила пухлый тюфяк на полу, покрытый кипенное-белой простынью, огромный таз с кучей чистых тряпочек и 3 книги, сложенные стопочкой.

— А ты мне поможешь? — заглянула в его глаза с надеждой. Я хоть и сильная, но сегодня целый день в заботах и храбриться более не получалось.

— Тебе вон, император помогать будет, — съязвил Прохор, приметив входящего дракона.

— Прощ...

— Мил...

Он дразнился, но я всё равно была ему невероятно благодарна. Вон как быстро все нужное приготовил, и даже воду в 10-литровой кастрюле на огонь поставил, чтобы я тяжести не таскала.

Пока мы с Прохором играли в гляделки, Иллар посадил девушку на тюфяк и поспешил на выход. Я его мысленно еще на улице отпустила, поэтому сейчас лишь проводила взглядом.

— Удачи нам, — прошептала, помогая рьяно дышащей молодой маме, раздеться до исподнего. — Давайте, что ли знакомиться. Меня Милорадой зовут, это вот — Прохор.

— Лунара, — она зажмурилась сильно, тяжело втягивая носом воздух. И судя по капельке пота, что скатилась по виску, Лунаре сейчас было не до разговоров. Но я точно знала, что хоть чем, но отвлечь её надо.

— А лет вам сколько? По виду не больше двадцати, а уже ребеночек есть.

Прохор притащил воду, и теперь маленьким ковшиком заливал её в таз.

— Двадцать оди-и-и-н, — простонала девушка, и, уже не сдерживаясь, закричала. А мне вместе с ней закричать хотелось. Уж очень близко к сердцу я её боль приняла, и даже дышали мы теперь в унисон.

— Прощ, — позвала тихо, когда очередная схватка отступила и Лунара в изнеможении откинулась на тюфяк. Может обезболить?

— С ума сошла? — отозвался помощник, склонившись к моему уху. — Она сейчас тужится правильно, чувствуя надвигающийся спазм. А если обезболишь, собьется всё, ещё навредит ненароком ребеночку. Чуть-чуть осталось, потерпи, на вот лучше почитай, как пуповину завязывать, с заговором на здоровье сочетая. И заклинание обезболивания повтори. Ей поспать потом подольше нужно, крови много ушло, ослабла совсем.

Меня аж передернуло, как взгляд на таз с тряпками бросила. Непривычная я к таким

видам, самой бы в обморок не грохнуться.

— Э-э-э, Мил, — тут же встряхнул меня Прохор, понимая, что я сейчас на пол осяду и поминай как звали. — Ты не балуй давай. А то я завтра всех мужиков, болезных на одно место, по королевству соберу и к тебе отправлю, раз сегодня приобщиться к этому делу не удалось. Чтобы училась себя в руках держать.

— Ну тебя, — я выхватила у него книгу, принимаясь листать раздел по заговорам. Но Лунара снова застонала, отвлекая. — Прош найди нужную страницу, пожалуйста.

Не до заговоров нам сейчас было. Я знала, что это все мучительно, но знать и практически на себе прочувствовать, вещи разные. Так что, первый крик младенца я встречала с истерическими рыданиями и пробегающей перед глазами строчкой заговора. Ведьминская суть и тут не бросила, понимая, что я скорее книгу слезами залью, чем заклинание верно прочту. А уж обезболивание и так за сегодня выучила, применив сразу, как Прохор ребеночка унес.

Мне нужен был воздух. Но к выходу из терема я пробиралась по стеночке. Плыло все перед глазами, от слез, сопереживая, усталости. Но и заснуть, даже под действием магии, я сейчас не смогу. Слишком много эмоций бурлило во мне, слишком много того, что до сего момента в душе спало, на волю проситься начало.

На ступеньки крыльца я буквально вывалилась и тут же задыхаться начала. Потому что первый же поток насыщенного хвоей воздуха, так и застрял в горле. Как рыба на суше, я пыталась дышать, только вот не выходило. Бушующие во мне эмоции, сменились тягучей паникой.

Но скатиться в пучину отчаянья не дали крепкие руки, что подняли с земли. Я этот аромат ни с чем бы не спутала. Меня сейчас прижимал к себе вредный дракон, который оказался удивительно чутким и внимательным.

Он гладил по спине, шептал что-то магическое и принялся дуть на лицо. Я сначала еще больше заволновалась, но его манипуляции странным образом действовали. Воздух тяжелым комом начал проваливаться вниз, раздирая гортань.

— Ну, давай, по чуть-чуть, — шептал Иллар мне в губы.

Второй вдох получился, хоть и болезненным, но крайне нужным. А третий и четвертый, наконец, принесли облегчение.

— Спасибо, — произнесла, как только смогла. Слова царапали раздражённое горло, но поблагодарить я была обязана.

— Жизнь за жизнь, — выговорил дракон, подтверждая мои опасения. Я сейчас стояла на грани гибели, и не будь Иллара рядом, вполне могла стать бесплотным духом. До Прохора бы просто не доползла.

— Что со мной было? Проклятье какое-то? — хотелось разобраться во всем. Иначе так и буду дальше жить с этим страхом.

Дракон хмыкнул, наконец соизволив отпустить. Он посадил меня на крыльцо, примостившись на ступеньку выше. Так, что я оказалась в кольце его рук и ног, спиной прижатая к твердой груди. Противиться этой странной близости было не в моих интересах, да и удобно, чего уж тут. Меня обволакивал аромат терпких трав, теплым дыханием шевелило волосы. И руки Иллара, сомкнутые на моей груди, воспринимались крайне естественно.

— Это был заключительный этап инициации, Милорада. Теперь ты полноценная ведьма, прошедшая все стадии принятия.

— Какие? — никогда бы не подумала, что буду сидеть в обнимку с драконом, который собаку на убийствах ведьм съел, и расспрашивать его об инициации.

— Первая — это принятие ведьмы домом. Вторая — самой собой. Третья — полное раскрытие дара. Ты ведь недавно здесь, правильно я понимаю?

— Два дня, — призналась неохотно. Но раз уж я полноценная ведьма теперь, то и на него воздействовать смогу по полной. Побойтся дракон против меня замышлять что-то.

— Очень мало, на самом деле. Обычно молодые ведьмы только обживаются месяцами. Значит, ждали тебя, Милорада, и сразу ты ко двору пришлась.

Ага, ко двору. Так и хотелось съязвить что-нибудь на эту тему. Но дракон же не виноват, что меня все испытывают на прочность, что на Земле, что здесь. И прежде чем принять, сначала помучили от души. Прохор на нервы действовал, к ночлегу карабкаться пришлось на пределе возможностей, обдирая кожу и ногти. Избушка, и та кровопийцей оказалась. Если мне в таких условиях еще и обживаться пришлось, я бы точно сбежала. Чувствовали они это, вот и приняли поскорее.

А вот то, как принятие сути происходило, я никогда не забуду. Потому что страшно, и не дай бог повторить придется. Сила, которая дает возможность больным помогать и за лесом следить — это прекрасно, но то, что со мной творилось, мракобесие в чистом виде. Я ведь себя всемогущей ощущала, черствой какой-то, жестокой. И дракона, который сейчас за моей спиной сидит, согреть пытаюсь, убила бы, не задумываясь.

Если ведьмы, которых истребляли драконы, были именно такими, понятно, откуда эта вражда. Жестокость всегда порождает еще более мерзкое и гадкое. Равнодушным тут остаться просто невозможно. Кто первым убивать начал, не узнать теперь, каждая сторона одеяло на себя тянуть будет, но противники друг друга стоили.

А вот насчет третьего пункта, затык. Дар у меня сразу после принятия сути раскрылся, и первого больного я принимала много часов назад. Так отчего же откат только сейчас накрыл.

— Иллар? — позвала я дракона, продолжая наслаждаться теплом объятий.

— Ммм, — мурлыкающие интонации покидать его речь не желали.

— А как это, полное раскрытие дара?

— В какой дыре тебя воспитывали, раз элементарного не знаешь? — он хмыкнул, а я «нечаянно» облокотилась локтем о его живот. — Ай, больно же.

— Простите, ваше императорское величество, я случайно, — искренности во мне ни на грамм, но ведь извинилась, так что не прикопаешься. — В маленькой деревушке на самой границе королевства, — принялась придумывать я, отчего-то уверенная, что говорить о своем перемещении пока нельзя. — Там вообще никакой цивилизации не было...

— Циви-чего? — мышцы мужской груди под моей спиной напряглись, выдавая нервозность владельца.

— Это у нас так называют отсутствие благ. Глушь же, не удивительно, что в столице таких слов не знают.

— То-то я смотрю, ты разговариваешь по-другому. Диалект явно не наш.

— У нас в семье 15 детей было, книг ученых читать некогда. Так что, не обессудьте, — даже не соврала ведь. У нас в детском доме спальни на 15 человек были, и времени на саморазвитие всегда не хватало. Я по ночам читала, закрывшись одеялом с головой. Во рту фонарик, спина дугой, душно, неудобно, постоянная опасность быть застуканной, зато удовольствие, полученное от прочтения историй, через край лилось. — Ну так что там с раскрытием дара.

— Полная инициация — это своеобразная точка невозврата. Твой дар теперь отделить невозможно. Вы — единое целое. Обычно раскрытие случается сразу при пробуждении силы, но тебе вот время понадобилось. У вас семья магическая?

— Семья? — я даже зависла, не понимая. А потом дошло — сама ведь про большую

семью ему наплела. — Нет, откуда.

— Вот, значит, поэтому. Обычно ребенок уже с детства знает, что ему предназначено, потому что в магических семьях всегда рождаются дети с даром. И принятие силы оттого происходит сразу, нет ломки в сознании. А ты сначала умом этот факт приняла, а душой прониклась не сразу.

Истину дракон глаголит. Я роды сегодняшние через себя пропустила, переволновалась жутко. А остальных лечила вроде и от души, с пониманием ситуации, но пациенты пациентами и оставались.

На том и остановиться стоило. Информацию нужную я получила, жизнь мою дракон не просто так спас, а в обмен на свою. Значит, ничего не должна ему больше. И как бы ни было мне уютно в кольце мужских рук — он дракон, а я ведьма с полностью раскрывшимся даром.

Попробовала высвободиться, но Иллар лишь сжал крепче, утыкаясь носом мне в шею. Будто бы надыхаться не мог. Это было странно, волнительно как-то и одновременно жутко до дрожи. Он вон какой большой, я в сравнении с ним кнопка. Вдруг он мое согласие в обнимку посидеть за нечто большее принял.

Нет-нет-нет, на такое я не подписывалась. Поэтому толкнулась сильнее, еще и пальцы его разжать попыталась.

— Отпусти быстро, маньяк чешуйчатый! Я себя лапоть не разрешала, — в пылу битвы за свободу, даже на молодежный сленг перешла, напрочь забыв про то, что нужно поддерживать легенду. Пусть он хоть что думает, и даже вычислит мое иномирное происхождение, но спать с ним я не стану.

— Ой, Мил, а я потерял тебя, — Прохор вырос рядом, подобно мужичкам из «Вовки в тридевятом царстве». Вроде бы в доме был, а вот стоит у крыльца и смотрит подозрительно. — А что это вы тут делаете, а? — продолжил он мою ностальгию по любимым фильмам.

— Хм... — пальцы Иллара неохотно разжались, выпуская. И я со скоростью звука оказалась на ногах и тут же придвинулась к Прохору. Мне рядом с ним сразу спокойнее стало.

— Вам во дворец пора, дела государственной важности, сестры... — начала я. Выпроваживать императора так нагло не стоило, но он испугал меня до икоты. Все-таки был уже неприятный опыт с Коробцовым, преследований больше не хотелось. — И, вы же вроде всё выяснили, мою работу проверили, больше приходиться необязательно.

— Я сам решу, что обязательно, а что можно на потом отложить! — отрезал дракон тоном, не терпящим возражений. Потом рывком поднялся на ноги — невероятно мощный, сильный, красивый, аж дух захватывало.

Я шумно сглотнула. Потому что сейчас еще страшнее стало. Он ведь, в случае чего, меня в порошок сотрет, и сила ведьмовская не поможет. Аккуратнее надо быть, чужой это мир, и волю свою диктовать, я прав не имею.

— Приняли, поняли, прощения просим, — снова помог Прохор, подобрав нужные слова. — А теперь разрешите откланяться. Милорада трудилась день целый, устала. А завтра с утра народ пойдет опять.

Иллар кивнул, соглашаясь. Но взгляд, который он бросил напоследок, сулил мне сплошные неприятности.

Глава 30. Илларион

Илларион злился. Шёл ведь с единственной целью — разнести богадельню в пух и прах. Выявить недостатки, уличить ведьму в корысти и вредоносности, тем самым развязав себе руки. А что в итоге?

Противно было от самого себя, потому что мягкотелостью драконы не страдают. Сестер своих он, конечно, баловал и многое приходилось спускать, но родная кровь всегда на первом месте. Драконы в этом порой щепетильнее эльфов.

Илларион не мог объяснить, отчего так тянет к ведьме. Ведь именно к ней, тут вариантов не было. Мидорада будила в нем давно забытые чувства — желание защитить, обогреть, занять в свое безраздельное пользование. И контраст этот особенно заметен на фоне многомесячного отвращения ко всем остальным. Будто приворожила она его...

А ведь точно! Смогла ведь заставить дракона чесаться, значит, и другие заклинания на нем сработают.

Илларион прищурился, заметив впереди движущуюся точку. Злость сорвать на ком-то хотелось как никогда. Только вот зверь рвался наружу, постегиваемый древним инстинктом, а выпускать его еще раз в таких условиях было крайне опасно.

Он до сих пор ощущает запах её волос, цветочный аромат кожи, тролли задеря отменный драконий нюх. Стоит же перед глазами, достаточно только смежить веки. Когда он успел запомнить каждую черточку девичьего лица?

Приворот! И с этим нужно бороться. Переступить через себя, изодрать ведьму на мелкие клочки, чтобы не узнал никто о его слабости. Но ведь не будет Иллариону покоя, если откажет себе в удовольствии. Так что, сначала затащить в постель, а потом убить. Идеальный план.

Проблема, конечно, что ведьма инициированная, причем недавно. Силы в ней сейчас немерено, на десяток рядовых магов хватит, оттого и лечила она сегодня всех так запросто, даже не уставая. Но чем-то в жизни всегда нужно жертвовать, особенно когда на тебе ответственность за целое королевство. Вот и он сейчас вынужден пожертвовать одаренным целителем, чтобы спасти в будущем драконью расу. Ведь ведьма, наделенная неограниченной властью, может быть способна на что угодно, особенно, если кто-то её на это надоумит. А уж без целителя люди и до того жили, проживут и еще.

Милорада была всего лишь маленьким камушком, о который он вынужден больно споткнуться. Очень манящим, то и дело притягивающим взгляд, возможно, даже драгоценным...

Из горла Иллариона вырвался рык. Ведьма стояла не только перед взлядом, но и притягивала к себе любые мысли. Это же надо, уже и камень приплел, лишь бы её сравнить с чем-то.

Он вышагивал очень быстро и за каких-то полчаса достиг дворца, в котором, против обыкновения, горел свет во всех окнах. Где-то в груди заскреблось иррациональное чувство беды.

Илларион не был помешан на ритуалах и обрядах, но астролог у них работал в штатном режиме. Просматривал будущее каждого члена императорской фамилии на ближайшее время, оценивал политическую обстановку в королевстве. Так вот, астролог был у него вчера, утверждая, что на горизонте всё безоблачно.

Просторный холл встретил императора тишиной и слишком ярким светом. Горели восковые свечи, магические сферы, настенные светильники. Будто бы сестры внезапно обзавелись боязнью темноты.

Он метнулся сначала в комнату Крис. Девочки по вечерам собирались именно у нее, воспринимая старшую сестру своим лидером. Но там его ждала лишь пустота. К Сивилле Илларион шел с опаской, продолжая надеяться на лучшее, однако сухой, будто выжженный воздух, сомнений не оставлял — во дворце поселилась беда.

Все, включая Лармиэль нашлись у постели Розы, самой младшей из них, и оттого безумно любимой.

Роза лежала на высоких подушках, бледная до синевы. Дыхание из полураскрытых губ вырывалось тяжело, с надсадными хрипами, а испарина на лбу говорила о недавно перенесенном жаре.

— Что случилось? — он старался говорить твердо, как и подобает старшему брату, на котором лежит ответственность за их жизнь и здоровье. Однако вышло тихо и жалко.

— Мы играли с котиками и феньком, когда единорог свалился посреди комнаты замертво, — Крис всхлипнула, а у Иллариона похолодели руки, он уже понимал, что сестра скажет следом. — А потом также свалилась и Роза...

Лармиэль крепко обняла подруг, которые рыдали уже в открытую, а император начал складывать в уме полученные факты.

Единороги священны. Они почитаются прародителями всего сущего и очень малочисленны. Но ушлые тролли вывели породу декоративных единорожек, которых продают за бешеные деньги, объясняя стоимость сложностью их создания. С прародителями они не имеют ничего общего, кроме огромных глаз и радужного рога посередине лба. Однако, служители храмов повсеместно выступали против, считая подобное кощунством.

Ажиотаж вокруг декоративных единорожек начался совсем недавно, яростно подогреваемый храмовниками. Животных даже изучить толком не успели, но по магическому миру гремели слухи об их долголетию и стойкости к заболеваниям. А сегодня, и дня у них не прожив, единорог падает замертво, а следом за ним теряет сознание Роза. Драконица, ни разу за свою жизнь даже простудой не болевшая, не говоря уже о жаре.

Илларион со звериной скоростью оказался возле постели, внимательно рассматривая руки сестры. Регенерация у драконов мгновенная, а у нее на пальце красовался незатянувшийся порез.

— Откуда это? — вопрос в никуда, потому что девочки вообще могли этого не заметить.

— Она порезалась в лавке с тканями сегодня на ярмарке, — подала слабый голос Сивилла. — Мы даже не перевязали толком, мгновенно же затянуться должно было. А потом забыли...

— Это было до покупки живности? — император осторожно погладил тонкое запястье, ощущая, как с каждой секундой слабеет пульс.

— Ты с нами был все это время вообще-то, — огрызнулась Крис, но тут же снова зарыдала. — Я не помню. Все мутное в голове, словно и не было никогда.

Вот и Илларион все события до тролльева зверинца сейчас вспоминал с трудом. В голове плыло и воспринималось горячечным бредом.

Глава 30.2 Илларийон

Покушение или стечение обстоятельств? Во второе верилось с трудом. Драконы не болеют! Да и любые раны заживают мгновенно, даже целителя держать во дворце нужны никогда не было. Так как же лечить теперь Розу, если этого никто не умеет? Целитель при всем желании не сможет вмешаться в ауру дракона, лишь у ведьм получается каким-то образом просочиться сквозь их броню.

Ведьмы...

— Крис, ты за главную. Что хочешь делай, но Роза должна продержаться до того, как я приведу помощь. Если вдохов станет совсем мало дыши за нее, вливай кислород насильно.

— Куда ты? — сестры вскочили синхронно, откровенно паникуя.

— Я знаю, кто может помочь, но, чтобы доставить её сюда нужно время.

— Лекарка? Ты же понимаешь, что это все бесполезно, Иллар! — крик, который резал по живому, рвал и без того беспокойную душу на части.

Иллар, не выдержав, просто вышел. Он взял на себя ответственность за сестер, но уберечь не смог. Отцу клялся, еще при его жизни, что глотку любому порвет, но в обиду не даст.

Зверь внутри Иллара когтями выскребал себе свободу, и он, едва выйдя на воздух, отпустил. Дракон обязательно найдет Милораду, ведь сразу проявил к ней интерес, а, значит, и запах запомнил. Да и быстрее это получится, ведь Роза может просто не продержаться еще один час.

Иллар даже подумать толком над ситуацией не успел, когда ощутил знакомый цветочный аромат. Гнев, что колотил его изнутри мгновенно стих, оставляя после себя пустоту. И эту пустоту требовалось чем-то заполнить, хоть бы даже и умилением от вида сонной растрепанной девушки, что выглядывала из окна второго этажа.

Он перекинулся сейчас легко, почти не уговаривая дракона подчиниться. Будто бы тому для послушания не хватало именно ведьмы под боком. Иллар отмел бесполезные мысли, сосредоточившись на одной — доставить Милораду во дворец. Она ведь и отказаться может, а его будет держать в узде данное ей слово.

— Спустись, будь любезна, — император и не думал стесняться своей наготы, хоть девушка явно смутилась. Все потом — стеснение, бравада, ненавистная симпатия к ведьме. Он даже отмел подозрения, что её подсунули неспроста именно сейчас, когда правителю так нужна помощь. Вот вылечит Розу, тогда уж и на допрос ведьму отправить можно.

Милорада оказалась в дверях взволнованная, будто бы предчувствовала неприятности, или просто знала о них.

— Что случилось? — она протянула цветастую скатерть, но Иллар этот жест проигнорировал.

— У меня сестра заболела, нужна твоя помощь.

Он не хотел просить. Взять бы её в охапку, обернуться драконом, и поставить уже перед постелью Розы. Ни одна женщина перед таким зрелищем равнодушной не останется. Однако, Иллар понимал, что с Милорадой такое не пройдет, лишь хуже сделает.

— Конечно! — она метнулась к открытой двери, но опомнившись, выпалила на бегу. — Я только юбку надену.

И ведь выглядела искренне, открыто. Или ему это всё лишь кажется под действием

приворота?

Иллар тряхнул головой, в сотый раз за день пытаясь избавиться от наваждения. Проклятая ведьма!

— Я готова, — Милорада была не с пустыми руками. Она крепко держала лукошко с книгами. — Тут про драконов есть, и это сложно... Я не знаю, что смогу сделать, но постараюсь, — она потупила взгляд, стыдясь своей неосведомленности.

Иллар отвернулся, отходя от девушки на безопасное для оборота расстояние, а потом, уже не церемонясь, обхватил когтистой лапой хрупкое тело. Дракон заурчал довольно, заполучив желаемое, а громкие крики «жертвы», лишь распаляли сильнее. Ей бы помолчать, ведь даже в деревне учат вести себя тихо при нападении хищника. Но Милорада голосила, пока не охрипла, и весь оставшийся путь ругалась уже тихо на своем странном наречии — непонятно, но очень выразительно.

Мила

Я ведь ему от чистого сердца помочь хотела, обратилась к ведьминской сути, прося нужных знаний, а он меня в лапы...

Всю жизнь считала себя воспитанной девушкой, которую даже детский дом и общага плохому не научили, но за время полета поняла, что ошибалась. Я столько слов матерных на дракона вылила, гопота бы обзавидовалась. А ему хоть бы что, летит себе, урчит утробно.

Гад, как есть гад! Нужно было корзинку с книгами в полете «выронить», в качестве средства отмщения, да сестренку его жалко было, как и самих манускриптов. Древние же, вдруг при ударе о землю тленом рассыплются.

На самом деле, я успокоилась быстро, сама себе удивившись. Приключения в этом мире определенно идут на пользу моей нервной системе. Этак, домой вернусь, с парашюта прыгать пойду, или спортом каким экстремальным займусь, одни плюсы.

А вот когда дракон на снижение пошел, замок завидев, сердечко у меня ёкнуло. Как он вообще тормозить собрался с ведьмой в лапах?

— Аа-а-а, — попробовала снова повопить я, но из горла вырывались только глухие хрипы. Чертов дракон! Голос из-за него сорвала.

Но Иллар снова меня удивил, совершив невероятный кульбит в воздухе, и вместо того, чтобы спокойно приземлиться, подбросил меня в воздух.

Я говорила, что сорвала голос? Враньё. В момент получения такой дозы адреналина, организм в экстренном режиме возобновляет работу всех функций. Мой голос даже еще громче стал, а дракон узнал о себе много нового.

Пока вниз летела в состоянии свободного падения и Прохора вспомнила и метелочку свою добрым словом, но не отозвался никто, видимо далеко было, да и ворон предупредил меня, что на всю ночь улетает, разведать, как и что в королевстве творится. А пока он там шпионажем промышляет, хозяйку истребить хотят, подло заманив помощью страждущим.

Иллар поймал, когда паника уже не давала думать. Я грохнулась на его спину, четко между двумя наростами, и только убедившись, что груз держится, дракон начал терять скорость.

Полет на метле, даже с учетом случившейся погони с файер-шоу, мне понравился больше!

Дракон приземлился прямо во дворе огромного замка, и, дождавшись, пока я кулем свалюсь на брусчатку, начал оборот. Была бы не так зла на него, отвернулась, засмушалась снова, но сейчас поднялась на ноги и смотрела. Ни на секунду не отвела взгляд, даже когда Иллар предстал во всем своем обнаженном великолепии. А потом, резко подавшись вперед, с размаху ударила его корзиной, и била до тех пор, пока Иллар её не отобрал.

— Достаточно! — и вид такой, будто солдат ребенка обидел, мне даже стыдно стало.

— Еще раз ты такое сделаешь... — решила пригрозить, но он перебил, гордо вздернув подбородок.

— Помни с кем разговариваешь, ведьма.

— Ах, вон мы как заговорили. То есть, посреди ночи ко мне являться, так: «Милорада, помоги», а как за то, что напугал, ответить, сразу: «Знай свое место ведьма».

Он хотел мне возразить, даже воздуха в легкие набрал, но с балкона раздался

пронзительный девичий крик.
— Иллар! Роза не дышит!

Не знаю, кто из нас бежал быстрее. Мне кажется я, но Иллар обогнал на каком-то повороте. Как я вообще смогла разобрать правильное направление, диву даюсь. Знать, снова ведьминская суть помогала, все-таки жизнь, пусть даже она и драконья, всегда важнее вредности.

В комнату ввалились, едва не толкаясь в дверях, но Иллар очень быстро поборол в себе недоверие, пропуская меня вперед. Вычитывать что-то было некогда, но руки уже сами щупали пульс, проверяли дыхание на зеркальце и сложенные крестом, начали заводить сердце.

— Иллар, вдыхай ей воздух в рот каждый раз на счет три, — я даже не смотрела на него, занятая перебором заклинаний, вспыхивающих перед внутренним взором. Они шли сплошным потоком, я только и успевала останавливать казавшиеся подходящими. Но всё было не то.

Я видела черноту, что густым облаком покрывала тонкое тело. Я видела смерть, уже сжавшую когти на девичьем горле. Это не болезнь, в полном смысле слова. Сердце Розе остановило проклятье. И что бы мы тут с Илларом ни сделали, оно не забьется.

— Все, Иллар. Мы опоздали, — сказала, поднимая на него глаза, но император меня будто не слышал. Он теперь считал сам, ни на секунду не давая себе передышки. Раз, два, три — выдох. Раз, два, три — выдох.

Я понимала, что нужно его остановить, вцепиться когтями в сильные руки, оторвать от бездыханного тела, но не могла. Смотрела на бледное лицо дракона, глаза, в которых вместо постоянной насмешки, теперь стояли слезы, на его дрожащие губы. Если я сейчас отступлю, то до конца своих дней во снах буду видеть вот это отчаянье. По-мужски скупое, очень закрытое, но пробирающее до самого нутра.

Где-то позади в голос завывли девушки, а меня будто током ударило. Спасти Розу сейчас нельзя, но ведь можно задержать душу, запечатав её в теле. Нужно лишь применить заклинание стазиса.

— Кхарме трукмитэ принта! — громко произнесла я, и Иллара буквально отшвырнуло от сестры. Он ударился об открытую дверь балкона, но прежде чем успел опомниться, тело Розы покрыла прозрачная пленка.

— Что ты сделала? — он едва шевелил губами, продолжая стоять у двери.

— Ввела её в стазис. Снять тоже смогу только я, сам понимаешь.

Иллар кивнул, тяжело опускаясь на пол. Завывания дракониц мгновенно стихли, и они одна за одной снова встали у кровати.

— Она что, ведьма? — прошептала белокурая девушка с довольно резкими чертами лица. Это её совсем не портило, скорее выделяло на фоне остальных. Она мне отчаянно кого-то напоминала, но понимание ускользало, не дав даже зацепиться за кончик.

— Ведьма, — ответила сама и выпрямилась еще больше, всем видом показывая, что оскорблений не потерплю.

— Где ты нашел её вообще, брат? — девушка вознамерилась подойти к Иллари, но тот предостерегающе поднял руку.

— Там больше нет, Крис, — он говорил до того устало, что я мигом простила все императорские прегрешения. У него сегодня чуть сестра не умерла, и осуждать поведение

Иллара было бы неправильно. Кто-то заливает горе и нервозность вином, кто-то уходит в себя, погружаясь в депрессию, кто-то рвется в экстрим, глуша пустоту в душе волной адреналина. А дракон всего-навсего нагрубил, переживу, не сахарная

— Это и понятно, папочка постарался. Но какое же счастье, что ты нашлась, — драконица метнулась ко мне так быстро, что я и отшатнуться не успела. Она обняла. Крепко, жадно, с отчаянной благодарностью.

Иллар, однако, счастливым не выглядел. Он буравил меня тяжелым взглядом, будто бы прямо сейчас был готов закончить отцовские начинания. Только вот снять заклинание, наложенное ведьмой, сможет лишь ведьма. Тем более, на драконов иная магия просто не действует.

Я буквально физически ощущала, как его мысли закручиваются в этом направлении, но оправдываться не собиралась. Я спасла ей жизнь единственным подходящим способом. Других вариантов не существовало. И то, что императорский род теперь зависит от лояльности простой ведьмы — лишь стечение обстоятельств.

Ведьминская суть внутри была против оглашения результатов. Она крутилась беспокойным волчком, беспрестанно жаля. Она хотела, чтобы драконы теперь ели с моей руки.

Но я была рождена в другом мире и тысячелетней расовой враждой еще не прониклась, поэтому и произнесла то, что считала нужным.

— На ней проклятье, — меня все еще держала в объятиях Крис, но кое-как удалось вывернуться, чтобы посмотреть Иллару в глаза. — Черное.

— Невозможно...

— Я не шучу сейчас. Оно до сих пор клубиться под пленкой наложенного стазиса. И снимать такое я не умею. Ваша сестра может веками лежать тут неподвижно, но стоит снять стазис, сразу умрет. Она уже не дышит, но нам повезло, что душа покинуть тело еще не успела.

Тишина, что образовалась после моих слов больно давила на сознание. Или это император снова пытался пробраться ко мне в голову, желая подчинить...

— Нам нужны книги из тайной секции, — тонкий мелодичный голосок заставил нас с Илларом разорвать зрительный контакт. Говорившая была более хрупкой комплекции, нежели Крис, да и волосы не такие белокурые. Зато черты лица мягкие, нежные, такие, что хочется постоянно смотреть.

А вот держащая ее за руку девушка драконицей не была. Глаза на половину лица, волосы, заплетенные в сотни сложных косичек, острые уши. Эльфийка! Она молчала, но стоило нам встретиться взглядами, злобно оскалилась. Мигом исчезла вся красота и утонченность, оставляя только искореженное ненавистью нутро.

Ой-ей, я ревность, что исходила от нее, прямо физически ощущала. Никак на императора глаз положила, злыдня остроухая. И так неприятно мне стало, так маятно. Вдруг у них с Илларом любовь и полная идиллия, а тут я...

Но погрузиться в меланхолию я себе не дала, одернув жестко и грубо. А что собственно я? Ну понравился мне дракон, с кем не бывает? Мужик он видный, половина королевства поди слюни на императора пускает, ни я первая, ни я последняя. А то, что Иллар меня обнимал и руки распускать пытался, вообще ерунда. Естественная реакция, у нас так весь офис делал, когда меня только на работу приняли.

Нет междунами ничего, и быть не может. Так что пусть его эльфийка забирает, не

претендую. А вот порыться в тайной секции очень бы хотелось, потому что как бы я свою суть ведьминскую ни загоняла вглубь, никуда от нее уже не уйти. И равноправия своего народа добиваться нужно.

— Очень-очень нужны, — поддакнула я, едва сумев заглушить ликующий вопль в сознании. А то мало ли, вырвется, проблем не оберёшься.

Иллар продолжал кукситься, но тем не менее кивнул. Мы все замерли, кто где был, и что делать дальше, не знали.

— Нельзя Розу так оставлять, — первая вышла из ступора Крис. — Но и служанкам поводов сплетничать давать не следует.

— Первая умная мысль за пару десятков лет, — буркнул Иллар, но видно было, что у них с сестрой просто манера общения такая.

У него вообще взгляд теплел, когда останавливался на сестрах, а вот стоило на меня посмотреть, сразу вылезали колючки.

— Может, и первая, зато раньше вас всех додумалась, — Крис совершенно по-детски показала брату язык. — Запечатает вход в эту спальню, но Розочке обязательно нужна компания. Она ведь всё может слышать! Давайте по очереди?

— Я боюсь, — пискнула эльфийка, прячась за спиной драконицы. — И вообще, мертвых не люблю!

Ну что за дурочка?

— Она не умерла! — Иллар снова начинал заводиться. Зато я выдохнула облегченно. С эльфийкой у него если что и было, то закончилось, потому что сейчас он её почти ненавидел.

— Я все равно боюсь...

— Сивилла, будь добра, проводи нашу гостью куда подальше, а лучше вообще за пределы дворца. Её папочка давно заждался...

Ну, наконец-то! Теперь я знала по именам всех императорских сестер и начинала чувствовать себя в своей тарелке. Они меня могут как угодно называть, пусть даже и просто Ведьмой, а вот я так не умею.

— Иллар! — Крис теперь играла с братом в гляделки, и мне кажется, что они общались ментально. Потому что император после этого молчаливого диалога погрузился сразу и произнес со всем почтением.

— Лармиэль, прошу прощения. Я не сдержался, но ты и сама понимаешь, ситуация непростая. Не обижайся, тебе у нас всегда рады.

Эльфийка расцвела тут же, едва не благоухая пряной розой. Такая вся утонченная, нежная, с идеальной прической и цветом лица, несмотря на бессонную ночь, что завидно становится.

Я себя одернула. Ведь Лармиэль не виновата, что красивая. Еще бы ревность ко мне из неё изгнать, а то за жизнь свою боязно.

— Сивилла, проводи гостью в её комнату. У постели Розы будет всегда находиться кто-то из родственников, подруги этим заниматься не обязаны.

Сивилла поняла посыл и очень быстро вывела обескураженную эльфийку. Та не успела вникнуть в суть семейных перипетий и предпочла бы остаться со всеми, грея свои острые уши.

— Глаз с нее не спускать! — рыкнул император Крис, снова подходя к постели Розы. — Лармиэль еще доставит нам проблем, как знал, что нужно спроваживать её восвояси раньше!

— Согласна, — Крис опустила точеные плечики, но вместо хандры сразу начала копать. — Если это и правда черное проклятье, нам всем грозит опасность.

— Быть того не может! — четко разделяя слова, проговорил Иллар. Он откинул одеяло, в которое кутали Розу сестры и теперь внимательно осматривал каждый сантиметр тела.

— Но ведь эту ведьму ты нашел! Значит, и другие могут где-то прятаться, — Крис скрестила руки на груди, а я, пользуясь паузой, решила представиться.

— Милорада.

— Очень приятно, Кристина, но все зовут меня просто Крис.

Я кивнула и тоже хотела бы свое имя сократить до привычного, но ведьминская суть была откровенно против.

— Все потомки черных ведьм под неустанным контролем... — Иллар уже дошел до икр Розы, резко напрягшись. — Её укусила какая-то из ваших зверушек?

— Не-е-е... — от лица Крис отхлынула вся краска, и Иллар метнулся к ней, жестко хватая за плечи. — КРИС!

— Они же маленькие, — девушка от неожиданности начала плакать. Вот стояла такая независимая, гордая, размышляла как взрослая волевая женщина, даже в мелочах не желая уступать брату, а сейчас от испуга двух слов связать не могла. Я не понимала ситуации в полной мере, хоть и помнила, что Иллар упоминал какой-то зоопарк. — Мы играли, бегали, котики активные, они всех за ноги грызли.

Иллар, услышав то, что хотел, разжал пальцы.

— Кто бы это ни был, воздействие оказывается через животных. Осмотри себя, должна быть рана на руке и укус или царапина, оставленная самим животным. А я пока отыщу Сивиллу.

Иллар вышел. Тихий, спокойный, будто опущенный в воду. Это-то и пугало. Потому что таким дракона я видеть не привыкла.

Обреченность. Вот что сквозило в каждом его движении. И понимание, что ничего уже не изменить.

У Крис, которая ни секунды не мешкая начала раздеваться, дрожали руки.

— Давай помогу, — я подошла со спины, аккуратно распуская шнуровку. Платье снимать было необязательно, только осмотреть руки и ноги, но драконице себя необходимо было занять. Хоть чем-то, пусть даже и бесполезным комканьем ткани.

Мы нашли порез на запястье и несколько маленьких ранок на щиколотках.

— Расскажешь? — Крис подняла на меня пустые глаза. — Я понимаю, что ведьмам доверять не принято, и Иллар настроен против, но я искренне хочу помочь.

— Если Иллар настроен против, ведьмы сидят в кандалах. И он вряд ли ушел, оставив нас наедине, если бы не верил тебе, Милорада.

Я бы, конечно, скептически хмыкнула, или еще чего изобразила, но девушку было жаль. Ей в данный момент не до моих разборок с её братом. Да и не видела она как Иллар на меня смотрел. Я же ведьма теперь и такие материи более глубоко чувствую, с его стороны это не ненависть в чистом виде, но и до доверия там, как до Парижа.

— Так расскажешь? — снова предприняла я попытку добыть информацию. Если уж Крис, которая меня обнимала, как родную, промолчит, можно ставить крест на всей операции. Ходить по коридорам дворца, прислушиваясь к разговорам, мне просто никто не позволит. Да и не смогу я, ведь шпионаж не люблю.

Только если Прохора заслать...

— Иллар был против нашего похода в цирк и на ярмарку. Но тролли приезжают так редко, а на ярмарке всегда большой выбор эльфийских кружев... — Крис замаялась, явно не желая выставлять членов своей семьи в неприглядном свете, так что просто опустила подробности. — Он сдался, хоть и не без давления, а вот дальше начались странности. Понимаешь, мы ведь не заметили ничего. Зверята милые, тролль, что их продавал, вообще душка, потому что каждого второго в подарок подсовывал. А вот когда Роза сознание потеряла и синеть начала, Иллар начал задавать вопросы. Никто из нас не помнит событий до тролльева цирка, все мутное, будто смотрели со стороны через пелену. Вроде бы вот они мы — идем по рынку, заглядывая в лавки, а детали разглядеть невозможно. Нас и поранили где-то там, хотя я лишь отдаленно припоминаю, как царапину получила Роза. У драконов регенерация на очень высоком уровне, но эти раны даже спустя сутки видны.

Крис нервничала, комкая подол платья.

— Каждая из нас, включая Лармиэль, получила в подарок питомца. Единорог Розы умер за секунду до того, как упала она сама. Кто-то магически привязал к нам животных, соединив ауры, что еще более противоестественно, чем незаживающие царапины. Никто не может влезть в ауру к дракону. Никто, кроме...

— Ведьм, — закончила я фразу за Крис, которая неожиданно стала еще бледнее.

Перед внутренним взором встала куколка, которую точно так же привязали ко мне, просто слив ауры, и то, к каким последствиям привело орудование иголкой.

— Где сейчас звери?

— Что? — Крис действительно не понимала, в какой опасности находится весь императорский род.

— Любая царапина, нанесенная животному, найдет отражение на теле владельца. И если ему свернут шею...

Договаривать мне было и не нужно. Крис все поняла, принявшись откровенно паниковать. Это было похоже на приступ астмы, когда кажется, что весь втягиваемый воздух стопорится где-то в гортани. Девушка открывала рот, пыталась дышать, а наружу выливались лишь хрипы.

— Без паники! Нужно скорее животных найти, чтобы спрятать понадежнее, никто за тебя это не сделает. Так что, прекращай.

Я не знала, как ещё помочь, потому что болезнью этот приступ не был. Вообще, активная деятельность, лучшее лекарство. Принцип сработал и сейчас — Крис мгновенно собралась, выпрямила спину и понеслась в комнату, где они с сестрами решили на ночь

запереть зверушек.

— Крис, где комната Иллара? — мне просто необходимо было с ним поговорить, и чем скорее, тем лучше.

— В конец коридора и налево. Там табличка висит, — выпалила драконица на бегу.

Шла я с опаской, внимательно вглядываясь в каждую дверь. Ясно ведь, что если на комнате Иллара табличка есть, то и на всех остальных такие должны быть. Но все встречные двери выглядели хоть и богато, но безлико, а вот вид императорской удивил.

«Император вся земля. Великий Илларион Гинесский. Солнце, что освещает каждый уголок этого мира».

Ну ничего себе, у него самомнение. Я даже последнюю фразу ногтем подковырнула, вдруг девчонки подрисовали. Но нет. Краска золотая, на века нанесенная. Да и табличка идеально подходила под изящную лепнину, так что последние сомнения отпали.

Тоже мне, солнышко...

Я стукнула резко и бесцеремонно, будто имела на это полное право. С Великим Илларионом Гинесским по-другому было нельзя. Он прекрасно чувствовал в человеке слабинку, и потом этим отлично пользовался.

В комнате никого не было, зато слышался шум воды за смежной дверью. Очень интересно, конечно, посмотреть на оборудование ванной комнаты в этом мире, но обнаженных драконов на сегодня мне достаточно.

Так что я присела на краешек огромной кровати с балдахином и принялась ждать. Намеренно не шарила глазами, не пыталась понять, как Иллар живет, чем интересуется. Лишнее это, слишком личное. Я и так погрязла в чужих проблемах сверх меры, поставила помощь драконам выше собственной безопасности.

— Кхм... — Иллар застыл в дверях, явно не ожидая меня тут увидеть, и теперь не знал, как реагировать на столь ранний визит. А что он хотел, собственно, бросил нас с Крис Розу сторожить, а сам тут водными процедурами балуется.

— Я тут поняла кое-что, — начала, стесняясь на него смотреть, потому что тонкое полотенце на бедрах слишком распалило моё воображение.

— Подожди, я оденусь, — Иллар метнулся к высокому шкафу, быстро хватая с полки что-то светлое. А когда полотенце полетело на пол, мне пришлось зажмуриться. Похоже, для него в порядке вещей вот так раздеваться перед едва знакомыми девушками.

— Можешь смотреть, — голос раздался прямо передо мной. Забыла уже, что он может передвигаться почти бесшумно. — Ну?

Я подчинилась с неохотой, но дракон и правда был уже одет в белоснежную рубашку и льняные брюки. Нравилось мне, как тут одевались, отдавая предпочтение удобству. Взять хотя бы императорскую семью — ни роскошной парчи, ни атласа и шелка. Девушки были в простеньких цветастых платьишках, а Иллар вообще себя одеждой не утруждал.

Возможно, они выглядели так только дома, но это все равно располагало, делало правящую династию ближе к простому люду.

— Мила?

Должно быть, я задумалась, потому что очнулась, только когда Иллар позвал меня по имени, дотронувшись до подбородка.

— Милорада, — машинально поправила я, потому что внутри крепло понимание, что драконам должно называть меня именно так.

Иллар хмыкнул, но склонил голову, соглашаясь.

— Кто-то связал ауры зверушек с аурами твоих сестер. Ты же знаешь, что это значит? Они в смертельной опасности. Не только Роза, которую едва удалось погрузить в стазис, но и Крис с Сивиллой. Я отправила Крис за животными, чтобы держала при себе, но даже это их не спасет. Ведь когда погиб единорог, в комнате посторонних не было.

— Что ты предлагаешь? — Иллар сделался вдруг угрюмым, и даже светлая одежда не спасала от ощущения надвигающейся грозы.

— Нужно погрузить всех зверушек в стазис, это защитит от любого воздействия на расстоянии, даже если и будут пытаться.

— Что? — император заревел в полный голос, мне даже страшно стало. — Тогда и Крис с Сивиллой тоже впадут в спячку! Они будут беззащитны физически! Тебя кто-то послал вскружить мне голову, а потом напасть? — Иллар неожиданно сильно впился пальцами в мои плечи, причиняя боль. — Отвечай!

— Я бы тогда не стала спасать Розу, — возразила, легко отпихивая его руки. Это

получилось само, будто бы я была гораздо сильнее, а простой тычок указательным пальцем в грудь дракона, снес его к противоположной стене. — Я бы тогда не стала спасать тебя. И тем более, не ринулась по первому зову в королевский дворец!

— ВЕДЬМА! — пророкотал Иллар, поднимаясь и снова надвигаясь на меня. — Такие как ты это сделали с нами. Подобрались тихо, что не заметил никто. Даже астролога обвели вокруг пальца!

Настолько опасным я дракона еще не видела. Он сейчас легко может свернуть мне шею, и даже то, что жизнь его сестры от меня зависит, препятствием не станет. Глаза Иллара полыхали безумием, и я снова воззвала к внутренней сути. Одна не справлюсь, нужен опыт многих поколений ведьм.

Со скоростью звука перед взором проносились картинки — вот драконы прилетают из-за гор, вот начинают устанавливать на этой территории свои порядки. Вот, поняв, что они тут самые сильные, захватывают власть, подгребая под себя многочисленные расы. Драконам никто не может противостоять, они неуязвимы.

Ведьмы жили на этой земле с её сотворения. Были защитницами леса, оказывали посильную помощь страждущим, и то, что многие из них очернили душу тьмой, лишь драконья вина. Ведьмы встали во главе сопротивления, ведомые внутренней силой и в одном из боев, поняли, как действовать. Случайная стычка, легкое касание ауры, и могучий дракон уже лежит на земле со сломанными крыльями.

Только вот и драконы дураками не были. Начались гонения, отлов ведьм. Сначала истребляли лишь черных, потом решили избавиться от любой возможной угрозы. Бойня, длящаяся сотни лет. Война, где правые и виновные давно смешались.

Иллар и его сестры ни в чем виноваты не были, напротив, император как никто из своих предков, стремился к справедливости, однако, жерновам войны было все равно, кого перемалывать. Процесс запущен и мира никто не объявлял.

Я пришла в себя на полу, прислоненная спиной к шкафу. Иллар сидел напротив, сканируя меня изменившимися глазами. Они теперь были с вертикальным зрачком, как в стадии полуоборота.

— Что ты видела?

— Пропать, в которую вы загнали себя сами.

— Ведьмы... — начал Иллар, у которого уже и когти драконьи вылезли.

— Ведьмы лишь отвечали. Это наша земля, вы пришли сеять на ней раздор.

Я не знаю, до чего бы мы договорились, но в дверь ворвалась взбудораженная Крис.

— Вы чего это тут кричите? Он обидел тебя? — Крис подлетела ко мне, помогая подняться, а на брата зашипела. — Вообще ополоумел? А ну, приди в себя, Император Всея Земель! Нет в ней тьмы, даже я это вижу, и трогать Милораду не позволю. Если бы не она, Розочки с нами не было. Только ради этого я встану с ней плечом к плечу, пусть даже и против тебя.

Крис обняла меня, быстро выводя из императорской опочивальни, а за закрывшейся дверью послышался звериный рев. Такой, что у меня внутри все засвербело.

Ему было плохо. Больно от предательства сестры, тяжело от невозможности исправить то, что натворили многие поколения до него. Страшно оттого, что может потерять разом всех близких.

Я дернулась обратно, понимая, что Иллару сейчас, как никогда необходимо тепло, но Крис вырваться не дала.

— Он тебя в таком состоянии поранить может. Не убьет, конечно, голова работает еще, но видела, как когти выпустил? Так не должно быть. Дракон не должен главенствовать.

Глава 36. Илларион

С тех пор, как он оставил ведьму в комнате Розы, зверь внутри рвался наружу. Первой изменения заметила Сивилла, отправив его охладиться. Только вот Илларион знал, что это не поможет.

Ничего уже не поможет.

Дракон чувствовал Милораду на огромном расстоянии, ревел внутри, желая её присутствия рядом и утробно урчал, когда удалось, наконец, заполучить добычу в когтистые лапы.

Ведьма была послана Богами ему в наказание! Иллар теперь понимал это отчетливо. Да и мысль о привороте с каждой секундой теряла свои очертания, ведь колдовство не может действовать на него и дракона по-разному. Даже если и предположить проблемы со второй ипостасью, они продолжают оставаться единым целым, и по отдельности существовать просто не могут.

Однако, остается вариант, что ведьмы научились влиять только на зверя, заслав одну из них опробовать это на первом встречном. Ведь глядя в ясные глазки Милорады, коварства не ждешь совсем. Она же совсем как цветочек — нежная, чистая, готовая помогать... А то, что на её пути попался именно император, чистая случайность.

Ну вот опять! Выгораживает ведьму, пытаюсь не замечать очевидного. То, что чувствует он — неправильно. Настолько хотеть и одновременно ненавидеть, просто за гранью разумного. Да и ситуация со зверьем прямо-таки кричала о начавшейся охоте. Императору просто дурят голову, желая подобраться ближе, методично уничтожая всех, кто ему дорог.

Иллар с силой ударил по крану, останавливая поток холодной воды, а потом нырнул в ванную с головой.

Не сказать, чтобы совсем полегчало, но мысли хотя бы обрели четкость. Ведьма его семье сейчас важнее, чем её возможная причастность к заговору. Ведь случись что-то с Сивиллой или Крис, только она может оказать помощь. Искать кого-то на стороне, значит, выдать всему свету проблемы императорского семейства.

Он вышел из ванны, намереваясь одеться и всю ночь просидеть у постели Розы, когда на глаза попала девушка, понуро сидящая на его кровати.

Это было подобно яркой вспышке. Недавно обретенная ясность мигом уступила место животной похоти. Все прочие инстинкты отошли на второй план, и единственным желанием было повалить Милу на кровать, заставив, наконец, кричать его имя.

Иллар едва нашел в себе силы оставаться на месте. Возможно, одежда поможет ему с собой справиться...

Как вообще он может думать сейчас о чем-то, кроме спасения своей семьи? Илларион сжал кулаки, в два шага достигнув кровати, но ведьма на него даже не посмотрела. Думала о чем-то так усердно, что совсем потерялась в пространстве.

Похоть внутри Иллара сменилась странным умилением.

— Мила? — не удержавшись, он дотронулся до упрямого подбородка.

— Милорада, — поправила она, еще до конца, не включившись в действительность. Странная, будто не от мира сего.

Она заговорила про ауры, не открыв Иллариону ничего нового. Он уже принял меры по защите зверя, отправив Сивиллу навесить на комнату, где их разместили, защитный контур.

Мог бы и сам, но зверь волновался слишком явно.

— Что ты предлагаешь? — Иллар начинал злиться. На кого только, самому не понять.

— Нужно погрузить всех зверушек в стазис, это защитит от любого воздействия извне, даже если и будут пытаться.

И вот тут его прорвало. Горячей лавой в голове потекли предположения, одно хуже другого.

— Тебя кто-то послал вскружить мне голову, а потом напасть? Отвечай!

Он сжимал её плечи, желая причинить боль. Желая сломать любое сопротивление, заставить, наконец, говорить правду.

— Я бы тогда не стала спасать Розу, — змеей прошипела Мила, сразу ударив магией. Такой, что любые щиты бесполезны. Она била не в плоть, хлестала магией на уровне их аур. — Я бы тогда не стала спасать тебя! И тем более, не ринулась по первому зову в королевский дворец!

— ВЕДЬМА! — все, что Иллар мог выдать из себя. Хрупкая девчонка одним тычком пальца отбросила его на многие метры. — Такие как ты это сделали с нами. Пробрались настолько близко, что никто не заметил. Даже астролог не увидел опасности!

Астролог его волновал сейчас даже больше разозленной ведьмы. Он ведь тоже может состоять в сговоре, желая переворотом добиться лучшего положения своей семьи.

От силы эмоций контроль над драконом совсем ослаб, и Илларион с ужасом осознал, что может обернуться прямо здесь и сейчас, в камень кроша стены дворца. И он бы обернулся, но Милорада неожиданно начала оседать на пол. Только вот стояла перед ним сильная и воинственная, а сейчас падает безвольной куклой.

Илларион сам не понял, как оказался рядом и аккуратно подхватил на руки. Хотел положить на кровать, но в памяти всплыли уроки по оказанию первой помощи. Она же человек и причина обморока неизвестна. Так что усадил девушку на пол, прислонив спиной к створке шкафа.

Она выглядела как обычно — кожа светлая, но не до восковой бледности, да и руки теплые. Только беспрестанно бегающие глаза и трепещущие ресницы выдавали то, что она в данный момент что-то видит.

Самое интересное, что, испугавшись за ведьму, успокоился и дракон. Ну, почти, ведь сам Иллар будто застыл в состоянии полуоборота — звериные глаза, отросшие когти, кожа, местами покрытая чешуей.

— Что ты видела? — спросил, едва Мила открыла глаза.

— Пропать, в которую вы загнали себя сами, — она говорила с такой уверенностью и спокойствием, что не зная он всей правды, непременно поверил. Только вот всё было не так!

Ситуацию спасла Крис, нагло ворвавшись в комнату. Иллар даже ругаться не стал, хотя после выходки с табличкой на его двери, вообще запретил сестрам подходить к этим покоям.

Крис намерилась увести ведьму? Пусть уходят! Разве ему теперь есть до них какое-то дело? Но самое страшное, что предательство сестры ударило не так больно, как презрение, притаившееся на дне ведьминских глаз.

Зверь внутри зарычал, и звук этот тут же сорвался с губ императора. Несмотря ни на что, Милорада была ему нужна, вот только каждый дракон знает — истинную ведьму удержать невозможно.

Илларион дождался, пока шаги девушек стихнут в конце коридора, тут же скользнув в сторону сокровищницы. Он двигался бесшумно, вдобавок используя артефакт маскировки.

Каждый дракон имеет место, где хранится его богатство. Золото, драгоценные камни, древние свитки и манускрипты, милые сердцу вещицы. Сокровищницу дракон сооружает в строжайшей тайне, и даже самые близкие не могут знать её расположения. Во дворце на данный момент таковых было четыре. Сестринские Иллар давно вычислил, а вот его, благодаря артефакту маскировки, так никто и не нашел.

Сокровищница императора была небольшой. Он не видел смысла перетаскивать все богатства их рода из одного места в другое, и наполнял её только тем, что добыл сам.

Тут была особая атмосфера, наполняющая силой, способствующая укреплению магии. Так что Илларион сначала просто лег на груды золотых монет, пропуская их между пальцев, и только потом достал из сундука маленькую коробочку. Простое на вид дерево при первом прикосновении больно обожгло пальцы, однако, император уверенно проговорил:

— Мне нужно.

Коробочка засветилась золотом, и по поверхности начали расползаться древние руны. Они появлялись и гасли, одна за другой, Илларион едва успевал проговаривать каждую. Когда же заискрила последняя, коробочка превратилась в сгусток драконьего пламени.

— Тхеле, — одними губами прошептал император. Шкатулка открылась, а обугленная кожа на руках, наконец, начала зарастать новой. Регенерация, что на время перестала действовать, возобновила свою работу.

— Это твой выбор, — прошелестел потусторонний голос, эхом отражаясь от каменных стен сокровищницы.

— Мой, — согласился Иллар, крепче перехватывая шкатулку. Это решение было самым тяжелым в его жизни.

***Тхеле — до конца жизни (до конца моих дней)**

Крис потащила меня не в комнату к Розе, а в подвал.

— У Розы Сивилла сейчас, мы с ней, когда зверей прятали, пересеклись, — пояснила она, видя мое недоумение.

Мне жуть как хотелось посмотреть здешних домашних питомцев. И я очень сомневалась, что у них будет хоть какое-то сходство с земными котиками и собачками.

— Боже... — натурально простонала, когда Крис распахнула передо мной дверь. В ноги кинулись мелкие пушистые звереныши, при виде которых во мне просто зашкалил порог мимишности. Я же так хотела домашнего питомца, а тут такое великолепие...

— Это мой фенек, видишь, с большими ушами, — трещала Крис, тиская синего пухляша с ушами-локаторами. — А это котики Сивиллы.

Котики на котиков не походили вовсе. На голове красовались крохотные рожки, шерсть на груди и загривке была длиннее и разного оттенка, напоминая гриву, а на спине красовались разноцветные пятнышки.

— Дакини Лармиэль, — Крис подняла высоко в воздух радужного зверька с короткой, но очень плотно растущей шерстью. Лапки у него были коротковаты, зато неожиданно проявились крылья — будто призрачные. Он тут же радостно взвизгнул и взмыл до самого потолка. — Лармиэль не стала своего забирать в комнату, одному ему там будет скучно.

Дакини выделял в воздухе такие виражи, что у меня голова закружилась за ним следить.

— Крылья у него не всегда? — спросила и стушевалась тут же, потому что вопрос явно наводил на мысли, что я такое чудо в первый раз вижу.

— Только если дакини сам захочет. А память у них настолько короткая, что, ходя по земле, они забывают, что могут другое. Именно поэтому дакини поднимают в воздух, давая инстинктам сработать, — Крис посмотрела на меня то ли с жалостью, то ли с интересом. — Дакини редкие, да. Ты в деревне выросла?

Ф-у-у-ух! Пронесло.

— В деревне, — я сделала вид, что вздохнула тяжело.

— Ну вот и здорово, что к нам попала. Как Розу вылечишь, будем заниматься вместе. Раз в неделю к нам учителя приходят.

— Спасибо, — буркнула, тронутая таким отношением со стороны почти незнакомого человека. Тем более, зная, как драконы не любят ведьм.

— Пошли тогда. В подвал никто зайти не может, кроме правящего рода, либо в сопровождении одного из членов семьи. Так что, если захочешь, можем вместе с Лармиэль сюда спускаться, зверят проверять.

— Лармиэль доверять не стоит, — я решила не скрывать негатива, который вызвала во мне эльфийка.

— Да ты что! Она хорошая, даже мухи не обидит! — возмутилась драконица, очень гневно на меня глядя. Но я знаю, на что способна отвергнутая женщина, тем более, в порыве ревности. Метаморфозы невинного цветочка с сущую дьяволицу еще на земле наблюдала, и вряд ли эльфийка станет в этом вопросе исключением.

— А если она случайно на фенька твоего наступит? — я сделала вид, что собираюсь ногой припечатать крутящегося рядом малыша. Но Крис среагировала мгновенно, схватив

того на руки. — Или сядет на любого другого. — Я резко сменила положение, присев на пол. И как бы ни была быстра драконица, котик с рожками оказался на моих коленях скорее, чем она опомнилась. — У каждого из нас есть приоритеты, Крис. Своего питомца ты кинешься спасать в первую очередь, оставляя остальных беззащитными, как бы ни любила сестер. Таков непреложный закон выживания.

В отношении прямой линии родства он, конечно, не работает. Любая мать кинется спасать ребенка, даже понимая, что погибнет сама. Но Крис на эту мысль наводить не стоило.

Она, конечно, надулась. Щеки теперь походили на хомячьи, а укоризненный взгляд прожигал на каждом повороте, где приходилось притормаживать. Но около дверей в спальню Розы, Крис сжала мою ладонь.

— Ты права, — она погладила большим пальцем тонкую кожу на моем запястье. — И спасибо за все.

Драконы. Извиняться они не привыкли. Но то, что Крис признала мою правоту, несказанно радовало. Я, наконец, выдохнула, понимая, что меня услышали и сделают так, как нужно. Может, Лармиэль тоже в стазис отправить можно? На парочку лет. С их длиной жизни она и не заметит даже, а я нервничать перестану.

Мы зашли тихо, но дремавшая в кресле Сивилла, все равно услышала, устало потирая глаза.

— Долго вы, — она сверкнула на меня желто-карим взглядом, будто еще раз оценивая. — Тут птица какая-то в стекло билась, пришлось заслон поставить.

Птица...

Я кинулась к балконной двери быстрее, чем сообразила, что делаю. Все-таки Прохор вычислил, где меня искать.

Ворон метнулся ко мне с такой скоростью, что даже прикрыться руками захотелось. По крайней мере, выглядел он очень воинственным.

— Гусыня ты, в не ведьма! — принялся распекать Прохор, зависнув прямо на уровне моего лица. И даже крыльями не шевелил. Матрица какая-то, ей богу. — Безответственная, вредная, ни о ком, кроме себя не думающая.

— Прощ...

— Я чуть не поседел, пока тебя ждал. Метелка отнекивается, только пушится игриво, роженица знай себе спит, даже глазом на меня не повела. А больше и узнать-то не у кого! Кто мне нервы теперь лечить будет, а? А она тут у дракона в замке любовь крутит.

— Прощ...

— Дура ты, Милка. Это ж дракон! Да он тебя не прибил сразу, потому что планы какие-то имеет.

— Прощ, беда тут. Отказать в помощи я не могла.

— Беда? — тон тут же сменился на заинтересованный. — Ну так, рассказывай, чего молчишь, как метелка твоя.

— Пошли, — сказала и принялась ждать, пока он форму человеческую примет, но ворон просто переместился ко мне на плечо, предлагая поработать доставщиком.

— Так и будешь птицей? — я вывернула шею, чтобы видеть его хоть краешком глаза.

— Мил, — начал Прохор укоризненно. — Ты хоть запоминай, что тебе говорят. Я могу только в избушке человеком быть и на близлежащих территориях. И то, если ты рядом. Более того, меня, кроме тебя здесь и не поймет никто. Так что готовься к скептическим взглядам и

вопросам о душевном здравии.

Я обернулась тут же, успев заметить две изумленные мордашки, прежде чем драконицы ретировались, сделав вид, что ничего такого не видели. Ну подумаешь, ведьма с вороном разговаривает, а он ей в ответ каркает злобно. Как говорится, — «И тебя вылечат».

— Ты специально, да? — уличила я в коварстве своего помощника.

— Кто? — ворон укоризненно вытаращил оба глаза, так, что меня на смех пробрало. Ну, невозможно на него злиться.

— Ладно, самый честный ворон на свете, пошли, с принцессами познакомлю.

Видно мне Прохора было плоховато, на плече ведь сидел. Но то, как он распушился, выпятив вперед грудь, о многом говорило. Мужики, они и в магическом мире мужики, пусть даже и немного ущербные.

— Я не сумасшедшая, — высказала сразу, как только миновала порожек балконной двери.

Девочки уже успели пошутиться и прийти к только им ведомым выводам, поэтому глянули на меня скептически.

— Я же ведьма, так вот Прохор он мой...э-э-э-э... фамильяр, во!

— Фами-кто? — драконицы это слово явно в первый раз слышали, да и Прохор быстренько с моего плеча на шкаф перелетел, чтобы то, как я оправдываться буду, видеть лучше.

— Оу, ну это наши ведьминские термины, — решила надавить на их незнание чужой лексики. — Фамильяр — помощник, связанный с ведьмой обрядом на крови.

Зря я про кровь, потому что, и Крис, и Сивилла оцетинились тут же. Слишком болезненным для них стал опыт с привязкой зверят.

— В общем, мы с ним можем общаться ментально. Так что, не обращайтесь на это внимания.

Прохор заржал, точнее, закаркал так, что со шкафа чуть не свалился. Гадкий ворон. Нет, чтобы помочь, а он только насмеяться может. Но поймав мой убийственный взгляд ворон мигом заткнул клюв и прилетел обратно на плечо Правда, вцепился когтями больно, мститель. Как же, как же, отвлекла его от такого занимательного представления. Он же столько лет в образе ворона провел, который поговорить ни с кем не мог, что сейчас за каждое интересное событие хватался.

— А он не опасен? — первой проявила интерес Крис, осторожненько подбираясь ближе. Сивилла вообще мне казалась очень отстраненной и до конца мне не доверяющей, так что отсутствие реакции с её стороны было закономерным.

— Не-е-е, — проблеяла как раз в тот момент, когда Крис протянула руку погладить ворона, а тот её едва не цапнул.

— Прохор! — закричала на него, а он в ответ и меня едва не цапнул. И хохотал снова, как стая гиен.

— Ладно, ладно, больше не буду, скажи этим, — ворон снова уселся на плечо, примирительно ткнувшись головой мне в щеку.

— Зачем ты так? — я от злости его растерзать была готова.

— Ты мягкая очень, а они — драконы. Пусть и выглядят как хрупкие девушки, но коварство по отношению к ведьмам в крови у каждого представителя вида. Так что, считай это моей помощью, Милорада. Теперь они хотя бы твоего ФА-МИЛЬЯРА бояться будут.

Прохору это слово явно не понравилось, раз уж так его выделил. Видимо, потому что фамильяр означал полную принадлежность ведьме. Не знаю, как он узнал, может быть от

какой-то другой «пришлой» ведьмы слышал, но понял все правильно. По крайней мере, мои познания были именно таковы. Фамильяр же вообще самостоятельной единицей не являлся, а Прохор другой.

Стыдно стало, однако, все еще была на него обижена, чтобы извиняться.

— Ты ошибаешься, Прош.

— Пусть так. Но лучше предотвратить, чем потом сто лет ждать новую хозяйку.

Вот, значит, как. Бить словами Прохор тоже умеет, что и продемонстрировал. Не я сама ему важна, а только лишь моя суть, позволившая запечатанному в тело птицы парню, снова почувствовать себя человеком.

И удивляться тут нечему — он меня пару дней всего знает, о дружеском расположении не может быть и речи. Может быть, я действительно очень мягкая и слишком быстро привязываюсь. Потому что чужими назвать ни Прохора, ни Крис, ни даже Иллара, уже не могу.

Какой-то неправильный закон стаи выходит, работающий в одностороннем порядке. Я их в свою семью уже приняла, а они меня видят банальным объектом для достижения целей. Прохор — хозяйку, с которой сможет свободно вздохнуть, Крис — ведьму, от которой зависит жизнь её и сестер, Иллар... Для Иллара я не взятый бастион, который притягивает, пока не сдастся.

От невеселых дум и мрачной атмосферы в комнате, отвлек стук входной двери.

— Смотрю, в нашем полку прибыло? — не к месту упомянутый император решительно направился в мою сторону.

— Какой наблюдательный, — хмыкнул ворон, тут же выгнанный с моего плеча. Иллар, не церемонясь, смахнул Прохора направленным порывом ветра.

— Ведьмовского окружения во дворце мне еще не хватало! — Илларион был мрачен и на что-то решительно настроен.

— Это её помощник, — вмешалась Крис.

Надо же, заступается, хотя и сама чуть от ворона не пострадала. Точно, старается в доверие ко мне влезть, а за душой может вынашивать какие угодно коварные планы.

Слова Прохора ржавой занозой засели у меня в сердце, с каждой секундой заражая кровь все сильнее.

— Знаю я, кто это. На память не жалуюсь! — Иллар уже подошел ко мне вплотную, произвольно поводя шеей. Его ноздри заметно раздулись, выдавая, что дракона что-то волнует. Сразу вспомнилось, как он утыкался носом мне в шею, жадно вдыхая аромат волос и кожи.

Я попыталась отступить, но император одной рукой перехватил за талию.

— Иллар! — возмущенно зашипели Крис с Сивиллой. Но дракону на сестер было глубоко плевать, потому что он притянул к себе вплотную, перехватывая губами мои готовые вырваться крики.

Он застал меня врасплох, мгновенно углубляя поцелуй. Мой крик невероятным образом перерос в стон. Мой ли, его, я и сама не поняла. Иллар не стесняясь, руками выводил на моем теле узоры, трогал спину, лопатки, оголенную шею. Пальцами зарылся в волосы, сильнее надавил на затылок. Он будто пытался меня поработить, завоевывал языком, учащенным дыханием, слишком быстрым биением сердца. Тем, как открыто сейчас показал, что я ему небезразлична.

Не знаю, когда я сдалась. Вот только старалась сохранить хоть какую-то дистанцию

между нами, а вот уже сама льну к сильному телу, закидываю руки ему на шею.

Не знаю, когда умудрился повернуть запланированное он сам, ведь не отрывался от меня ни на секунду. Но в разгар нашего сумасшествия, запястье обожгло раскаленным металлом, а мой крик, полный боли, потонул в древних словах заклинания:

— Мрахте тижире продиктуле тхеле!

Я будто погрязла в золотом огне. Бултыхалась, как муха в вязком меду, но даже невероятным усилием не смогла сделать движение в сторону. Так и стояла, тесно прижатая к Иллару, пока над нами взрывались звезды. А потом все резко потухло, и в крошечном мраке раздалось звонкое:

— Мрахте тижире продиктуле тхеле.

И фраза эта была тут же подхвачена эхом, разлетаясь в разные стороны разноцветными искрами.

— Мрахте тижире продиктуле тхеле

— Мрахте тижире продиктуле тхеле

— Тхеле... Тхеле... Тхеле...

Я попыталась обратиться к ведьминской сути, столько раз выручавшей, но внутри было пусто и гулко. А еще тоскливо так, что до слез пробирало.

— ТХЕЛЕ! — повторил дракон уверенно.

И мои губы, совершенно перестав слушаться законную хозяйку, зашептали ответное. Я противилась, как могла. Ещё чего не хватало, заклинания незнакомые повторять. Но выходило лишь немного исказить звучание:

— Мрахту тахире придуктиле тхале.

— Милорада! — взвыл утробно дракон, но сказанного не воротишь, и связь между нами начала слабеть.

Запомнить бы надо, что я сейчас нашептала, и проверить, раз уж все равно будем драконьи книги штудировать. Но результат, как говорится, налицо — вокруг нас начало светлеть. Тьма отступала, начинали угадываться очертания предметов. Мы не провалились в утробу бездны, как я себе напредставляла, а продолжали стоять посреди комнаты. Вот и кровать с глубоко спящей Розой, и Сивилла с Крис, застывшие в состоянии глубокого шока.

— Иллар, что это ты натворил? — первой очнулась Сивилла, разгневанной фурией подлетая к нам.

Она схватила меня за руку, оттаскивая от императора, который на вопросы отвечать, видимо, не собирался. Дракон пытался переварить мое вмешательство в странный обряд, им же и затеянный.

— Вот это вот, что? — Сивилла, сцапав меня за запястье, ткнула им в нос Иллару.

— Браслет, — процедил он сквозь сжатые зубы.

— КАКОЙ?! — это уже Крис. Встала по другую сторону от меня. — И вообще, откуда он у тебя? Их по миру осталось раз, два и обчелся.

Воспользовавшись суматохой, на плечо снова примостился Прохор, и засунув клюв в моё ухо, прокаркал:

— Это брачный браслет, Милка, валим отсюда, пока тебя в рабство не загребли.

Но я так опешила от этой новости, что застыла на месте. Как это, брачный? То есть Иллар и я вот прямо сейчас обручились, или еще хуже — поженились? Да нет. Не бывает так, чтобы браслет одел, 4 слова сказал и уже женат. Там согласие второй половинки требуется, скрепление обряда. Да куча всего. Но, как назло, ведьминская суть продолжала молчать, а у Прохора вслух не спросишь.

— Добыл! — веско и никакой конкретики. Но это же дракон, тем более император.

Отчитываться он ни перед кем не обязан.

— Это неправильно. Верни все назад. Еще чего вздумал, жизнь девочке портить. Да она и часа наедине с тобой не выдержит, — вступилась за меня Крис, вызывая непередаваемый прилив благодарности.

— Все законно, сестра. Духи союз скрепили.

— Вали-им, — не преминул повторить свое предложение Прохор. Все таким же каркающим шепотом.

Его здесь все равно никто не понимает, чего он в ухе моем прописался? Щекотно же, да и за криками императорской семейки я его не всегда расслышать могу. — Ты глянь, что творится, Мил. Ноги уноси, целее будешь. В избушке спрячемся, лет сто спокойно пересидим.

— Духи, не Боги, братец! И тем более, не Великий Дракон. Все еще можно повернуть вспять. И нечего мне зубы заговаривать, сам нам учителей нанял, пожинай плоды! — Сивилла разошлась не на шутку, из её ноздрей едва пар не валил.

— Одобрения духов и согласия обеих сторон обряда вполне достаточно для того, чтобы браслет застегнулся, — возразил Иллар. Он скрестил руки на груди, визуальнo становясь еще больше.

— А, может, мне кто-нибудь всё объяснит?! — решила я взять ситуацию в свои руки. Ясно же, что драконы к компромиссу не придут. — Я ни на что не соглашалась, и в обрядах участвовать не хотела.

Я попыталась подцепить браслет ногтем, но он до того плотно прилегал к коже, что и игла не пройдет. В ответ на мои действия металл нагрелся, снова обжигая. Второй ожог на еще незажившей коже вышел в разы болезненнее.

Я, не сдержавшись, застонала, дую на запястье, а дракон зарычал. Видимо, браслет на его руке тоже нагрелся.

— Слова для брачного обряда и не нужны, Милорада, — Иллар вскинул на меня глаза, перестав гипнотизировать раскаленный металл. — Духи находят ответ внутри у каждого. И раз браслет застегнулся, ты точно не была против.

— Ах ты, ящерица чешуйчатая, — я подскочила к дракону, пальцем тыкнув в тяжело вздымающуюся грудь. Меня даже предостерегающие движения его сестер не остановили. Хуже, чем было, сделать уже невозможно. — Ты все врешь! Там повторить нужно было, и я сделала это неправильно. Обряд недействителен!

Иллар усмехнулся зло, почти оскалившись.

— Сначала браслетними, ЖЕНА. А потом обвинять будешь.

— Ты меня намеренно поцеловал, чтобы хоть какую-то вспышку чувств вызвать, застал врасплох! Я тебя ненавижу, почему духи не могут пролезть в мою душу прямо сейчас?

Он не ответил, а я устало опустилась на первое попавшееся кресло. Не врукопашную же с ним идти, а магией действовать нельзя, еще ненароком невинных зашибу.

— Как моя жена, ты теперь будешь жить во дворце. О вещах не беспокойся, завтра вызовем фею. А сейчас пошли, покажу твою комнату.

Иллар говорил жестко, чеканя каждое слово. Истинный император, каким я его еще никогда не видела. С самой первой встречи границы нашего общения оказались размыты. Бывали моменты, когда я перегибалась палку, бывали, когда откровенно его побаивалась, но в глазах у дракона всегда были чувства — злость, интерес, желание. А вот сейчас — ничего. Холодная пустота, о которую суждено биться простым смертным, словно о скалы.

Император. Недосягаемый, гордый, обладающий неограниченной властью. Дракон, который даже пальцем не пошевелит для помощи кому-то, вне своего круга.

Он назвал меня женой, но в семью никогда не пустит. Я понимала это на каком-то интуитивном уровне. Драконы и ведьмы — враги, которые пойдут на все, чтобы истребить друг друга, и сейчас Иллар ведет какую-то игру. Сложная многоходовка или один большой шаг на пути к цели? Даже зная подоплеку вековых распрей, я разобраться в этом мужчине пока не могла.

— Чего застыла? — выдал мне на ухо ворон. — Иди давай, зовут же. И не вздумай меня бросать.

Я бы ему высказала за приказной тон, но понимала, что Прохор мне плохого не посоветует. И пусть руководствуется он не великой любовью, а лишь желанием жить комфортнее, судьба моя ему безразлична.

— Слушаюсь, господин, — я склонила голову, как принято на востоке, потупила глаза и послушной овечкой поплелась за своим МУЖЕМ, чтоб ему на голову кусок лепнины с потолка свалился.

— Ты не переигрывай, а то догадается ведь, — пока шли принялся бубнить Прохор. — А то строит из себя покорность, а у самой глаза так презрением и сверкают.

Он так раскаркался, что даже Иллар оборачиваться начал.

— Ты один у нас тут знаток человеческих душ, а драконам на такое плевать, — зашипела я на ворона в ответ.

— Твои покои, Милорада. Из комнаты без сопровождения не выходи, — Иллар растянул губы в хищном оскале. — Отдыхай, выпись хорошо.

— Та-а-ак, постойте-ка, — мне этот коридор показался очень знакомым, хоть и вел нас император сейчас явно в обход. — Моя комната, что, рядом с вашей?

Я очень старалась говорить спокойно, образ покорной овечки блюсти нужно. Вон, даже

снова на «вы» перешла, хоть и не видела больше в этом необходимости. Он меня целовал? Целовал. Женой назвал? Назвал. Так что, имею теперь законное право не только на слово-, но и на рукоприкладство.

— Конечно, дорогая, — Иллар опасно навис над нами с Прохором, — у нас смежные спальни.

— И дверь между ними имеется? — на всякий случай уточнила я.

— Имеется. Она не закрывается, ключ потерялся давно.

— Да как... — возмущенно начала я, но когти, что снова вонзились в многострадальное плечо, отрезвили. — Да, как вам будет угодно, господин.

Иллар вида не подал, что заметил мою вспышку. Просто распахнул дверь, пропуская внутрь нас с Прохором первыми.

— Так как у ворона имеется и человеческая ипостась, он ночевать с тобой больше не может, — сказал, главное, так ровно, будто это теперь само собой разумеющееся.

Я ведь человек неконфликтный. Скромный, мирный, всегда готовый поискать компромисс, но вот тут дракон палку явно перегнул. Да и суть ведьминская, что сейчас спала на дне моей души, прочно пустила в оную корни. Я не девочка Мила теперь, а ведьма истинная, и подобного от дракона терпеть не намерена.

— Ворон останется! — я не хотела вливать в эти слова силу, но она полилась сама. И Иллар, почувствовав это, отступил.

— Когда проснешься, позвони в колокольчик. К вечеру у нас намечена вылазка в особую секцию библиотеки.

Вот только ради этого я готова была и самого дракона терпеть и смежную комнату с незакрывающейся дверью.

— Благодарю.

Иллар скрылся в коридоре прежде, чем я закрыла дверь.

— Влипши мы, Милка, — сразу перешел к делу Прохор, расхаживая по внушительному подоконнику. — Он теперь тебя, пока над их родом опасность висит, не выпустит. Будешь тут жить по типу комнатной зверушки.

— Прош!

— Ты слушай меня, слушай, балда доверчивая. Я все понимаю, ведьма истинная мимо беды не пройдет, но зачем ты с императором во дворец пошла? Пусть бы сестру свою в избушку тащил.

— Ей совсем плохо было. И я не жалею, что помогла! — высказала ему с вызовом.

— Не жалеет она. Себя пожалей теперь!

— А чего ты только сейчас мне все это говоришь? Каркал бы в комнате Розы. Без тебя тошно.

— При драконе твоём? — Прохор на меня своими чернящими глазами вылупился. — Да вы ж теперь связаны по гроб жизни, вдруг он меня тоже понимать может.

А вот об этом я и не подумала. Может. И наверняка понимает. Неспроста ведь обернулся, когда Прохор в своих нотациях на личности перешел.

— Аккуратнее теперь, Прош.

Он фыркнул или каркнул, за общим потоком последующих фраз и не разобрать было.

— Советует мне она. Да я как ветер в поле — фьют, только меня и видели. О себе переживай лучше. Давай думать, как побег устроить.

— Не могу я, Прош. Тут жизни на кону.

— Мила-а-а, — он не выдержал, валясь бездыханной тушкой на кровать. И крылом одним глаза прикрыл, артист погорелого театра.

— Я понимаю, Прош. Но мы всей подоплеки не знаем. Зачем он наши жизни связал, а? Это ведь непростой обряд. Нужно сначала выяснить что к чему и, если совсем плохо для меня будет, сбежим.

— Слово даешь? — он сразу перестал притворяться мертвым.

— Ага. Честное ведьминское.

— Ну тогда крови мне дай, а я тебе своей. Сможешь несколько часов моими глазами видеть. Так вообще делать не следует, но ради всеобщего блага один раз можно. Я слетаю за императором прослежу. На него ж сейчас обе сестры с вопросами накинутся. Такое пропустить — преступление.

Я, не задумываясь, протянула ему свою ладонь и даже не пискнула, когда он цапнул меня за палец. А вот с подсунутой мне в ответ лапой что делать не знала.

— Укусить тебя, да? — спросила с некой долей гадливости. Все-таки живая плоть, а я зубами в нее.

— Чур тебя! Пол ноги же откусишь, я потом кровью истеку. Ножницы поищи для маникюра. Это ж женская комната, наверняка имеются.

Я даже покраснела, так стыдно стало за свою недалёковидность.

Сначала полезла в тумбочку под зеркалом, но там все оказалось девственно чисто. Потом сунула нос в огромный шкаф. Он доставал почти до самого потолка и оказался встроенной гардеробной. Платья, пеньюары, туфли, сапожки, костюмы для верховой езды. А также множество поставленных одна на одну коробок.

— Это матери его. Император с императрицей погибли больше полувека назад. Говорят, во время охоты на оленя, но чувствуется мне в этом подвох. Не на оленя они охотились, Мила, на ведьму. Хозяйка моя в это же время пропала.

И мне бы отношение к драконам еще более переменить, все-таки не о каких-то далеких ведьмах речь идет, а о моей предшественнице, но вместо этого обуяло тоской и жалостью.

Иллар вещи не выбросил, как принято делать после смерти дорогих людей. Раздать, раздарить, убрать с глаз долой. А он хранит. В потайной комнате, где до сих пор ощущается аромат духов, благовоний и косметической пудры. Будто бы хозяйка покоев вышла совсем недавно и скоро вернется.

— Эй, ты плакать что ли удумала? — тут же уловил мое слезолительное настроение Прохор. — Брось, Мил. Они тебя жалеть не будут, запомни это.

— Я знаю, Прош. Всё знаю.

Я открыла первый попавшийся ящик, что стоял на полу и с удовольствием поняла, что сделала правильный выбор. Сюда была свалена косметика и приспособления для маникюра.

— Давай сюда свою лапу, ворон, ампутировать будем, — кровожадно ухмыльнулась я, беря в руки тонкие маникюрные ножнички.

— Мил, ну что, полетел я? — Прохор говорил со мной ласково-ласково и лишнего движения сделать боялся, потому что я, узрев мир глазами ворона, чуть истерику не закатила. А истерика — это лишнее привлечение внимания, которого нам не требовалось. Тишина и покой, вот составляющие успеха.

— Погоди, Прош, я еще в себя не пришла.

Я так и сидела последние пять минут с закрытыми глазами, боясь после хлопка ресницами снова оказаться не в своем теле.

Телами нас, конечно, никто не менял, я оставалась все той же Милой, сидящей на полу, а Прохор — вороном, что взирал на меня с высоты кроватного полога. Но мозг упрямо твердил иное.

Я в студенческие годы повелась на хвалебные отзывы одноклассниц и попробовала примерить очки 5D, после чего меня насильно усадили на качели. Чуть разрыв сердца не заработала, потому что перед глазами была пропасть, трухлявый мост и качели с почти оборвавшимися веревками. И мозг упрямо синхронизировал мои покачивания тут с покачиваниями в альтернативной реальности. Меня, конечно, в конце толкнули, и пропасть радостно оскалившись, решила мной закусить.

Да-да, все прямо так и было. Я кричала и ругалась, как моряк в портовой таверне, и даже когда с меня сняли эти чертовы очки, долго не могла поверить, что на самом деле жива.

Вот и сейчас эффект 5D в своем очаровательном действии. Я знаю, что сижу на полу, но мозг утверждает, что я восседаю на двухметровой высоте.

— Ты пока в себя приходишь будешь, мы самое интересное пропустим, — пробурчал ворон. — Давай, открывай глаза, я на пол спрыгнул.

Ну а я что, доверчиво открыла, чтоб этому ворону забыть, как каркать! Потому что никуда он не спрыгнул, даже выше забрался.

— ПРОХОР! — взвыла я, наплевав на конспирацию и прочую дребедень. — А ну, слезай оттуда!

— Тебя по-другому и не взбодрить! — возразил негодяй. — Давай уже, привыкай. А то действие обмена кровью закончится, не успеем по всему дворцу пролететь.

Прохор взмахнул крыльями, поднявшись к самому потолку, а потом мягко спланировал вниз, зависнув напротив моего лица.

Видеть себя со стороны было странно. Какая-то я огромная, растрепанная и вообще некрасивая.

— Начинается... — простонал ворон, отлетая подальше. — Так лучше?

— Ну, не так чтобы совсем хорошо, но хотя бы на слона непохожа. Ты что, всех людей огромными монстрами воспринимаешь?

— Пф-ф-ф. Нормально я всех воспринимаю, потому что вижу так с рождения. Привык. И ты привыкнешь, если захочешь. А сидеть с закрытыми глазами, не вариант.

— Дай круголя по комнате, только невысоко, — разрешила, готовясь к новому приступу паники. Но Прохор на удивление был послушен и пролетел несколько кругов, постепенно наращивая высоту и скорость.

— Ну что, на улицу попробуем? — выдохнул ворон с нетерпением.

Да что там Прохор, мне и самой любопытно было. В семейных разговорах такие скелеты откопаться могут, шкаф не выдержит.

— Пробуем!

Ворон с радостным «Карр» вылетел в окно, а я чуть молиться не принялась. Но сердце хоть и замирало от высоты, но я к такому была готова. Все-таки и на метле летала, и на драконе.

— Мил, нас драконы не увидят, я у муженька твоего амулет стянул...

— Что? — даже не знаю, что меня возмутило сильнее — сам факт воровства или именование Иллара моим мужем.

— Что-что, а как нам было на дело идти, если меня везде видно? Я черный, а стены у них тут сплошь светлые.

Оставила этот вопрос далее без комментариев. Прохор — ворон стреляный, как шпионить надо, знает лучше.

Балкон, за которым находилась комната Розы, я узнала. Окно было распахнуто настежь, чем мы не преминули воспользоваться.

— Иллар, поклянись именем Великого Дракона, что не замышляешь против девочки зла, — похоже мы успели к самому началу разговора и Крис с Сивиллой еще не успели довести брата. Потому что Иллар в данный момент был глубоко расслаблен, вальяжно развалившись в кресле.

— Не могу, — его губы чуть тронула усмешка, но в полноценное изъяснение чувств так и не переросла. Он будто бы насмеялся над всеми, но не желал этого демонстрировать слишком открыто.

— Что это значит? — Крис сбросила со своих плеч руки Сивиллы и встала прямо перед Илларом. — Ты действительно что-то задумал, или просто вредность демонстрируешь?

— Крис, детка, не вставай на моем пути... — вот теперь Иллар откровенно хамил и нисколько этого факта не стеснялся. — Вы итак со своим зверинцем мне всю кровь попили. Поставили под угрозу весь род. Поэтому дальше я действую так, как считаю нужным.

— Мы уже поняли свою ошибку, брат, — Сивилла смиренно опустилась на колени, целуя перстень на руке императора. Самая взрывная из сестер демонстрировала сейчас полную покорность.

А вот Крис на вздернутую в ее сторону бровь, лишь презрительно скривилась.

— Это неправильно, — упрямо выпятив губу, заявила она. — Как бы мы с тобой ни ругались, как бы ни пакостничали, всегда склоним голову. Ты родной нам по крови, и главенствуешь, как император. Твоя власть неоспорима. Но сейчас ты неправ, — Крис гордо выпрямила спину в то время, как Сивилла продолжала стоять на коленях. — Я никогда не интересовалась ведьмами, полностью полагаясь на мнение главы семьи. После войны их истребляли столетиями, они столетиями били исподтишка. То же самое происходит и сейчас. Ведьмы нашли лазейку в нашей броне и ударили по самому больному. Но Милорада тут ни при чем. Я чувствую это своим нутром.

— Поддерживаю, — подала голос с пола Сивилла, но головы так и не подняла.

— «Чувствую нутром», «Милорада ни при чем», — Иллар изобразил голос сестры до того похоже, что нашим эстрадным пародистам и не снилось. — Это называется жалость. Слабость всех женщин, за которую в самом начале войны пострадали сотни наших соплеменников. Драконицы, движимые состраданием, прятали в погребках раненых ведьм, проводили их тайными лазами из замков. И чем же спасенные отблагодарили, а Крис? Вы проходили это по истории совсем недавно!

Иллар, не выдержав, встал с кресла и теперь возвышался над своими сестрами, давя массой и знаниями.

— Ведьмы через тайные ходы проникали на территорию королевства, нападая на драконов, — заученно проговорила Крис, но головы опускать не собиралась.

А у меня волна возмущения пошла на такую откровенную ложь. Как ловко они исказили те события, выставив ведьм двуличными фуриями, а драконов невинными жертвами. Да, ведьмы умело пользовались знаниями, которые удалось получить, но никогда не убивали невинных. Женщин и детей не трогали, лишь мужчин, которые орудовали мечами без разбора. Драконы загоняли ведьм, словно дичь, заживо замуровывали в ямах, жгли огнем, так что и ответ получали соответствующий. Кровь за кровь — закон джунглей.

— Вот видишь, ты и сама все помнишь, и мои слова тут излишни, — Иллар породственному потрепал сестру по плечу.

— Я не знаю, что у тебя в голове, но ведь женился ты по-настоящему. Пусть не по всем правилам и без скрепления союза Великим драконом, но духи выступили «за». Да и браслеты эти... Зачем, объясни мне!

— Она не дракон!

— Будто бы я сама этого не поняла. Не дракон, и что? Если тебе Милорада нужна была, как жена, возвал бы к духам на камне-основателе, они бы точно также заглянули внутрь каждого и отыскивали ответ. К браслетам было прибегать зачем? Они же скрепляют союз до конца дней и расторгнуть его уже невозможно!

— Плохо вас наставники на обряды натаскали. Иначе бы ты знала, что браслеты нужны для скрепления союза дракона и человека, как неравнозначных по продолжительности жизни. Духи никогда бы не одобрили подобный брак, без нужной атрибутики, потому что данная связь противоестественна. Браслетов не осталось мало, их столько и было, всего десятков на целый континент. Их изготовили Боги, и осенил своим пламенем Великий Дракон. Мощнейшие артефакты, равных которым нет. Браслеты создавали, для того, чтобы

уравнять жизнь в истинной паре, если избранные оказывались представителями разных рас. Несколько шпук осело у эльфов, несколько хранятся у высших фейри и лишь два были припрятаны на территории нашего королевства. Драконы давно потеряли способность находить истинную пару, а, значит, и браслеты оказались без надобности.

— То есть ты хочешь сказать, что вы с Милорадой... — Крис побледнела резко, а я едва не завопила во все горло. Какая к черту истинная пара! Император совсем рехнулся?

— Не хочу! — обрубил Иллар резко, но у меня выдохнуть спокойно так и не получилось. — Нет у драконов больше истинных пар, как и настоящих чувств. Это наше наказание, кара. «Не познать всей полноты любви, не суметь разделить душевного трепета, не прожить целую жизнь бок о бок, наслаждаясь счастьем», — так пожелала одна из истинных ведьм почти в самом начале войны перед своей смертью. Драконы сначала не приняли ее слова всерьез. А сейчас ты и сама видишь, что происходит. Драконы, не находя в выбранной половине нужного отклика, идут искать дальше. Меняют мужей и жен, как перчатки, выматываясь до основания, гибнут от тоски. Это заложено в нас генетически — поиски пары, которая стала бы идеальной составляющей семьи. А если таковой не существует, сознание медленно затухает.

И Крис, и Сивилла выглядели до того потрясенными, что страшно за них становилось. Значит, пожелание ведьмы хранилось в секрете и то, что драконы постепенно вымирают, тоже.

— Среди людей драконы находили пары крайне редко, поэтому и браслеты я отыскал с трудом.

— С чего ты вообще начал эти поиски? — почти кричала Сивилла. Да, для молодой девушки понять, что настоящей любви она никогда не познает, больно.

— Астролог еще при жизни отца указал на поиск браслетов. Но плотно заняться розысками я смог только год назад. Очень вовремя, надо сказать.

— То есть, ты, скрепив союз с ведьмой, даровал ей вечную жизнь, и вы теперь будете жить долго и счастливо? — Крис сама не верила в то, что говорила. — Браслеты же еще и укреплению чувств способствуют. Вас тянуть будет друг к другу постоянно, идиллия.

— Идиллия... — Иллар покатал на языке это слово, будто бы пробуя его на вкус. — Идиллия до смерти кого-то из пары. И я даже знаю, кого...

Я резко закрыла глаза, возвращая себя в тело, а потом и зажала уши руками.

Не видеть, не слышать, не чувствовать!

Потому что слова Иллара ударили по мне невероятно больно. В самое сердце, выжигая все, начинающиеся зарождаются чувства. Я ему нужна только до момента выздоровления сестры, а дальше от меня избавятся.

Бежать.

Как можно дальше отсюда, в самую глушь, на край света. Туда, где император никогда не найдет!

Я уже стояла на ногах, когда в комнату залетел Прохор. И надо отдать ему должное, не стал доставать фразами, типа: «Ну я же говорил». Конечно, он говорил, только вот я в любом до последнего светлое искать буду, пусть даже это и насквозь лживый дракон.

— Прощ, амулет дай мне, пожалуйста, — я протянула руку, в которую без разговоров легла тонкая цепочка с витиеватым кулоном на конце. Что это — отвод глаз, какая-то хитрая маскировка, подстраивающаяся под окружающую среду? Да и неважно, лишь бы заряда хватило. Мне очень не хватало подсказок от ведьминской сути, но с этим тоже нужно научиться жить. Скорее всего, драконовы браслеты блокируют глубинное проявление моего дара. Надо бы общую магию проверить, да пока не на чем, ни Прохора же в качестве испытуемого использовать.

Я повесила амулет на шею, и вытянув вперед руку, присмотрелась. Даже не рябит, абсолютная маскировка, дарующая мне неограниченные возможности в передвижениях.

Но вместо того, чтобы сразу направиться к выходу, я проскользнула в смежную комнату. Мне нужно было вернуть книги, которые император не преминул заиметь в свою коллекцию. И как грамотно увел, что я даже о них и не вспомнила. Была корзина, и нет её.

— Прощ, надо книги мои найти, я их из шкафа в лекарской вытащила, — я задумалась на секунду, все-таки для меня это было неприемлемо, но оттринула голос совести. — И поищи те, что Иллар обещал, вдруг он успел их из хранилища забрать.

— Конечно, успел, — ворон проказливо сверкнул глазом. — Я, когда артефакт у него из кармана тащил, целую стопку видел.

— То, есть, ты сначала воровством развлекался, и только потом на поиски хозяйки полетел? — сделала я логический вывод из вышесказанного. Думала, что Прохор амулет у дракона увел, когда мы все вместе в спальне Розы были, но книг у Иллара в тот момент с собой не наблюдалось. Значит, хитрый ворон все провернул раньше.

— Ничего ты не понимаешь в разведывательной деятельности. Кто ж сразу в стан врага суется, местность не оглядев.

— Ну, конечно, — хмыкнула, безумно радуясь, что мне достался такой продвинутый помощник, да еще и не отягощенный моралью и совестью.

— Вон там смотри, в углу шкаф стоит. Был бы я драконом, сокровища туда прятал.

Я полезла в узкий шкаф, настроенная очень скептически. Сокровища ведь принято прятать во что-то такое же богато украшенное.

Шкаф оказался девственно чист, даже без хлама на полках. Но кто будет держать в комнате бесполезную коробку, которая занимает место и не представляет из себя ровным счетом ничего? Так что я стала ощупывать пальцами стенки в поисках какой-то кнопки или рычага, или любой неровности. Таковая обнаружилась на самом дне, маленькое углубление, по форме похожее на камень в императорском перстне.

— Прощ, а если я нажму, меня внутрь не засосет?

— Ага, и расчленит еще ко всему придуманному, — раздалось возле моего уха. Я так увлеклась исследованием, что упустила момент, когда ворон сел на мое плечо. — Это неосновная его сокровищница, жми, не бойся. Вот в основной, думаю, чужака до основания испепелит.

— А тут, если что, только огнем погладит? — не могла не съязвить, потому что страшно

было. Это не игровой квест, где тебя разве что водой обольют, а магический мир, в котором ведьм до сих пор живьем закапывают.

— Ну что ты, в самом деле, как маленькая, — Прохор надавил на мое плечо когтями. — Дракон тебя в семью принял, дурья башка. У вас, благодаря этим браслетам, даже аура схожая после консумации станет... — я дернула плечами, и ворон сразу исправился. — То есть, могла стать, если бы мы с тобой не были такими умными и не решили сбежать. Но факт от этого не меняется. Ты даже в его сокровищницу теперь войти сможешь.

Не стала больше тянуть, с силой надавливая в выемку указательным пальцем. Послышался треск дерева и панель внизу разъехалась в стороны.

— О-о-о-о, — протяжно вывел Прохор. — Да тут на годы безбедной жизни...

Нам действительно открылось невероятное зрелище — внизу шкафа был потайной ящик, наполненный сокровищами. Сверкали золотом и драгоценными камнями кольца, браслеты, пояса, рукояти мечей и ножей.

— Ты давай губу не раскатывай. Возьмем только книги и нож вот этот. Он маленький, как раз мне в руку хорошо ляжет, — сразу осадила я Прохора. А то kleптомания не только у драконов процветает, но и у воронов в чести.

Прохор немного обиделся, но главное, что лезть не стал.

— Давай скорее, Мил. И на кровати из одеял сооруди свое подобие. Если дракон заглянет, подумает, что ты спишь.

Я в этом деле мастер, Детским домом выученный. Споро скрутила из покрывала кокон, и уложила так, чтобы напоминало человеческое тело, скрюченное под одеялом.

— Через окно давай, Мил. У драконов нюх обостренный в период гона.

— Что? Какого гона? Думай, что говоришь! — убила бы этого ворона, честное слово.

— А ты что думала? У драконов 2 ипостаси, и повадки тоже характерные. Обряд был, браслеты на вас застегнулись, сейчас императору его дракон сигналы недвусмысленные посылать начнет. А человек перед драконом слаб, Мил, звериное скоро свое возьмет. Так что, консумация брака, если бы ты решила остаться, лишь вопрос времени.

— А мне из окна что, прямо так прыгать? — решила я сменить тему. Потому что, то звериное, что есть в Илларе, меня пугало. Причем сам дракон в звериной ипостаси — нормальный, если опустить нашу первую встречу. Но там он меня за добычу принял, можно понять и простить. Зато, когда меня во дворец нес, сжимал в лапах бережно, на спину поймал удобно, даже не поранив, да и урчал довольно, будто бы только я ему и нужна. А вот когда сам Иллар рычал и когти выпускать начал, страшно было до чертиков.

— Метлу призови.

— Интересно как? Тут расстояние немереное, а метла в лекарском домике.

— Да она к тебе и в другой мир проберется, будь уверена. Ведьмовская метла, когда хозяйку обретает, уже от нее неотделима. Зови давай.

И я звала. Сначала шепотом, потом в голос, потом закрыла глаза и принялась нащупывать её по внутренней связи. Даже увлеклась этим процессом, а когда распахнула ресницы, прямо перед носом обнаружила черенок.

— Мчи быстрее ветра, — обратился к метле Прохор и та мигом прутья сгладила, встрепенулась, готовая исполнять.

— Прощ, а может, не надо? — заблеяла я. Потому что быстрее ветра мчать, было очень страшно.

— Нам до темноты нужно в избушке обряд провести, укрепить выстроенные вокруг

блоки. Потому что дракон знает, где изба стоит. Сама говорила, что видела кого-то поблизости, а потом на нас дракон напал. Таких совпадений не бывает.

— И что? — я даже сглотнуть боялась.

— Надо такой мощный блок навесить, чтобы он, подойдя к нужному месту, плутал в трех соснах, а как зайти не понимал.

— Я боюсь, что у меня магии больше нет, — призналась я в том, что терзало меня сильнее всего.

— Есть, никуда не делась. Я чувствую.

Выдохнула, будто гора с плеч свалилась. Терять способность лечить я не хотела. Куда бы нас ни занесла жизнь, в таких услугах всегда будут нуждаться.

Я и опомниться не успела, как метла, подхватив сначала узелок с книгами, а потом и меня, понеслась высоко в небо. Быстрее ветра унося меня от дворца императора.

Я и глазом моргнуть не успела, как была мешком свалена на землю. Подняться получилось с трудом, ноги дрожали так, будто кросс пробежала километров на пять, не меньше.

Сегодня светило солнце, ласково шелестел ветерок и сладко благоухали цветы. Знакомый маленький домик приветливо распахнул своей хозяйке двери, а на подоконнике маячила фигурка радостно подпрыгивающей куколки.

— Соскучилась... — протянула я совсем тихо, но из домика тут же послышался ответный писк.

— Соскучилась, соскучилась, соскучилась.

Я улыбнулась. На душе вмиг стало светло и спокойно. Тут мой дом, место силы, и чтобы император ни задумал, я за себя постоять сумею. Понять бы еще как, учитывая то, что подсказок от ведьминской сути в ближайшее время не будет.

Зато у меня помощник есть. Который, если не хочет еще лет сто безголосым вороном сидеть, пусть отрабатывает.

— Про-о-ош? — позвала я, кстати вспомнив о его существовании. Он, как метла меня «быстрее ветра» помчала, тут же из поля зрения пропал, видимо, опасаясь быть ненароком проклятым. — Выходи давай, я уже добрая.

— Добрая она, как же, — раздался приглушенный голос. Так, что и непонятно было откуда. — А кто кричал, что хвост мне оборвет, когда поймает, а?

— Да я ж любя, выходи, — и сказала же вроде ласково, но ворон затихарился еще тщательнее.

Ну и ладно, я хоть Лилу потискаю, пока время есть. А то, едва границу императорских владений преодолели, предчувствие какое-то крутить начало. Волнение что ли, тоска ли...

Даже головой мотнула, чтобы прогнать наваждение. Какая тоска? Я этого дракона едва знаю, он меня убить решил, когда перестану быть нужной! Не иначе браслеты свое влияние оказывать начали...

— Привет, — сказала, еще и порог не перешагнув. Потому что маленькая куколка запрыгнула на меня с разбегу, уцепившись за ткань юбки.

— Привет, привет, Мила, — пищало это чудо, с цепкостью обезьянки карабкаясь вверх. И успокоилась, лишь когда уселась на плечо, обхватила шею крохотными ручками и прижалась тканевой головой к моей щеке.

Прелесть. Или оружие замедленного действия, это как посмотреть. Ведь если кто-то узнает, что у нас аура одинаковая... Даже думать не хотела о такой вероятности, но упрямые мысли лезли в голову. Все эти абстрактные «кто-то» формировались в образ вальяжно развалившегося дракона, легко рассуждающего о моей смерти.

— Прощ, давай скорее защиту лепить, — придерживая Лилу одной рукой, высказалась я. — А то ж страшно.

— Кому, мне? Конечно, страшно. Мало того что ведьму непутевую в хозяйки выдали, так еще и муженька её неадекватного теперь всю жизнь терпеть, — я до сих пор его не видела, но смогла разобрать, откуда шел звук.

Поэтому напрямик направилась к полке с банками и коробочками, где в самом углу, сливаясь с тенями, притаился ворон.

— Если ты мне прямо сейчас не поможешь владения укрепить, терпеть станет некого! — гаркнула, отодвигая банку с какими-то корешками. — Это что, кстати?

— Ой-ой, поставь на место, — Прохор лапой попытался снова задвинуть банку на место, но силы были явно неравны. — Это корни мандрагоры, вон начала бы учебники штудировать, тогда бы знала.

— А когда мне их штудировать было, скажи на милость? — возмущение из меня так и валило. — Я спала-то за двое суток всего три часа!

— Спала ты три часа потому, что полезла в пекло, спасать драконов! А могла это время с пользой потратить на изучение магических книг. Упущенные возможности, знаешь о таких?

— Ты мне еще Смита с Визером процитируй, умник!

— Знаешь, чем мандрагора опасна? Исполнишь хоть букву в заклинании, и она может стать ядом. Как тебе, ммм? Хотя, кому я говорю, ты все равно ни одного заклинания не знаешь.

Ворон повернулся ко мне задом, забросив даже банку с корешками мандрагоры. Всем видом демонстрируя свое ко мне отношение.

— Я пошла в сад, силу свою вхолостую расходовать, потому что на месте сидеть все равно не могу, а помощники у меня перевелись.

Вот как была, так и вышла. Книг нужных тут все равно нет, а те, что в корзине лежали, для иных целей предназначались. Прохор меня, безусловно, расстроил, обвиняя необоснованно, но и его понять можно. Ведь если хозяйка ничего не умеет, то и убить её проще простого.

Качели в саду манили поскорее присесть, но я упрямо их игнорировала. Мне не нужно изобретать велосипеды, мопеды и прочие средства передвижения, ведь важное просто дремлет внутри. Когда в первый раз испугалась дракона, то чисто на интуитивном уровне обряд провела. Прохор еще интересовался откуда у меня такие знания.

Ведовство у меня в крови, и истинной ведьме даже слов не требуется для того, чтобы колдовать. Это не целительство, где магию нужно уметь направлять и тщательно контролировать дозировку, и даже не зельеварение, где важна каждая сказанная буква в словах заклинания. Это то, что живет у меня внутри. Магия. Нужная сейчас для того, чтобы еще более обезопасить дом и тех, кто находится под моей защитой.

Магия. Я зажмурилась, пытаюсь снова ощутить в себе то ослепительно яркое солнце, что взорвалось совсем недавно, но уловить удавалось лишь слабые отголоски.

Снова и снова. Раз за разом. Пока злость не взяла верх над желанием быть независимой. Пока нога с размаха не угодила в одну из шпакетин забора. Пока боль физическая не перекрыла потребности хоть раз сделать что-то самой.

— Мил, ну всё... всё, — Прохор в человеческом облике развернул к себе, прижимая мою голову к своему плечу. Он гладил по волосам, давая выплакаться, и только когда из меня полились не слезы, а сухие рыдания, снова заговорил. — Я же как лучше хочу, а ты лезешь не туда. И реагируешь всегда так, что я больше тебя страдаю. Мне, думаешь, легко, когда ты рыдаешь или обижаешься? Да я сам себя сгрызть готов.

Прохор вздохнул тяжело, поправив намокшую от моих слез скатерть. Повязал ведь сам, без напоминаний. Что говорило о его отношении даже больше оправдательных слов.

— Я вообще не знаю, как с тобой разговаривать. У меня хозяйка до тебя другая была. Все умела сама, делала без подсказок. Молодая да, но местная, дело по делу обученная. Бойкая, взрывная, честная очень. Вроде и похожи вы, но параллель провести не могу. Другая ты, Мил. Я не знаю, как это объяснить, но ведьма истинная никогда дракона в приоритет не поставит. Она может себя до изнеможения довести, людям или лесу помогая, может всю силу свою другой ведьме отдать, если так нужно, но драконы — это табу. А ты по первому зову в логово главного вражины полетела и думаешь, что так и надо. За что и поплатилась.

Прохор меня отстранил немного, чтобы лицо можно было видеть.

— Он тебя убьет, не задумываясь, Мил. Я уже говорил, повторю еще раз, чтобы ты, наконец, уяснила. Илларон ведьм на завтрак ест, и на ужин ими закусывает. За красивым фасадом скрывается гнилое нутро. Ты все сама слышала и сейчас думать должна, как от браслетов избавиться, свою жизнь сохранив. И если все действительно так, как он говорил, то выход только один...

— НЕТ! — я вырвалась с силой, отлетая от Прохора к деревянному забору. — Убивать мы никого не будем!

— То есть, будешь тут взаперти сто лет сидеть, надеясь, что он о тебе забудет? — он насмешливо мне поаплодировал. — Отличный план... был бы, не свяжи он ваши жизни. Брачные браслеты не дадут ему забыть! Наоборот, они будут подогревать интерес! Да ты и сама через неделю взвоешь. От жажды хотя бы его увидеть.

— Что это за мир такой! — я сложила руки на груди, закрываясь от своего помощника на виртуальный замок.

— Жестокий мир, где за убийство ведьмы дворец в награду дают. Отгадай, сколько желающих? Да тебя в лекарской похитить не попытались лишь потому, что не выяснили еще — истинная ты ведьма или так. Это во времена прошлого императора всех подряд губили, а сейчас простых ведьм отпускают сразу, за ними и охотников нет.

Прохор это все говорил серьезно. Он не пытался сейчас меня припугнуть, или преувеличить существующую проблему. Все так и есть.

То есть, пока я выкладывалась на полную, людей спасая, кто-то из них мог держать за душок в мою сторону камень. Вот уж воистину — жестокий мир.

Видя, какой паникой наполняются мои глаза, Прохор поспешил добавить:

— Я возле тебя находился постоянно, следил за всеми. Прямой опасности не было. А уж когда император пришел, то и подавно. Он — главная опасность и есть, а все остальное, лишь жалкая шелуха. Ты бы освоилась чуть-чуть, я тебе показал, как укрепить защитный контур. У хозяйки прошлой такой стоял, чужаков со злым умыслом еще на подходе за несколько миль откидывал, а тех, кто насквозь прогнил, памяти лишал. Так что к нам скоро только отчаянные и совались, да и не ненадолго.

— Однако ж, ты без хозяйки остался... — не знаю, зачем это сказала. Страх, что всколыхнулся было от слов Прохора, тут же и сгинул. Я спокойна сейчас была, впитывая любые знания об этом мире, словно морская губка.

— Выманили... Император прошлый со свитой. Там и нынешний был, кстати, только держался обособленно. Да и я, разведать обстановку отлучился, так что не видел ничего толком. Только после этого, Мил, императора с императрицей погибшими объявили, а ведьма моя так в дом и не вернулась. Делай выводы.

— А как выманили, Прош? Сам же сказал, что к драконам на помощь истинная ведьма не пойдет.

— Не знаю, Мил. Она меня отослала лес осмотреть, контур на избушке проверить. А когда я обратно летел про облаву доложить, её и след простыл.

Я ведь понимала, что Прохору тяжело. Ведь к тому, с кем много лет бок о бок соседствуешь, поневоле любовью проникаешься, дружбой, симпатией. Он выглядел равнодушнее некуда, но на самом дне глаз плескалось отчаянье.

Прохор винил себя в случившемся. Не уберег ведьму свою, повелся на провокацию. Ведь специально она его отослала подальше, желая хоть помощника своего спасти. Предчувствовала беду, или сон какой видела, но знала, что этот день закончится её гибелью.

И снова в памяти всплыло безобразное лицо в зеркале и тяжелый сон ночью:

Ведьма-ведьма уходи,

И дракона уводи,

Он кусается, а ты

Хороша до дурноты.

Забирай и петуха,

Не пройдет за жениха,

Ну а зелье пей сама,

Лето станет, как зима.

Ведьма-ведьма уходи,

До греха не доводи!

Вдруг и в словах этой детской песенки есть тайный смысл. Вдруг их придумала маленькая девочка, после очень яркого сна...

По коже поползли мурашки, и обдало порывом ледяного ветра.

«Ведьма, ведьма уходи, и дракона уводи» — девочка видела смерть ведьмы во сне и то, что она заберет с собой дракона. Мог же император перед своей кончиной начать трансформацию? Мог, и скорее всего, так и сделал. Потому что зверь, чувствуя гибель, на уровне инстинктов должен был попытаться спастись. В драконьей ипостаси быстрее происходит регенерация, имеется невероятно прочная чешуя и огромные крылья, одним взмахом способные поднять в воздух, значит, и выжить в критической ситуации шансов больше.

«Забирай и петуха, не пройдет за жениха» — а может быть, и не петуха, а ворона, который в тот момент просто выглядел немного иначе, и на месте происшествия обернулся человеком. Или же наоборот, девочка увидела человека, который неожиданно обернулся в птицу.

— Прощ, расскажи-ка поподробнее, как ты узнал, что хозяйка твоя пропала?

— Что? — Прохор от моего вопроса напрягся весь.

Ну точно, скрывает что-то паршивец. Но я не я буду, если его на чистую воду не выведу.

— Вот отослала тебя хозяйка полетать, ты, весь такой послушный, помчался, увидел, что император со свитой облаву готовит. Обрато прилетел, её нет. А дальше-то что? Скромно сидел на лавочке несколько дней, ожидая ведьму? Ни в жизнь не поверю!

— С чего такие вопросы? — Прохор сверкнул глазами, нервно оправляя узел скатерти на плече.

Так-так. А вот и сигналы тела пожаловали.

— С чего надо! Ну так что, полетел ты в самый эпицентр, да?

— Ми-и-ил... — простонал этот недочеловек, сразу обращаясь в ворона, только скатерть лужицей на землю стекла.

— Ты зачем опять в ворона обернулся? Чтобы я выражение твоего лица разглядеть не смогла?

— Мне в образе ворона проще, — Прохор забрался на ближайшее деревце, теперь взирая на меня сверху вниз.

— Хорош заливать! Как все было, рассказывай!

— А что я должен говорить, когда ничего не видел? Там сначала зарево огнем горело, потом золотые круги расходились. А потом, почернело все разом, будто половину леса выжгло.

— А ты человеком был, или вороном летал? — не желала отставать я. Потому что неожиданно встало на путь истины, и останавливаться на достигнутом не желала.

— Вороном! А как на место прилетел в человека обернулся, но и минуты не прошло, как меня в ворона перекинуло и обратного оборота я больше сделать не смог.

Вот оно что. Сходилось всё. Ворон в зареве красного, золотого и черного мог запросто показаться ребенку петухом. И человеком он тоже был. Но что для маленькой девочки кажется красивым? Яркий наряд, экстравагантная шляпа, плащ, в конце концов, как у истинного принца. А не обнаженное тело, пусть и не лишенное некоторого рельефа. На «жениха» Прохор в тот момент явно не тянул.

Такс, первый сон мы разобрали, но ведь был и второй. В котором бедно одетые дети играли в сожжение ведьмы.

— Прощ, а хозяйка твоя бывшая кем была до того, как на пост свой вступила, м? Из богатой семьи?

— Пф-ф, Мил, ведьм истребляют сотни лет уже. А дар это зачастую потомственный, пусть и проявляется не в каждом колене. Вот и подумай, в каких условиях нынешние ведьмы живут, если их матерям и бабушкам приходилось всю жизнь скрываться. Хорошо еще, когда открывается дар, их быстренько свои находят и обучают тайно.

И это сходится.

Девочка, росшая в захудалой деревне, видит во сне страшный сон, который с ужасающей четкостью откладывается в памяти. Она сочиняет считалочку, которая кажется взрослым забавной песенкой, а детей вдохновляет на организацию игр. Только вот когда проявляется дар, девочка понимает, что сном увиденное не было. Ей удалось увидеть краешек собственной жизни, а точнее, жуткий финал.

Каково жить, прекрасно зная, чем всё это закончится и не иметь возможности ничего изменить?

И раз я с раннего детства видела кусочки из жизни своей предшественницы, мне эта судьба тоже была уготована заранее. Не бывает, ведь таких совпадений.

Неужели и Коробцов в моей жизни появился неспроста? Как и тот злосчастный поход к гадалке в образе Джека Воробья, оказавшейся черной ведьмой...

Трясти начало так, что зуб на зуб не попадал.

— Прощ, давай скорее защитный контур соорудим. И дверь в избу запечатать надо, чтобы никто Лилу обнаружить не смог.

— Да если мы общий контур усилим...

— Прощ! Я сказала, двойной сделаем. А лучше тройной, если силы останутся. Давай еще и на лес наложим защиту какую-нибудь, пусть даже и самую простенькую. Ты мне, главное, подскажи как.

— Ну, я основы-то знаю, но там заклинание всё равно нужно. Не просто к силе воззвать, как ты пробовала сейчас, а полноценное воздействие.

— Книгу мне! — я руку протянула в ожидании, а сама прислушалась к тому, что вне сада творилось. Тихо было, как перед бурей.

— Я под полом дома сейчас поищу.

Отлично. Тут еще и склад нужных книг имеется. Действительно, можно хоть сто лет пересидеть, скучно не станет. Книги есть, еще и из лекарской перетащить можно, корней и порошков для варки зелья — навалом. А уж если учесть, что ведьмы в этом мире живут безгранично, так сто лет самообразования, только на пользу мне пойдут.

— Вот, — Прохор снова был человеком, подпоясавшись в этот раз чем-то вроде половика.

— С пола поднял, что ли? — хмыкнула, головой указывая на цветастую вязаную тряпку.

— Что было, тем и обернулся, благодарна будь.

— Спасибо тебе, благодетель мой, — я в пояс ему поклонилась, выхватывая принесенную книгу. — А теперь объясняй подробно, и в дом прятаться.

— Мне ведьмина магия не страшна, — похвастался Прохор, мигом приосанившись, что на фоне его полуголости смотрелось крайне комично.

— А ведьмина с драконьей? — я с удовольствием отметила, как этот хвостун сразу начал сдуваться.

— Как это?

— На мне браслет, осененный огнем Великого Дракона, ты сам слышал, что Иллар говорил. И, скорее всего, сейчас моя магия будет немного другой. Не просто же так ведьминская суть заблокирована.

«Как не просто так и тебя хозяйшка в нужный момент полетать отослала», — подумала, но вслух не высказала. Там в лесу ведь три вида магии полыхало — драконий огонь, ведьминское золото и чернота чья-то.

— Вот смотри, — Прохор быстро нужную страницу в книге нашел. — Первая часть заклинания показывает какую ты хочешь навесить защиту. Простую, с отводом глаз, сложную с возможностью отслеживания умысла, — проговаривая, он тыкал пальцем в нужную строку. — Вторую часть применяют, если защита должна быть направлена конкретно на кого-то. Вот смотри: «фру», это фейри, «кри» — драконы.

— А ведьмы как? — спросила я вроде бы между делом, но Прохор сразу насторожился.

— А ведьмы — «нро».

— А черные ведьмы?

— Нет деления, Мил. Если поставишь, то ни одна ведьма не пройдет. Черная, светлая, истинная. Без разницы. Даже та, в которой лишь малая толика дара.

— Прекрасно. Дальше.

— Третья часть заклинания регулирует вливаемую силу. Если ты ударение ставишь на первый слог, готовься к большому оттоку магии, если на второй — все будет умеренно. Если на третий, значит совсем легкий щит, который и магии потребует лишь щепотку.

— Поняла. Всё, фьють отсюда.

Прохора, действительно, как ветром сдуло. А я сначала прочла заклинание про себя, и только потом повторила длинные сложные слова вслух.

— Прихинтуомоле нраткмирано глимат! Ниокмале кри, фру, нро, акто прумано! ЛА-мино-жти!

Я решила обезопасить территорию дома с садом ото всех, будь то драконы, люди, фейри или ведьмы. За последних даже больше всех переживала. Ведь, если меня сюда забросили специально, то скоро следует ждать гостей.

Отток сил был действительно колоссальным, но я и на ногах устояла и даже до крыльца дома дошла, лишь там позволив себе присесть.

— Прощ, глянь, получилось? Я магии своей отчего-то не вижу совсем, — и голос звучал на удивление твердо.

— Да... Ну ты даёшь, Мил. Это прямо ух-х-х было. Даже не так УХ-Х, вот!

— Это сейчас из твоего клюва типа похвала вылетела? — спросила, довольно жмурясь. Раз в первый раз получилось, за второй и третий можно вообще не переживать.

— Типа того, — Прохор тоже выглядел повеселевшим.

— Ну тогда времени не теряем, давай дом обезопасим, а потом в лес наведемся.

— Да ты не вытянешь три заклинания подряд, Мил.

— Поспорим? — я улыбалась теперь еще более довольной. Потому что зрело у меня в голове одно предположение, которое обязательно следовало проверить.

— Спорим. А на что? — у Прохора даже глаза заблестели. Неугомонная он птица!

— На то, что ты в случае проигрыша наведешься к дракону, посмотреть как у них там дела.

— Ты совсем, что ли, ку-ку? Мил?

— А ку-ку, это как? — а что, я ж из другого мира. Вдруг тут «ку-ку» совершенно другое.

— «Ку-ку», это когда кукушка из часов на секунду раньше вылетать начинает и каждый раз бьется лбом о закрытые створки! Вот целый день навывает и совсем «ку-ку» делается.

— Ммм, интересная теория. А у нас по-другому.

— Мил!

— Ты же все равно не поймешь меня, Прощ. Так какая разница. Волнуюсь я. Не за Иллара, а за сестер его. Так что, давай спорить.

— Ну ты все равно не вытянешь, так что давай!

Воронов клюв ткнулся в протянутую мной ладонь. На том и порешили.

— Слтай пока за пределы сада, лес посмотри.

— Ага, щас! Слетал я уже один раз.

— Ну тогда за калитку выйди.

Я снова ощущала себя бодрой, будто и не израсходовала с десятков минут назад уйму сил. Вот это я понимаю, польза брачных браслетов.

— Прихинтуомоле нраткмирано глимат! Ниокмале кри, нро! ЛА-мино-жти!

На доме защиты ото всех не требовалось, опасение вызывали лишь драконы с ведьмами. А вот вливаемую силу я уменьшать не собиралась.

Заклинание снова далось легко. И я счастливо рассмеялась. Это мне сейчас легко, а вот дракону, наверняка поплохело. Ведь раз браслеты уравнивают срок жизни в паре, так и магию должны. Она теперь у нас с Илларом подобна одному сосуду и будет переливаться туда, где более всего нужна.

— Пошли, Прощ, но ты проиграл, знаешь? — я подмигнула подозрительно шутившемуся ворону.

— Знаю. И когда лететь?

— Ну вот сейчас лес обезопасим и давай. Зато будешь уверен, что меня тут никто не съест.

Я попыталась залихватски свистнуть, но изо рта выскочило что-то совсем невразумительное. Прохор, не выдержав, закаркал, а я позвала метлу уже нормально.

— Метелка, на подвиги!

Подвиги метла моя не любила, а вот похулиганить — очень даже. Так что уронила меня пару раз, пока до центральной поляны добрались.

— Прощ, а чего она вредничает? — спросила шепотом, потирая рукой ушибленное бедро.

— Так у всех имена есть, а она просто «Метелочка».

— Правда? Никогда бы не подумала, что метлы настолько щепетильны. Но мне имя придумать в радость. Та-а-ак. Маришей будешь?

Метла дернулась из стороны в сторону, изображая несогласие.

— Наташей? Нет. Викой? Оу, ну ладно-ладно, — примирительно высказалась я, заметив опасное поползновение в сторону моего зада. — Любовой?

Метла радостно взметнулась высоко в небо, а у меня на душе еще светлее стало. Вот теперь все в порядке.

Милорада, Любава и Прохор. Отличная команда. Лила, конечно, обидится, но её брать с собой попусту опасно.

Заклинание снова прочиталось легко, а вот сил даже на слабый контур хватило едва-едва. Слабоват стал дракон, надо бы ему зелье, магию укрепляющее сварганить. А Прохор отнесет.

Я растянулась на траве, раскинув руки и ноги в стороны, как в детстве, когда на снегу делали фигурку ангела. А когда отдохнула достаточно и начала подниматься, у ближайших кустов заметила что-то белое. Неужто гриб такой огромный?

К добыче пришлось ползти. А вот разглядев получше, меня чуть инфаркт не хватил.

— П-прощ, Проша-а, — позвала с дикой паникой в голосе.

— М-м-м?

— Это что такое? — я вытащила из-под куста мужской кроссовок известной фирмы.

— Обувь какая-то, — совершенно спокойно ответил помощник. Будто он тут каждый день по паре современной обуви находит.

— Это обувь из моего мира, Прощ, — я едва не плакала от осознания масштаба случившейся катастрофы.

— Точно из твоего? — ворон в одно мгновение стал человеком.

— В тот день, когда меня сюда забросило, из портала выпал кто-то еще?

— Нет. Ты одна.

— Это кроссовок Сашки Коробцова. Он, когда меня засасывать начало, на помощь кинулся, — я не выдержала, заплакав. — И его расще-е-пи-и-ило!

— Что его? Расщепило? Да брось, Мил! Просто отбросило дальше. Лес-то под защитой какой-никакой стоял. Это когда ты до избушки добрела, все начало под тебя перестраиваться, чуя потенциальную хозяйку. А до того защита стояла предыдущей ведьмы. Да, ослабевшая со временем, но все еще действующая. И если помыслы у этого Сашки нечисты были, он летел дальше, чем видел.

— Тем боле-е-е, — продолжала выть я, сжимая в руках чудесный образец дизайнерского

искусства. — Он непонятно где. Один, без денег, знаний о мире. Он умре-ет с голоду-у.

— Ну ты же не умерла.

— Я ведьма-а-а...

И то ли я в последнее слово магию влила, то ли оно просто как ключ сработало, но кроссовок вспыхнул в моих руках иссиня-черным цветом, образуя глубокую воронку.

Я не успела ничего сделать, хотя и мелькнула мысль попробовать зацепиться за куст. Только крикнула: «Проша». А потом снова падала, падала, падала...

Падать было страшно и больно, но, самое главное, очень темно. А уж когда на грудь свалился ругающийся ворон и метла, прямёхонько в лоб, вообще паршиво стало. С одной стороны, хорошо, что не в глаз черенком, а с другой — шишка в половину лица мне все равно обеспечена. Да и ворон тяжел оказался.

— Чем тебя кормят-то? — прокряхтела, скидывая с себя барахтающуюся тушку.

— Спасибо скажи, что мне в полете перекинуться удалось. А то бы от тебя только лужица и осталась.

— Да ты и так тяжелый, как слонopotам. Слезь с меня, Прощ, зачем снова вскарабкался? Мне дышать нечем.

— На тебе мягко и нестрашно, — выдал ворон мне в ухо, немного царапая клювом.

— Ты, главное, в человека не перекидывайся, пока не вылезем.

— Скажешь тоже, я ж не дурачок какой, — выдал Прохор, удобно устраиваясь на моем плече. — Да и вряд ли получится. Такое ощущение, что мы от леса далеко.

— Пугать меня вздумал? Так мне уже ничего не страшно. За несколько дней такого повидала, сколько некоторые за всю жизнь не видят.

— Пф, то ли еще будет. Вдруг тут под ногами змеи...

Я не знаю, как не закричала. Железная сила воли, не иначе. Змеи, пауки и тараканы — практически моя фобия.

— Ты сейчас лапками пешком пойдешь! — прошипела, похуже змеи.

— Ну конечно. Что ей еще делать? — Прохор вздохнул тяжело и жалобно. — Только угрожать бедной птичке. А могла бы уже встать, светоч вызвать, оглядеться, наконец.

— Что еще за светоч? — честно сказать, совсем вставать я боялась, потому что непонятно куда мы попали. Пол явно земляной, а, значит, все перечисленное Прохором тут вполне может быть.

— Учить тебя и учить...

— Мы это уже проходили. Ты по делу давай! — перебила я новую порцию душевных излияний.

— Нащупываешь внутри себя магию. Какую-никакую, но ниточку улови, и дергаешь за нее, представляя огонек. Говоришь четко: «Нрумен». Только не перепутай. Нрумен — это лунный свет, а Нтумен — солнечный. Вызовешь солнечный, мы тут ослепнуть можем.

Ух, как это волнительно. Особенно когда в первый раз и чревато физическими увечьями.

Так что, я принялась старательно искать внутри себя магию. И вроде бы то же самое делала, стоя возле забора, но сейчас даже этого не выходило. Пусто и глухо, как в погребе.

— Беда, Прощ, — решила пожаловаться я, но только не на того напала. Это ж Прохор, который о сочувствии и не слыхивал.

— Ой, Мил, хватит прибедняться. Как магию у дракона своего ведрами хватать, так это она первая. А как на маленький светоч позаимствовать, так не знает, как это делается.

А ведь и правда. Моей магии тут нет, так можно же у дракона взять. Для этого даже делать ничего не нужно, просто начать говорить заклинание, она сама потечет в необходимом объеме.

— Нрумен, — прошептала тихо-тихо, будто от звука тоже зависело, как загорится

светоч.

В моих руках медленно начинал разгораться огонек. Сначала совсем тускло, рябя и мерцая, но с каждой секундой все ярче.

— Что-то твой дракон совсем отошал, — довольно проговорил Прохор. — Надо почаще территорию укреплять, глядишь, совсем ноги протянет.

— Прощ! — осаждала я его, внимательно оглядывая то, что нам открывалось в пока еще тусклом свете.

— Так это не убийство, Мил! Это доведение до истощения. Ты про второе ничего не говорила...

Но я Прохора уже не слушала, потому что все внутри стыло от ледяного ужаса. В паре шагов от нас у земляной стены была цепями прикована женщина, и чем ярче пылал свет, тем страшнее мне становилось. Потому что яма была огромна, и заключенных тут было не счесть.

— Прощ, они ведь живые? — я говорить в голос уже не могла, только хрипела. Потому что и без подсказок своей сути знала, кого вижу перед собой.

Ведьмы, которых император посчитал опасными. Это было настолько омерзительно, что меня начало мутить. Подлость, в наивысшем её проявлении.

— Прощ? Ответь мне, пожалуйста, потому что иначе я сама проверять пойду. И если вдруг что, за себя не ручаюсь, — голос осип окончательно, и последнюю фразу я произносила уже сухим шепотом. — Мы ведь шумели тут, и ни одна голову не повернула.

— Мил... Мил... — у Прохора слов, видимо, тоже не находилось.

— Да скажи ты мне хоть что-нибудь! Просто говори.

Внутри меня в тугий клубок закручивались чувства. Сплошь негативные, отдающие грязью и гнилью. Казалось, что еще виток, и из меня потоками хлынет желчь и горечь. А еще — что я все-таки иссушу дракона неожиданным выбросом магии. И мне даже будет его не жаль.

— Это все странно очень, Мил. Потому что ямы Илларион отменил. При его отце, да, но Илла....

— Не произноси больше при мне его имени! — у меня даже голос прорезался. И от переизбытка чувств магия все-таки просочилась в светоч и тот резко пошел в рост.

— Не буду. Ты, главное, не нервничай. А я пока слетаю проверю, что оно как.

— Слечай.

Эта яма обладала какими-то антимагическими свойствами, направленными исключительно на ведьм. Ведь своей силы я до сих пор не чувствовала, а вот драконова магия отзывалась до неприличия легко.

Прохор завис сначала над одной ведьмой, потом полетел к другой. И даже метнулся к третьей, когда я поняла, отчего он так нервничает. Губы той, что висела ближе всего ко мне, шевелились. Она что-то совсем тихо шептала, но пребывала в каком-то трансе, ведь на кружащую рядом птицу не отреагировала вовсе.

— В общем так, Мил, — незамедлительно выдал, присевший на мое плечо ворон. — Живые они. Все. И вроде как даже между собой переговариваются. Но то ли слепые...

— Эй! — крикнула очень громко, еще и ладонями несколько раз хлопнув. Никакой реакции. — Угу. И глухие к тому же. Однако, между собой переговариваться могут.

— Может, ну это все, а? Давай из ямы выбираться и домой.

— Ну уж нет. Как я своих на произвол судьбы брошу? Да и ты — помощник ведьмы, если что.

— Если что, я конкретно эту ведьму и берегу. А на остальных мне начхать. Ведьма ведьме рознь, Мил. Есть такие, что руку протянут всегда, а вот от черных даже истинным держаться подальше стоит. Тьма разъедает так, что даже свое племя чужим воспринимается, — бурчал ворон мне в ухо. — Вот спасешь ты сейчас их, а они черные все, как одна. И вместо себя, тебя прикуют, чтобы внимание драконов отвлечь.

Я головой понимала, что он прав, только ноги идти отказывались.

— Нет, Прощ.

Сверху послышался скрип, и ворон завопил мне в ухо:

— Туши светоч, туши!

Если б я еще знала, как...

— Супро скажи, Мила!

— СУПРО.

Темно стало, будто непроницаемое покрывало сверху набросили. Даже дышалось с трудом. А скрип все нарастал, норовя превратиться в гул. Я даже уши руками зажала, едва не свалив с плеча ворона.

— Прижмись к стене, — выдал Прохор прежде, чем мрак ямы прорезал яркий дневной свет.

Я послушалась безоговорочно. Ясное дело, что если меня здесь обнаружат, то цепями к стене не прикуют, а отправят сразу к Иллару. Но и в этом хорошего было мало. Один раз нам удалось сбежать, потому что этого не ожидал никто. Второй раз император дурить себе голову не позволит. Да и Прохора за стены дворца поспешит выставить. А без верного помощника я теперь как без рук.

Сверху, поддерживая себя воздушной петлей, спускался дракон. Не в ипостаси, конечно, но их расу вполне можно было определить по некоторой массивности телосложения, надменности взгляда и исходящей волны опасности. Я на физическом уровне ощущала чужую агрессию. Только вот источников было несколько. Ведьмы ненавистью практически фонтанировали.

— Рыжая, на выход, — выдал дракон, указывая рукояткой хлыста на молоденькую ведьмочку, прикованную третьей. И даже за слоем грязи, украшавшим лицо, тонких черт скрыть было невозможно.

Она была красива, юна и, несмотря на ужасные условия содержания, не сломлена. Девушка даже не вздрогнула, когда дракон, воздушным хлыстом стеганул по ее кандалам.

— На выход!

Я, не выдержав, дернулась в их сторону, но все-таки смогла себя остановить, не сделав и шага. Дракон повернулся, почувствовав дуновение ветра, вызванного моим неосторожным движением. Он невероятно точно определил наше местоположение, и теперь прожигал тяжелым немигающим взглядом.

— Мил, не трусь, он нас не видит, — прилетело мне в ухо, разрезая сгустившуюся тишину.

— Как это не видит? — прошептала вмиг пересохшими губами.

— Вот эта рыженькая, хозяйка моя. Я сначала не узнал, приглядываться пришлось. Понимаешь, что это значит?

— Что? — мой мозг полученную информацию усваивать не желал, потому что дракон в это время, перестав на меня смотреть, начал активно принюхиваться.

— Мы в прошлом. Башмак оказался порталом, привязанным ко времени.

— Что?

— Да соберись ты уже! Размазня, а не ведьма! — Прохор в порыве недовольства меня даже клюнул. — Нас не видят и не слышат, но почувствовать могут. Заметила, как дракон напрягся?

— А надолго мы тут? — я, наконец, смогла сосредоточиться на том, что говорил Прохор, и даже начала его понимать. Но и за драконом наблюдать продолжила, ведь если он не поверит своим глазам и решит этот угол проверить, нам крышка.

— Не знаю, Мил, но резких движений не делай.

Цепи, которыми была скована хозяйка Прохора, со звоном упали на землю, и дракон, наконец, переключил внимание.

— Прощ, раз нас никто не видит, давай вмешаемся. Дракона по голове тукнем, ведьм освободим и хозяйку твою.

— Ты что! — громкий вопль грозил лишить меня слуха. — Если мы сейчас вмешаемся, все изменится и в будущем!

Ой-й-й. А ведь он прав. "Эффект бабочки". Никогда бы не подумала, что придется с таким столкнуться. Хотя то, что попаду в другой мир, уже само по себе невероятное чудо.

Хотя...

— Прощ, а, может, так и нужно. Ничего не делается просто так. Нас явно забросили сюда с каким-то умыслом. Вдруг, мы и должны были вмешаться. Своеобразная временная петля, и будущее, в котором мы существуем сейчас возможно только в случае, если мы изменим прошлое. Ведь хозяйке твоей всё-таки удалось сбежать!

Меня несло, но вдруг разом всплыли все сюжеты просмотренных ранее фильмов.

— А если нет? И вмешавшись, мы ввергнем всех в пучину войны? Освободим ведьм, а они всю императорскую семью за ночь вырежут, м? Кому от этого будет лучше?

— В любом случае сидеть в этой яме не вариант. Давай хотя бы посмотрим, куда хозяйку твою ведут. Как зовут её, кстати?

— Яромила.

— Хм. А имя-то у меня созвучное. Не потому ли к вам затянуло?

— Если бы только из-за имени затягивало, тут бы, наверное, уже паломничество случилось. Дар у тебя, вот и затянуло. Я же рассказывал.

— Странно это, Прощ. У меня имя очень редкое для нашего мира. А для вашего?

— У каждой расы свои особенности. Драконы вот живучи не в меру, эльфы тщеславны, фейри сами не знают, чего им надо, а ведьмы девочек такими именами нарекают.

— А-а-а, то есть, если я встречу, скажем, Ярославу, то она скорее всего окажется

ведьмой?

— Скорее всего. Но имена такие не с рождения даются, а после прохождения обучения. В 12–14 лет примерно, перед тем, как отпустить девушку на вольные хлеба.

— Что? В 12 лет ребенок уходит в самостоятельную жизнь? — из меня возмущение так и перло.

— Нет, конечно, под присмотром старшей наставницы. Но если ведьма истинная, то лес её и в 12 призвать может, и раньше, если такая необходимость есть. Яромила вот молодой пришла, но уже прошедшей обучение.

— Не только обучение, Прош. Но, похоже, еще и императорские пытки с заключением.

— О таком интересоваться не принято.

— Вот поэтому и представилась возможность всё своими глазами увидеть, — я, наконец, дождалась, когда дракон на Яромиле кандалы застегнет и приготовилась следовать за ними. Нащупала древко метлы, сжала её в руках, надеясь на то, что она мой посыл уловила. — Крепче держись, Прош!

— Ты что задумала? — тут же встрепенулся ворон, но когти в плечо вонзил.

— Нам нужно прошмыгнуть в проем сразу за драконом и держаться к нему максимально близко. У них там наверняка ловушки на ведьм расставлены, а у меня суть хоть и спит, но ведьмой-то я быть продолжаю.

— Ох и бедовая ты!

— Полетели! — скомандовала, быстро оседлав метлу, потому что именно в этот момент дракон привлек к себе девушку и взмахнул рукой, создавая едва заметную для глаза воздушную волну.

Адреналин в крови зашкаливал. А как иначе, когда от одного сантиметра расстояния зависел успех всей операции. Мы едва-едва успели выскочить из ямы, когда крышка захлопнулась. Огромная, невероятно тяжелая, она бы нас просто расплющила.

— Все, Прощ, слезай, — я дернула плечом в попытке скинуть трусливую птицу. — До крови мне кожу разодрал когтями своими. Драконы меня могут теперь учуять.

— Так залечи, заодно магию свою проверишь. Из ямы-то выбрались.

— Легко тебе говорить, а я только обезболивание наизусть и помню...

— Да тут даже заклинаний не надо, это же не кого-то лечить, а себя. Взяла, пустила по всему организму магию, все мигом пройдет. И даже паниковать перестанешь не по делу.

— За драконом следи, — высказала ворону здравую мысль. Потому что боялась, что пока себя лечить буду, стражники Яромилу уже уволокут куда-нибудь.

— Да они пока яму не запечатают, с места не сдвинутся. Вон уже и силу объединять начали.

Три одинаково одетых дракона в данный момент действительно занимались запечатыванием подземной тюрьмы, оставив ведьмочку чуть поодаль, в кривовато нарисованном круге. Они выстроились треугольником и гоняли внутри него потоки красной магии.

— Дракониий огонь, — на ухо выговорил Прохор, продолжая восседать на моем плече.

— Я вот не пойму. Ты вроде смелый такой всегда, а сейчас трусишь.

— А вдруг пока летать буду, тебя снова куда-нибудь засосет? И останусь я тут навсегда, не зная, как выбраться.

— Да ну, Прощ. Раз попали в прошлое вместе, то и выбраться должны так же. Это закон временных дыр, — безбожно лгала, жонглируя несуществующими понятиями. Но, главное, говорить уверенно, а то ворон так и будет на моем плече ездить, вместо того, чтобы делом заниматься.

— Слезай! — повторила уже настойчивее. Слетай к хозяйке своей, может, поймешь, что за магия в этом круге.

Прохор подчинился, но до того неохотно, что мне даже жалко его стало. Но здесь стоило один раз отрезать, чем много раз неумело дергать в попытках оторвать.

Магия внутри подчинилась на зов неохотно, а уж по телу разливалась и вовсе с черепашей скоростью. То есть, даже на поверхности были расставлены какие-то блокираторы, но за счет огромной площади, на магию ведьм действовали рассеянно.

Так и не дождавшись полноценного распределения магии по организму, я начала оглядываться в поисках дворца. Хотелось элементарно понять свое местоположение, ведь на этой территории я уже была.

Я ожидала, что до замка будет рукой подать, но он оказался едва виден. Несколько километров по холмистой местности, захочешь пешком дойти, не доберешься. Зато здесь драконы устроили обособленную территорию с высокими тюремными башнями и отдельными зданиями хозяйственного назначения. Забор в два человеческих роста венчала тонкая полоса сверкающей магии, которая смотрелась очень похоже на нашу колючую проволоку. Ни дать ни взять, тюрьма строгого режима, только вместо рецидивистов — хрупкие женщины. Завершал картину высокий столб с прозрачной смотровой кабиной.

— Мил, — я очнулась от болезненного тычка в щеку. — Смотри!

Внимание удалось переключить не сразу, под таким я оказалась впечатлением. Зато, как поняла, что делается, едва на помощь не кинулась.

— Стоять на месте, испортишь сейчас все! — крикнул Прохор, закрывая мне лицо своим крылом.

Меж тем трое здоровенных мужчин, еще и вызвав подкрепление, пытались обуздать тонкую, словно тростинка, ведьмочку. Круг, в котором стояла Яромила, теперь полыхал золотом, её волосы длинными змеями взвились в воздух, а сама девушка напоминала богиню возмездия. Меня аж благоговейным восторгом пробрало.

— Они, похоже, круг криво нарисовали, вот Яромила магией воспользоваться и смогла, — счел своим долгом прокомментировать происходящее Прохор.

— Сколько ж силищи в ней! — восхищение было вполне объяснимо, ведь моя сила в таких же условиях едва изволила течь.

— Истинная ведьма, этим все сказано. Будешь учиться хорошо, тоже так сможешь, — обрадовал меня ворон, у которого в голосе мне послышались сентиментальные нотки.

Яромила взмахнула руками, повергая одного из драконов ниц, второго отшвырнуло к стене ближайшей постройки. Но врагов было слишком много, а силу ведьмы сдерживали многочисленные ловушки. Яромилу повалили на землю, и когда дракон замахнулся, мне пришлось срочно зажмуриваться. Еще и глаза руками прикрыла, лишь бы всего этого не видеть.

— Они ведь поплатятся, Прош? — прошептала, глотая огромный ком в горле.

— Увидим из первого ряда, Мил, — послышался полный горечи ответ.

Я не открывала глаз, пока не стихла страшная ругань. Драконы, как оказалось, знали очень много заковыристых слов. Яромилу спеленали веревками, словно одеялом, скрывая даже цвет платья, и волокли по воздуху с помощью магии.

Насколько же они её боялись...

— Куда её, на допрос? — спросила, на ответ не надеясь.

— Нет, пытаться будут.

— Пытаться будут для чего? У нас вот во время войны людей мучили с целью узнать секретную информацию, или если подозревали в шпионаже.

— А драконы пытаются просто так, — упрямо возразил Прохор.

— Нет, ну просто так над женщинами измываться, это даже для драконов перебор, — отчего-то ровнять их с фашистами не хотелось.

— Те, кому удавалось выжить именно так говорили.

— Значит, не до конца разобрались в ситуации. Кончай спорить, пошли проследим, — я, не обращая внимания на возмущенное сопение Прохора, двинулась в сторону драконовой процессии.

— Это замкнутое помещение, Мил, нас там раскроют.

— Ну, значит, так и должно быть. Этот скачок во времени дан нам ради какого-то важного знания. А стоя на месте, мы ничего не выясним. Тебе разве хочется вечно слоняться в прошлом невидимкой?

— Так прямо и вечно? — ворон вытаращил на меня один глаз. Там и второй, наверное, не меньше был, жаль не видно.

— А то. Пока не выясним то, зачем нас сюда послали. И пока мы тут с тобой зависаем, в реальности уже лет двести пройдет. Представляешь, вернемся, а там революция прошла, династию драконов свергли, анархия, хаос...

— Ничего не понятно! — рявкнул ворон, как заправская собака.

— Общий посыл ты уяснил, а эпитеты сам домысли, — сказала и перешла на бег. Потому что пока мы спорили, драконы успели рассосаться, а нам нужно было успеть прошмыгнуть в допросную за последним из них, чтобы не вызывать подозрений хаотичным открытием дверей.

— Успели, — прошептала, хоть и можно было смело говорить вслух. Но при таком скоплении драконов на квадратный метр, голос автоматически падал.

Допросная представляла собой просторное помещение, разделенное надвое магией. В дальней «комнате» оставили связанную Яромилу, а в той, что находились и мы, драконы начинали производить какие-то манипуляции.

Первым делом один из них, размахивая руками, поджег на Яромиле веревки. А я в ответ чуть ему по голове деревянной коробкой, тут валяющейся, не заехала.

— Это не драконий огонь, выдыхай, — прошелестел на ухо Прохор. — Смотри, она даже не морщится. Значит, не берет.

Я присмотрелась, оценивая эмоции девушки. Действительно, такое бесстрастное выражение на лице было бы невозможно удержать, пожирай огонь не только веревки, но и плоть.

То есть, драконы даже подойти к Яромиле опасаются, чтобы веревки снять, не то, что

без магического купола оставить. Тройная защита. Была. Теперь двойную оставили.

— Что-то затевается, Прош!

— И без тебя вижу. Но, если жуткое вытворять начнут, хватай меня и беги. Я без новой хозяйки остаться не хочу, даже если тут в беде старая.

— Какой ты приспособленец, однако, — я потрепала ворона по холке, чем заслужила недовольный рык. Прав он, тут и спорить нечего.

— На счет три запускаем подопытного! — дракон, выглядевший опрятнее всех остальных, сделал шаг вперед. То есть, главный тут, и в потасовке по пути в допросную, участия не принимал. Все остальные, как хрюшки были. Особенно грязь была заметна на парочке светломундирных.

Главный сделал пас рукой и стена, что служила перегородкой, пала, буквально на десяток секунд, не более, но этого времени хватило, чтобы запихнуть к ведьме донельзя потрепанного дракона. Магия тут же заискрилась вновь, а испытуемый натурально завыл.

— За что они так своего-то, — мне его было до слез жаль, потому что отчаянье дракона ощущалось буквально на физическом уровне. Он выл, безумно вращал глазами и пытался прогрызть магическую перегородку. И зная, на что способна обзленная и униженная женщина, дракон паниковал не зря.

— Это осужденный, Мил. Они бы нормальным членом общества не пожертвовали. Значит, натворил что-то, и его вместо наказания к ведьме.

— Какие продуманные, однако, — то есть, этого дракона все равно бы казнили. А так, он еще и в каком-то эксперименте поучаствовать успеет.

— Одним словом, драконы! — зло выплюнул ворон.

Над Яромиллой, тем временем, перестал сверкать защитный купол, и осужденный дракон, беспрестанно косясь в сторону ведьмы, сошел с ума окончательно. Он потерял над собой контроль. Звериным огнем полыхнули глаза, начало раздаваться вширь тело, на руках и ногах полезли длинные когти.

В нашей комнате началась паника, но Главный одним взглядом пригвоздил нерадивых подчиненных к месту. Он отчего-то был уверен, что оборот сможет остановить. Ну-ну, а мы с Прохором переместились поближе к выходу.

— За ведьмой следите! Мистрил, ты должен сканировать ауру, а не стрелять глазами на дверь! — голос Главного был тих, но пробирал до костей. Даже меня передернуло, не говоря уже о драконах, которые все как один, вытянулись в струнку.

— Слышала, Мил, они пытаются понять, как именно магия истинной ведьмы действует на дракона, ауры смотрят. Потому что это происходит именно на уровне аур.

Я понимала и слышала, но смотрела не на Главного и его прихвостней, а на то, как Яромилла, выставив вперед руки, начинает движение. Она надвигалась на дракона в состоянии полуоборота, не боясь вообще. Просто шла к цели, что-то беспрестанно шепча.

— Обездвижила его, — комментировал Прохор, когтями теребя ткань моей рубашки.

Неужели убьет? За то, что они с ней сотворили, действие абсолютно оправданное. Кровь за кровь. Но осознавать такую схожесть ведьм и драконов я не желала. Мы должны быть милосерднее, мягче. Не подставлять под удар вторую щеку, но хотя бы не уподобляться тем, кого уже много веков считаем врагами.

Яромилла медленно подошла к дракону, заставляя его опуститься на пол. Она закрыла глаза, ладонью проводя над обмякшим телом, а потом, пустив в ход магию, начала лечить. Сначала обезображенные попытками выбраться руки, потом ноги. В районе живота Яромилла

задержалась подольше, видимо, пытаясь исцелить пораженное нутро, но тоже справилась достаточно быстро, а вот, когда дошла до головы, замерла.

Я не знаю, отчего этого дракона посчитали виновным, за какое преступление обрекли на смерть, но он, безусловно, был наказан неспроста. И Яромила, должно быть, уловила странности в его психике. Но вылечить недуг телесный — это одно, с таким даже я, необученная ведьма справлялась. А вот сознание, тем более драконье, требует концентрации и другого уровня знаний.

Я смотрела на всё это, словно замороженная, и испытывала невыразимый словами восторг. И странный, неподвластный пониманию трепет.

Прохор говорил мне, что истинная ведьма никогда не станет помогать дракону. Чуть. Истинная ведьма поможет любому, кто действительно в этом нуждается.

Яромила начала раскачиваться из стороны в сторону, будто впадая в транс, а потом, открыв глаза, запела, длинно-длинно выводя строчку за строчкой.

Она пела, а меня корежило изнутри, потому что голос этот я бы узнала из тысячи. Он уже много лет был частью моих снов, с тех самых пор, как я начала вспоминать раннее детство.

Мне нужно было на воздух, потому что легкие начинали работать в только им ведомом ритме, то ускоренно перерабатывая воздух, то стопоря его на подходе. Я задыхалась, и одновременно с тем глохла. В ушах стучало набатом.

Бом. Бом. Бом.

Или это мое сердце неожиданно стало таким громким.

Я выскочила на улицу, тут же падая на колени. И, ощутив под ладонями траву, впиалась пальцами в землю. Мне это нужно было, чтобы не закричать.

Мама. Мамочка. Моя.

Прохор обмолвился однажды, что мы с ней чем-то похожи.

Я не помнила её лица, только голос. Тот, что сейчас выводил слова песни. Она и мне пела точно так же — протяжно, красиво, вкладывая в каждый звук свою душу.

Меня разъедала изнутри желчь и горечь. Хотелось встать, вернуться в допросную и, пользуясь драконьей магией, разнести все к чертовой бабушке. Чтобы знали, как мучить невинных. Чтобы и им было также больно, как маме полчаса назад.

Истинные ведьмы были обречены на истребление, драконы их выслеживали и губили с маниакальной жестокостью, только вот мама знала, что смерть к ней придет позже. Оттого и выглядела сейчас спокойной, собранной и даже слегка отстраненной.

Мама сумела выбраться из этой западни. Сама, с моей ли помощью, неважно. Главное, что выжила, стала полноправной хозяйкой леса, продолжила дарить исцеление страждущим. Но вот потом её снова загонят в ловушку. Император со своей свитой. Будут безжалостно гнать, словно дичь, наплевав на то, что сотни людей, которых лечила Яромила, останутся без помощи. Драконов будет волновать только то, что она — истинная ведьма, само существование которой уже является для них угрозой.

Десяток сильных мужчин против слабой женщины, которая, зная, что её ждет, постаралась увести их подальше от лекарской и своего помощника. Вновь защищая окружающих, вместо того, чтобы спастись самой.

Однако, вместо смерти её ждал другой мир.

Она все это заслужила — новую жизнь, семейное счастье, возможность стать матерью, пусть и ненадолго.

Мама хотела, чтобы встав взрослой, я смогла осознать свою суть, и оставила мне подсказки. Например, звала меня Ладушкой и забавляла созвучной игрой в ладошки.

«Ладошка раз, ладошка два,
Забудет ведьма все слова,
Была сильнейшей — раз, два, три,
А станет пеплом у земли.
Ладошка раз, ладошка два,
Смотри-ка, ведьма та жива,
Считает снова раз, два, три...
Забудь слова те и замри!»

Наконец-то кубики воспоминаний начинали складываться в подобие домика.

Считалочки, песенки, сны, видения. Все они принадлежали мне и маме, а не какой-то абстрактной ведьме, как я решила недавно. И в этот мир я попала потому, что должна была. Тут мой дом, и черная ведьма, построившая портал, оказалась лишь проводником высшей воли, какие бы цели себе ни ставила.

Кто-то опасный плел многоуровневую паутину заговора в обоих мирах и пытался втравить во все это меня. Только вот он просчитался, думая, то я стану играть по чужим правилам. Человек, выросший в современном мире, дураком быть априори не может. Игры со стратегическим уклоном, хитроумные книги и фильмы, квесты, наконец. Все это развивает мышление и дает прекрасную подготовку к любому жизненному выверту.

Меня забросили в прошлое, чтобы я своими глазами увидела, что из себя представляют драконы, и с болью в сердце оценила все, что произошло с мамой. А потом, преисполнившись жаждой мести, пошла вершить правосудие.

Только вот кроссовок я должна была найти сразу по прибытии, а не спустя несколько

дней напряженной деятельности в новом мире. И будь все так, кто знает, каким огнем сейчас пылало мое сердце.

Но я уже успела тут обжиться, многое узнала и поняла. Очень близко познакомилась с драконами и прониклась к сестрам императора сочувствием. Даже замуж умудрилась выскочить. А еще, я была правильно инициирована и сумела отстоять свое тело, загнав ведьминскую суть глубоко внутрь.

Все сложилось не так, как хотели заговорщики. И от осознания этого, стало чуточку легче. На смену раздирающей боли пришла мерзлота. Окутала все внутри ледяным коконом, не позволяя сорваться.

Я разжала ладони, отпуская ни в чем неповинную землю. Она впитала достаточно, чтобы на несколько метров в диаметре почернеть. Тут не было больше зелени и цветов, лишь промозглая пустота. Я выжгла все живое одними лишь чувствами, даже без произнесения заклинаний. Великая сила, очень опасная. И страшно подумать, что было бы, если бы я всю эту черноту не в землю, а сердце!

Я с трудом поднялась, оглядываясь. Не дай бог, драконы заметят изменения в ландшафте. Надо бы отойти подальше, пока они не начали выходить из допросной. Но не успела и пары шагов сделать, как в центре выжженного круга стала формироваться воронка.

То есть, права я была. Портал в прошлое действительно создавался для демонстрации жестокости правящей расы. А активатором временной ловушки служили мои чувства. Сначала — страх, а потом — жгучая ненависть.

Отошла подальше, не желая возвращаться прямо сейчас. Чувствовала, что почерпнуть тут можно еще много интересного, да и Прохор вылететь за мной из допросной не успел. Я, видимо, его с плеча смахнула, когда спешила на улицу.

Воронка схлопнулась также быстро, как начала закручиваться. Все было выверено очень точно, ведь в прошлое должно было засосать только меня, а не половину королевства.

Время, проведенное в прошлом, следовало ценить на вес золота, так что я решила обойти территорию по периметру, чтобы лучше ориентироваться тут в дальнейшем. Не задумываясь, шагнула за угол здания, сразу же утыкаясь в крепкую мужскую грудь.

Сначала испугалась так, что и голос сел, и руки затряслись. А потом браслетом обожгло запястье.

Отскакивая на несколько шагов назад, я уже знала, кого увижу перед собой. Брачный браслет вариантов мне не оставил.

Иллар. Совсем молодой, с собранными в неряшливый хвост волосами. Ему казалось не больше 16, а вот как на самом деле драконы взрослеют, для меня загадка. Ему могло и под 30 быть, но ответный испуг во взгляде и неподдельная растерянность говорили о том, что передо мной еще ребенок.

Взрослые драконы бояться не привыкли, но даже если и случится такое, никогда этого не покажут. Будут до конца хорошую мину делать и пытаться ударить в ответ. По крайней мере, мужчины, женщин сей недостаток миновал, хоть за это их Богам спасибо. Вон сестры у императора какие открытые, любо дорого посмотреть.

Иллар тоже отступил, внимательно оглядывая пространство перед собой. А я и пискнуть боялась, потому что действие этих браслетов может быть каким угодно. Он меня не видит, но вполне способен услышать.

— Здесь кто-то есть? — он действительно ждал ответа? Точно, ребенок. Доверчивый и открытый. Да если бы это ведьма какая под покровом невидимости скрывалась, в ответ на такой вопрос точно бы вторглась в ауру. Потому что, проще избавиться от свидетеля, чем самой быть раскрытой.

Он же явно почувствовал столкновение и понял, что перед ним живой человек, иначе бы не спрашивал. И сейчас Иллари следовало либо магию драконью применить, обезоруживая того, кто старался скрыться, либо пройти мимо, сделав вид, что не заметил.

Браслет раскалился и запахло паленой кожей. Я прикусила губу, стараясь не завывать от боли, но любопытство держало на месте. Почему Иллар вообще прячется, а не принимает участие в опытах и истязаниях? Неужели, не пускают, считая, что не дорос?

Драконы, и шадят детскую психику? Пф-ф-ф! Смешно!

Да они наверняка детям с рождения ненависть к ведьмам прививают. А тут наследник, единственный сын. Силком в допросную тащить должны, чтобы учился и понятие имел о сути взаимодействия на уровне аур.

Иллар дернул головой, начиная принюхиваться. Плохо дело, так и найдет, если будет представление иметь, куда руки тянуть.

Удивительно, но мысль, что попадусь в драконьи лапы, отторжения не вызывала, хотя несколько часов назад меня от такой перспективы буквально корежило. То ли, браслеты уже начинали влиять на сознание, то ли в голове не хотели стыковаться два образа одного несносного дракона.

Мне этого Иллара-мальчика вопреки всем законам логики хотелось защищать, таким он казался потерянным и одиноким. Древний, как мир, материнский инстинкт решил проснуться очень не вовремя.

Из носа Иллара тем временем повалил пар, а зрачок начал вытягиваться. И мне бы бежать подальше, чтобы не быть раздавленной гигантским ящером, но жуть как хотелось оценить размеры юного дракона. Вторую ипостась взрослого Иллара я запомнила отчетливо.

— Что за... — успел выговорить мальчик перед тем, как из его горла вместо слов стали

вырваться хрипы и рыки.

Он начал отступать сам. Один шаг, второй, третий. Подальше от глупой, зазевавшейся ведьмы, надворных построек и деревьев. Иллар в напряжении сжимал и разжимал кулаки, щурил глаза и хмурил лоб, но дракон внутри бесновался все сильнее. Это было видно по вмиг проступившим венам на шее, начавшей трещать одежде и покрасневшим глазам.

Еще шаг, последний перед полноценным оборотом. И передо мной уже возвышался дракон. Он щурился точно так же, как Иллар минутой ранее, и даже втягивал носом воздух очень похоже.

Словно под гипнозом, я шагнула ему навстречу. Это была самая настоящая тяга — дотронуться, ощутить под пальцами прохладу драконьей кожи, почувствовать его близко-близко.

Дракон смотрел четко на меня, и в огромных глазах отражалось золотое пламя. Моя суть, которую никому ранее рассмотреть не удавалось.

Ладонь легла на услужливо подставленную морду, и зверь заурчал. Именно зверь, не Иллар. Сознание мальчика дракон загнал на самое дно души.

— Нужно слушаться, слышишь? — пальцы покалывало от соприкосновения наших магий. — Будешь плохо себя вести, милый мальчик вырастет в противного императора.

Я журила мягко, но дракон внимал так, будто каждое слово для него было значимо. А потом раздался скрип открываемой двери и послышались возбужденные голоса.

— Все, кыш, — я махнула рукой и поспешила поближе к допросной, но громкий рык остановил меня у самого угла. Дракон, пригнувшись к земле, намеревался ползти следом. — Кыш, я сказала, ящерица-переросток! Домой лети, во дворец. Там папа-император заждался.

Дракон фыркнул, давая понять, что он обо всем этом думает.

— Ты меня выдашь сейчас, ясно? И посадят в яму, как остальных ведьм, — дракон пригнулся еще ниже, напоминая большую собаку, которая ждет сладкую косточку за своё послушание. — Вечером прилетай, когда эти все разойдутся, еще поговорим.

Он кивнул, поднялся, и в три прыжка преодолев огромную территорию тюремного комплекса, взвился в воздух.

— Послушный пёсик, — протянула я, собираясь прибиться к группе светломундирных. Они же явно высокопоставленные, а, значит, и информация им доступна самая секретная.

Надеюсь только, что маму уже увели. Видеть её измученной было выше моих сил.

— О-о-о-ой! — на плечо приземлился Прохор, тут же с силой тюкнув меня, куда достал. — На ко-ого ж ты ме-еня покуну-ула, — принялся протяжно выводить он, пользуясь тем, что нас никто не слышит.

— Перестань, слушать мешаешь! — осадила жестко, готовая уже перейти на бег, потому что шаг у драконов пошире моего будет.

— Сама сбежала, а я там чуть перья все от расстройства не потерял. Они ж...

— Ма... Яромилу в яму снова увели? — перебила Прохора, на эмоциях едва не выдав себя.

Ясное дело, что он мне собирался об опытах поведать. И я обязательно все это выслушаю, но потом, когда соберусь морально.

— Да. И что это ты такое задумала, а? — ворон взмахнул крыльями и залетев вперед, завис прямо напротив моего лица. Как у него это получалось, до сих пор понять не могла.

— Спасать хозяйку твою будем. Кто, если не мы!

— Мы с тобой говорили об этом, — сразу ощетинился Прохор, и теперь походил на черный пушистый шарик.

— Я же ведьма? — посмотрела ему в глаза, но перед этим оценила расстояние до шустро топающих драконов.

— Ну?

— Не ну, а так точно, госпожа ведьма!

Настроение неожиданно улучшилось и таким предвкушением прошибло, что хоть сейчас к ямам беги, окоп занимай.

— Мил! — Прохор сместился вбок, но смотреть осуждающе не перестал.

— Предчувствие у меня. Бывает такое у ведьм, сам знаешь. Вот хозяйка твоя почему помощника в особо важный момент подальше отослала, никогда не задумывался? Предчувствие у нее было, и она просто не хотела подвергать тебя опасности.

— Это ты сейчас к чему? Тоже отослать меня решила? Так знай, что я отказываюсь! Помирать, так вместе. Надоело мне в одиночестве кочевряжиться!

— Ну что ты. Предчувствие у меня, что если в прошлое не вмешаемся, быть беде.

— А ты знаешь, что когда врешь, губу нижнюю прикусывать начинаешь? — заявил ворон, снова залетая вперед.

Я тут же пальцами прикоснулась к губам, а Прохор зло сверкнул глазами.

Подловил, гад такой. Ничего я, когда вру, не прикусываю. В этом мире никому верить нельзя.

— Раз главная у нас ты, а я права голоса не имею, делай, что считаешь нужным. Просто взвесь все за и против, Мил. Например, что будет, если вернувшись, твое тело развеется сизой дымкой, просто потому, что изменив прошлое, ты своими руками лишишь себя будущего.

Этот философ, покрытый перьями, был абсолютно прав. Только вот у меня даже не ёкнуло ничего внутри и позитивный настрой не сбился. Значит, решение правильное.

Просто история пойдет по другому руслу. Да, не будет меня, зато у мамы появится шанс на иную жизнь, и уж она-то его использует как надо. Подыщет себе мужчину из местных, родит новую дочку, найдет в себе силы разобраться с драконами.

Драконы... Внутри меня заскребли когтистые лапы. Браслеты действительно работали, заставляя мои мысли вновь и вновь возвращаться к ненавистному супругу. Который уже и гадким перестал казаться.

Чертова магия! Чертов Иллар со своим обрядом! Чертовы кукловоды, которые пытаются заставить меня играть по своим правилам!

Мы, наконец, догнали важно вышагивающих драконов. Но разговаривали они, в противовес моим желаниям, совсем не о ведьмах.

— Что-то к нам принц зачастил. Уж не император ли тайные проверки устраивает? — тот, которого я приняла за главного, нахмурился.

— Вряд ли. Молодой просто, любопытный. Император же ему запретил в пекло лезть, пока заклинания нужные не усвоит, вот он и интересуется, — второй дракон, даже заложив руки за спину, выглядел заметно мельче.

— Не похоже. Он даже на оборот решился, намеренно привлекая внимание, хотя раньше

всегда издали наблюдал. Делай выводы. Нас предупреждают, что око императора вездесуще.

Ой-ой! Это же из-за меня Иллар в дракона обратился. А на самом деле хотел тихо и мирно понаблюдать из-за угла.

Прохор говорил, что я бедовая. Вот точно в цель попал. Одним своим появлением я шороха тут навела на годы вперед. А что будет, когда поймут, что Яромила сбежала...

От предвкушения даже ладошки чесаться начали. А, может, это магия моя потихоньку прорываться начинает, все-таки от допросной и ям отошли уже далеко.

— Девку завтра ко мне в кабинет. Будем дальше смотреть, но уже без посторонних. Она даже убогого, который опустился до дна, в порядок привела, — главный говорил с таким ледяным спокойствием, будто не судьбы людские вершит, а фигуры на шахматной доске переставляет.

— Так там безопасность на должном уровне не обеспечить, — несколько озадаченно выдал второй дракон. После предупреждения об Илларе, он волновался, хоть и не показывал это внешне. — Упустим, не дай Боги и Великий Дракон!

— От меня еще ни одна не ушла, — усмешка вышла до того жестокой, что мое живое воображение мигом нарисовало кучу обезглавленных ведьм и кровь на его руках.

Второй обернулся, проверяя на наличие посторонних вокруг, и только убедившись, что вокруг чисто, шепотом выдал.

— Так она же истинная. И сильная, что и вдесятером одолеть не смогли...

— О некомпетентности всего офицерского состава, и тебя в том числе, я представление получил. Сегодня лично усилю ловушки и защитную решетку на яме. А завтра начну штрафовать.

— Валим, Мил, — Прохор снова уселся мне на плечо, когтями сминая ткань платья. — Оно того не стоит!

Если бы не узнала я в Яромиле свою мать, может, и повернула обратно. Вызвала временную воронку, вернулась, нашла этого Главного, да поизмывалась как следует. Однако, я знала и оставить её тут не могла.

— Не могу, Прош. У меня свидание вечером.

— Пфр-ф-фр, — зафырчал он, но в вороньем обличье это получилось странно.

— С законным супругом, — я улыбнулась, замечая, как дернулся у Прохора глаз.

— Так это он от тебя так улепётывал?

— От меня, — я довольно зажмурилась, вспоминая красоту ящера. Интересно, эта функция и в будущем останется, или действует только на облик молодого дракона? Может, и не браслеты виноваты, а просто с возрастом драконы теряют свою привлекательность.

— Почувствовала что-нибудь? — ворон вывернул шею, пытаюсь заглянуть мне в глаза.

— Неа. Фигня эти ваши браслеты! — врала, чтобы он переживать перестал, а то и правда все перья вылезут.

— Времени, значит, мало прошло. Вернемся, в соседнее королевство податься придется. Иллар тебя в избушке даже через защиту вычислит.

— Подадимся, Прош.

Если в будущем я еще буду существовать.

— Ну так валим? — в его голосе было столько мольбы, что совестно стало.

— А метлу мою в допросной забыли? — поспешила я отвлечь своего помощника.

— Ты забыла, ты! — тут же поддался на провокацию ворон, чем изрядно меня

насмешил. — Сначала имя дала, а потом на произвол судьбы её бросила.

— Как думаешь, если я Любаву отсюда позову, она откликнется?

— Там ловушки везде. Так что, не знаю, Мил.

Прохору, как и мне, это было ужасно интересно. Метла ведьму свою на любом расстоянии почувствует, но завязано ли это на ведьмовской магии, или сцепка была на уровне аур.

Я расслабилась, нырнула глубоко внутрь себя и позвала. Протяжно, длинно, горячо. Так, что даже самой невыносимо на месте стоять стало, хотелось бежать Любаве навстречу.

Звон стекла огласил всю округу. Видимо, метла, покрутившись на первом этаже, и не найдя оттуда выхода, сунулась на второй. А вот там и окна имелись, и простор для деятельности.

Двор начали заполнять суесящиеся драконы. Офицеры и одетые не по форме. И даже Главный притормозил, внимательно вглядываясь в происходящее. За время нашего с Прохором разговора, он успел отойти достаточно и понять его недовольство теперь можно было только по жесткому взмаху рукой и стрелой метнувшемуся в сторону допросной подчиненному.

Да уж, второму дракону сегодня вообще не везет. Одни нервы.

Метла подхватила меня на полной скорости. А я от такой резвости и резкого набора высоты, едва штаны не обмочила. Без всякого смеха. Это она мне мстила так, что в допросной одну оставила. Наградила же судьба помощниками, один клюется, вторая к экстриму приучать вздумала.

Но ничего, с высоты еще лучше все видно. Может, и магические решетки над ямой заметнее станут.

Было обидно. Потому что, даже имея на запястье браслет и возможность пользоваться драконьей магией, решетки я не видела. Вообще ничего не видела. Отчего мне бонусом не досталось драконьего зрения?

Интересно, связывая нас нерушимыми узами, знал Иллар о блуждающей магии? Ведь если я могу его силой пользоваться, то и он моей способен. Отчего-то император представился одетым в юбку и блузку с кружевным воротом, и с метлой наперевес.

Я хихикнула, радуясь, что Прохор чуть вперед улетел. С его вечными подколками можно еще и не того нафантазировать.

А вообще, этот вопрос очень важен. Как работает наша связь и имеет ли двусторонний эффект. Ведь может случиться так, что собственную магию истощит Иллар и будет тянуть необходимое из меня.

Вот уж чего не хотелось, так это работать магическим источником дракона. Он-то, понятное дело, сам виноват, пусть плоды своей безрассудности пожинает, а вот я и так жертва, мне молоко за вредность положено, а не откачка ведьминской силы.

Отдала метле приказ спускаться. Как о магии подумала, так и есть захотелось. Силы мне нужны, а невидимость дает огромное преимущество.

— Кушать очень хочется, — пожаловалась спустившемуся следом ворону. — Я у вас тут вообще исхудаю с таким питанием.

— Могу тебе червячков накопать, — хитро щуря глаз предложил чудо-помощник, но я пропустила его слова мимо ушей.

— Ясное дело, что эти изверги где-то питаются. Нужно просто найти. Да и время к вечеру, удачный способ скоротать пару часиков.

Прохор сдался, потому что дико не хотел, чтобы я где-то еще шлялась. Ведь обязательно нацепляю еще неприятностей на свои вторые девяносто. А так, пересидим за трапезой, и сытно, и нервы у всех целы.

Питались драконы, как и подобает высшей расе. Кипенно-белые стены, высокие потолки, чистота такая, что пришлось обувь осматривать. А то нанесу грязи, сразу по следам и вычислят. Огромное помещение было разделено на небольшие квадраты перегородками. Вроде частных комнат в наших ресторанах. А еще, тут все было богато украшено золотым орнаментом.

Властители жизни, ни дать ни взять. У императора во дворце и то скромнее.

— Прощ, я тут и пяти минут не выдержу, — сказала, мигом теряя весь боевой настрой.

На меня давило все — стены, орнамент, пол с потолком и даже перегородки. Пространство вокруг будто разом начало съезживаться.

Я выскочила наружу скорее, чем смогла осознать происходящее. И только усевшись на лавочку, начала думать. Прохор, каким-то чудом, успевший вылететь за мной, молча прыгал рядом.

Временная петля — это не резинка, которую можно растягивать в разные стороны как тебе заблагорассудится. Она была рассчитана на определенный отрезок времени. Меня должно было выбросить либо, когда я увидела, как драконы мучают ведьм, либо в момент понимания того, что они едва не сгубили мою мать. На то, что я увлекусь ситуацией и продолжу тут беспредельничать, кукловоды не рассчитывали.

И теперь ловушка сжимается, норовя схлопнуться поскорее. И если на улице этого пока незаметно, то в помещении давление уже не грани.

— Прощ, есть мы не будем. Пошли на яму смотреть. Пленницам хотя бы воды должны принести, вот мы и проскользнем следом.

— А как ты выбираться будешь, дурья твоя башка? Магическая решетка-то схлопнется.

— Мы дракона задержим. Ну, или нескольких, если они по одному не ходят.

— Конечно, не ходят. Как минимум двое остаются снаружи, сдерживая защитную магию.

— Ну, значит, троих...

— Мил! — Прохор зло на меня уставился. — Чем ты их бить-то будешь? Метлой?

— Магией ведьмовской, — она тут работает с перебоями, но я постараюсь настроиться, благо, как накладывать стазис запомнила на всю жизнь. Главное, не паниковать, а то временная воронка может на мои чувства среагировать.

— Там защита аховая...

— Не попробуем, не узнаем, — я же в ладу с собой жить не смогу, если сейчас поверну назад.

Ворону даже возразить чего не нашлось. Как и притихшей метелке. Видно по мне, значит, что настроена решительно.

Было еще светло, но день неумолимо клонился к своему завершению. Что несказанно радовало. Ведь мама невидимкой не была, а, значит, при свете дня легко могла попасться.

К яме мы дошли за минуту, а вот стоять там я не смогла. Как вообще можно ходить по земле, понимая, что внизу, на расстоянии пары метров находятся люди. Будто по головам...

— Прощ, пойдём в засаде посидим.

— Зачем, нас все равно никто не видит.

— Мне так спокойнее, — сказала и отвернулась, в поисках высоких кустиков. Может, и прикорнуть удастся. Но взгляд неожиданно выцепил красное пятно среди зелени.

Так-так, никак соглядатаев по кустам понатыкали, ведьм охранять. Надо срочно вывести из строя вражеского противника!

Я шикнула ворону, взглядом указывая в нужную сторону, покрепче перехватила метлу и решительно двинулась накладывать стазис. А то, что его без помощи ведьм снять не смогут, отдавало в душе торжеством. Пусть попросят хорошенько у тех, кого пленили, глядишь и спесь сойдет. Силой заставить драконы все равно не смогут, слишком горды и независимы были ведьмы, а вот вымолить прощение возможно и выйдет.

Прохор ломанулся вперед, желая проверить периметр полностью, а у меня на губах зазмеилась улыбка. Я чувствовала то, как нехорошо дернулись губы, норовя раскрыться в хищном оскале. Ведьминская суть, которую заперли на самом дне моей души, давала о себе знать. Легким флером эмоций, мешающимся с моими собственными, тонким импульсом понимания, что я теперь не простая девчонка и должна быть жестче.

Жестче, требовательнее, честнее. зуб за зуб, удар за удар...

Даже головой дернуть пришлось, чтобы прогнать наваждение. Но действительно важными оказались слова Прохора.

— Ты в своей мстительной деятельности, главное, муженька не покалечь. А то он и так на голову болезный... — он замолк на секунду. — Ой, Милка... А, может, именно ты его в прошлом зашибла, что мозг повредился?

Я сначала не поняла, а потом присмотрелась внимательнее. Ну точно. Иллар. Когда он

успел только? Это же надо было до дворца слетать, переодеться и обратно своими ногами притопать.

Дракон, будто почувствовав мое присутствие, выглянул сильнее. Так, что стала заметна одежда. То, что виделось мне красным пятном, оказалось малиновым мундиром явно с чужого плеча.

— Мил, там дальше раздетый стражник валяется, листвой и травой присыпанный. Так что, слова свои обратно беру, ты ни при чем. Илларион и до встречи с метлой с головой не дружил.

Треп ворона шел мимо меня, словно навязчивая звуковая реклама возле метро. Что Иллар вынюхивал здесь? Так ослепила ненависть к ведьмам, что решил завершить дело своими руками? Или, как и предполагал Главный, император просто подослал сына шпионить?

Думала лихорадочно, перебирая в голове возможные варианты, пока на меня снова не начало надвигаться пространство. Оказывается, в помещении это ощущалось еще терпимо. Там сжимались стены, а здесь на меня грозило упасть небо.

Я покачнулась. Села на скользкую от влаги траву, закрыла голову руками, не желая ничего видеть и слышать. А когда смогла, наконец, нормально дышать, выдала ворону.

— Прощ, нас в ближайшее время отсюда вытолкнет. Не спрашивай как, важен сам факт. Мне может стать плохо, ты не обращай внимания, сразу лети навстречу.

Проще было бы прямо сейчас накрутить себя, заставив испытать ненависть. Чтобы образовалась правильная временная воронка, такая, какой и была изначально задумана, а не ждать принудительного выброса с непонятными последствиями. Но тогда я не увижу самого главного, и тем более, не смогу вмешаться. Ведь если Иллар задумал недоброе, кроме меня остановить его будет некому.

Небо начало темнеть, когда то тут, то там начали раздаваться голоса.

— Первый. Спокойно.

— Второй. Все тихо.

— Третий. Только мыши скребутся.

— Четвертый...

— Пятый...

Сколько же их тут, представить страшно. Плюс высоченный забор, магическая защита, да и возможность каждого стражника увеличить свою мощь, перекинувшись в дракона.

Хотя именно в драконьем облике для истинных ведьм они становятся уязвимее. По крайней мере, это выглядело именно так в истории, показанной ведьминской сущью.

Во второй ипостаси при применении магии, аура дракона искажается. В ней появляются явные бреши, через которые и получается подобраться максимально близко. В такие моменты они не могут сопротивляться, даже элементарно ответить. Будто бы драконам в истинном облике магия не полагается вовсе. Огонь — да, их стихия, а вот любое произнесенное заклинание коверкает изнутри саму суть. Будто должно быть четкое разделение между зверем и человеком, но про это отчего-то забыли.

Магия — прерогатива человека, огонь — дракона.

Эта мысль не просто взбудрила, дала полноценный заряд на действие. Хотелось закончить все в петле максимально быстро и аккуратно. Если будущее после обратного перемещения останется прежним, я знала, как помочь сестрам Иллара. Нужно было сравнить их ауры в человеческой и драконьей ипостаси. У императора они отличаются, возможно поэтому на него самого злоумышленникам воздействовать и не удалось. Его дракон иногда выходит из-под контроля, Крис упомянула, что это ненормально. А, может, как раз здесь и кроется смысл.

Я встала, встряхнулась и приготовилась сражаться. Слабость, накатившая после сжатия пространства, окончательно отступила.

— Давай завтра все сделаем, как светать начнет, не помрут они без воды. Пару часов всего, — зычный голос буквально резал окружающую нас тишину.

— Не пару, а все восемь. Следующая смена только к утру прибудет. Пока раскачаются...

Никак стража подросла пленниц кормить.

— Да и тролли с ними. Говорю ж, не сдохнут! — не желал успокаиваться первый, добавив в голос толику злости.

— А я тебе говорю, что всё нужно делать вовремя. Утром генерал будет решетку укреплять, а раз принц тут ошивался, и император нагряться может. Мне, как старшему смены, проблемы ни к чему.

Иллар на словах о принце дернулся. Не удивительно, ведь сказано было без должного уважения, будто не принц он, а надоедливая зверушка.

— Ты ведь видел, что ведьма днем творила? А ночью, говорят, у них сила тайная просыпается. Она же нас разнесет, костей не соберем.

— Струсил? — старший смены усмехнулся, но скорости шага не сбавил. — Над ямой защита такая, что все ведьмы безвольными тряпочками висят, да и железо в кандалах непростое. Но если трусишь, лучше переводись, у нас спокойно редко бывает.

Второй стражник промолчал. Как бы страшно ему ни было, место тут явно хлебное, а должность высокооплачиваемая.

Они подошли к яме и старший смены крикнул:

— Лазур, иди-ка сюда. Ты у нас недавно, опыта набираться нужно.

Секунды не прошло, как рядом с ними вырос парнишка в малиновом мундире. Я даже засомневалась, что дракон, до того шупло он выглядел. Высокий, худой, как палка, с длинным несуразным носом. Прямо пожалеть его захотелось, обогреть.

Мда-а. А я-то думала, они все здоровьем пышут.

— Полукровка, может быть, — видя мою реакцию, пояснил Прохор. — В смешанных союзах дети рождаются крайне редко. Один случай на тысячу. С учетом того, что драконы и так не особо плодовиты, можешь прикинуть масштаб. Слабые, неспособные совершить оборот. Для дракона смерть предпочтительнее, чем не иметь возможности перекинуться. А раз этого на службу взяли, значит, он не так плох, как выглядит. И магия есть, и вторая ипостась.

Так вот почему во мне жалость выиграла. Чутье истинной ведьмы обмануть невозможно, и чтобы Прохор не говорил, этот несчастный по-своему болен.

Я даже вперед подалась, желая рассмотреть поближе. Помочь все равно не выйдет, ведьминская суть, которая давала подсказки в заклинаниях, неактивна. Но, возможно, удастся понять, что именно с ним не так.

— Э-э-э, в руках себя держи, ведьма ненормальная! — Прохор попытался привести меня в чувство. — У них тут, может, маячки натканы, реагирующие на применение магии. Что в яме без последствий сработало, на поверхности может обернуться провалом!

Ага, из меня столько всего вылилось, когда маму узнала, вспоминать страшно, но ни один маячок не среагировал. Значит, их тут нет. Или натканы очень выборочно.

Но Прохор прав, рисковать не стоит. Пришлось даже по щекам себя похлопать, вразумляя. Но помогло. Тем более, Иллар в кустах завозился. Слонопотам какой-то, а не дракон. Не понимает, что ли, что слух тут у всех чрезвычайно острый.

Но драконы были слишком заняты, чтобы обращать внимание на что-то, кроме магической решетки, которую они пытались разомкнуть или растянуть. Я так до конца и не поняла, потому что саму решетку не видела. А вот натужное выражение на их лицах смотрелось крайне занимательно.

— Все, ребята, — старший смены выглядел довольным. Будто бы до последнего сомневался, что два юнца с заданием справятся. — Теперь держите, пока я обратно не вернусь, но если...

Закончить мысль он так и не успел, поваленный на землю. Иллар действовал невероятно быстро и точно. Пара мощных ударов и старший смены уже не подает признаков жизни. Он даже вскрикнуть не успел, не то что на помощь позвать.

Также быстро будущий император разделался и с теми, кто держал решетку.

— Я его почти зауважал, — вслух высказал Прохор то, что вертелось у меня на уме.

Именно почти, ведь мы не знали для чего Иллар все это затеял. Но то, как мастерски провернул операцию, вызывало восхищение. Один подросток против троих взрослых драконов. И если Лазур выглядел слабым, то старший смены стоил десятерых.

Я оседлала метлу, чувствуя, что действовать придется на максимальных оборотах. Иллар повернулся тут же, смотря прямо на меня. Его глаза горели желтым, хоть он и продолжал выглядеть человеком.

— Не двигайся, Мил. Спровоцируешь зверя. Иллар тебя не может видеть, но каким-то образом чувствует.

Не Иллар. Меня чувствовал его дракон. Теперь я понимала это отчетливо. Только вот из-за разногласий со зверем сам Иллар того, что было днем совершенно не помнил. Дракон загнал человеческую суть на самое дно, не давая возможности осознать себя, то же самое сейчас проделал и император. Он полностью блокировал зверя, посадил его в жесткую клетку, чтобы тот не смел более поднимать головы без разрешения. Но даже в железной клетке дракону нельзя запретить чувствовать.

Это из-за меня у Иллара начались проблемы с контролем. Возможно, за многие годы он их и преодолел, но стоило рядом появиться истинной ведьме, сбой произошел вновь.

Так кто я для императора — персональная проблема или спасение? Ведь не будь меня рядом, проклятье, что удалось наложить на Розу, вполне могло подействовать и на него.

Разобшенная аура у двух ипостасей... В этом определенно есть смысл. Нужно сесть, и хорошенько обдумать, поискать литературу, спросить у Прохора... Очень нужно, но потом. А сейчас я с замиранием сердца следила за тем, как Иллар отводит взгляд, открывает заслон и смело прыгает в чернеющую пустоту.

— Не вздума-ай! — протянул ворон, крыльями закрывая мне лицо.

— Отстать, — я принялась его отдирать, но аккуратно. Моя жалость снова играла окружающим на руку, потому что страшно было перышки повредить, вдруг Прохор потом летать не сможет.

— Там темно и страшно.

— А если он там их всех перебьет, а?

— Это все равно уже было. Нужно к прошлому относиться без эмоций.

— Вот послал же бог помощника бессердечного.

Я, наконец, применила силу, отлепляя от себя черные крылья. Пусть тут остается, раз ему страшно, а у меня выбора нет.

Стиснула ногами метлу, ожидая, что та меня сразу в яму помчит. Резво и с ветерком. Но она как была неподвижной палкой с прутьями, так и оставалась.

— Это что еще за заговор против короны? — спросила вслух, ожидая внятного ответа.

— Мания величия в действии, — Прохор, скептически хмыкнул, а потом как давай голосить. — Мил, а ты ж и правда императрица теперь! ПОНИМАЕШЬ? ИМПЕРАТРИЦА!

Не понимаю. Из меня императрица, как из хромого танцор.

— Нет, ну ты только подумай.

Думать было не о чем, этот факт у меня положительных эмоций не вызывал. Иллар был полон решимости от жены избавиться, так что звание императрицы тут является номинальным. И даже если бы я очень хотела вмешаться в управление королевством, меня бы и близко не подпустили.

Ведьма в драконьем совете. Ха, и еще раз ха.

— Эй, Любава, на тебя нелетун напал? — я метлу встряхнула посильнее. Внутри начинала расплзаться паника. Вдруг из-за упрямства метлы и ворона я не смогу защитить маму? — Ладно, тогда я сама.

Я демонстративно разжала пальцы, отпуская строптивицу, и сделала вид, что собираюсь прыгать. Понятное дело, что блефовала, шея мне еще дорога, но доверчивая метелка мигом ожила и подхватила, не давая сигануть в неизвестность.

— Любава... — простонал ворон, закрывая глаза крылом. — Она ж тебя провела.

Метла взметнулась вверх, сделала петлю и понесла меня прямехонько в открытую зубастую пасть. По крайней мере, с высоты не до конца отворенные створки виделись мне именно так.

— СТОЙ! — крик Прохора действительно заставил нас притормозить. И очень вовремя. Потому что из ямы, показался Иллар. Его подъем отличался от того, что мы видели ранее. Он не пользовался воздушной волной, а будто парил в воздухе.

Копперфильд, не иначе. У меня аж дух захватило, так это потрясающе выглядело. А уж когда рассмотрела у него на руках женщину, и вовсе дышать перестала.

Я бы узнала её из тысячи одинаково одетых людей, потому что мы всегда были тесно связаны. По крови, духу и силе. Ведьмы, способные управлять.

Я ведь сразу за нее зацепилась, как только нас перебросило в прошлое, не понимая толком почему. Мама выделялась среди остальных пленниц нестигаемым внутренним стержнем. Одна из последних истинных ведьм, до самого финала не изменившая своему

призванию.

Такая сильная прежде, она выглядела сейчас поломанной куклой. Страшный контраст, отдающий в груди тянущей болью.

Как только ноги коснулись земли, я сделала шаг в их сторону.

— Мил, не надо, — Прохор в человеческом облике преградил мне дорогу. Как он это сделал? Обязательно вызнаю, но попозже.

— Будешь мешать, силу драконью применю, — пригрозила, понимая, что действительно на это способна. Смести его с пути, чтобы добраться до матери.

Он отступил, но аккуратно взял за руку, сразу почувствовав, как меня трясет.

Иллар положил Яромилу на землю метрах в десяти от подземной тюрьмы. Явно не просто так, но это шло для меня лишь фоном, ведь мама едва дышала. С хрипами, сотрясаясь грудью, будто рыданиях.

И это не Иллар сделал, иначе бы оставил её умирать в яме, а не тащил на поверхность, где больше воздуха.

Я стоять была больше не в силах, падая на колени, и до мамы добиралась уже ползком. Как помочь? Как?

Иллар, склонился к ней низко-низко, пробуя оказать первую помощь, вдыхал в полуоткрытые губы кислород, руками надавливая на грудь. Но ей становилось от этого хуже. Даже хрипы выходили теперь с каким-то бульканьем.

Я действовала по наитию. Так, как чувствовала. Готова была отдать всю магию, все свои силы, лишь бы облегчить боль, заставить дышать ровно. Положила свои ладони на скрещенные руки Иллара и отпустила силу. Было плевать, что он это почувствует, что может испугаться и среагировать неправильно, ведь любое промедление могло стоить маме жизни.

Магия текла легко, будто бы мое тело для нее являлось лишь переменным сосудом. Временным, как и сама я. Девочка Мила, для которой будущего может просто не существовать.

— Ласковые волны силой наполняют,
Каждый колокольчик здоровья желает,
Нежная розинка, тонкий солнца лучик,
Ты дыши, родная, сразу станет лучше.

Слова текли из меня, словно я их всегда знала. Древний заговор, который из уст в уста передавался в каждом поколении истинных ведьм. Его знала мама, бабушка и многие до нее. Древний, как сам мир. Каждое слово было наполнено магией, каждое ложилось на грудь Яромилы живительным снопом золотых искр.

Я будто бы отдала сейчас всю себя, но стала в разы сильнее.

Мама задышала ровнее, попыталась открыть глаза, а я тут же встала, чтобы отойти. Потому что в ушах снова стучал перезвон сжимающегося пространства, и на этот раз выбора у меня не было. Не уйду сама, вышвырнет, переломав при перемещении кости.

— Спасибо, — мама совсем как я секунду назад, накрыла руки Иллара своими.

— Услуга за услугу....

Он еще что-то говорил, по крайней мере, губы дракона продолжали движение, но звон колоколов в моей голове стал просто невыносимым.

— Прохор! — закричала, понимая, что уже не чувствую под ногами опоры. — Любава, — удалось выдавить из последних сил.

Из-за того, что я сопротивлялась, желая дождаться метелку с вороном, давление в моей

голове грозило достигнуть предела. Из носа закапала кровь, руки и ноги потеряли чувствительность.

— Прохор...

Я надеялась, что он успеет, потому что сознание быстро мутнело, а потом и потухло вовсе.

Больше книг на сайте - Knigoed.net